

Жизнь знаменитыхъ Грековъ, по Плутарху обработано для юношества Альфонсомъ Фигье, съ 100 рисун. Фелье. Въ колѣнк. перепл. Ц. 3 р., безъ перепл. 2 р. 50 к.

Жизнь знаменитыхъ Римлянъ, по Плутарху обработ. для юношества Альфонсомъ Фигье. Съ 100 рисунк. Въ колѣнк. золототисн. перепл. Ц. 3 р., безъ перепл. 2 р. 50 к.

Свѣтила науки. Жизнеописанія замѣчательныхъ ученыхъ отъ древности до нашихъ дней и краткая оцѣнка ихъ трудовъ. Съ 50 портретами и гравюрами, снятыми съ древнихъ памятниковъ. Сочин. Фигье. 3 т. Цѣна каждому 4 р., въ перепл. 5 р.

Исторія Петра Великаго, рассказанная юношеству А. Чистяковою, съ 10 рисунк. Г. Пиллати. Въ красив. колѣнк. перепл. Ц. 4 р. 50 к.

Исторія Наполеона I-го. Сочин. П. Ланфре. Переводъ съ французскаго. Подъ редакцію А. Афанасьева-Чужбинскаго. 5 т. Ц. 12 р.

Исторія Юлія Цезаря. Сочин. Наполеона III. Переводъ М. М. Стасюлевича. 2 т. Ц. 10 р.

Иллюстрированная исторія Россіи. Въ разговорн. для дѣтей. Съ 52 изображеніями замѣчательныхъ историческихъ сценъ по рисункамъ М. Оппенгейма. Ц. 2 р., въ богат. колѣнк. перепл. Ц. 2 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ

ФЕНИМОРА КУПЕРА.

Томъ I.

Р 58
226

ЗВѢРОБОЙ.

(The Deerslayer.)

ПОВѢСТЬ

ФЕНИМОРА КУНЕРА.

Переводъ Д. Коковцова.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Л-1

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, } МОСКВА,
Гостиный дворъ, № 17 и 18. } Кузнецкій Мостъ, д. Третьякова.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ 1740 году, въ солнечный июльскій день, по безконечному лѣсу, который тянется на востокъ отъ рѣки Миссисипи, раздавались громкіе голоса двухъ охотниковъ, сбившихся съ пути и всячески старавшихся попасть на знакомую тропинку. Наконецъ, старанія одного изъ нихъ увѣнчались успѣхомъ; съ радостнымъ крикомъ выскочилъ онъ изъ извилистаго болотнаго лабиринта на поляну, обязанную происхожденіемъ своимъ соединеннымъ силамъ опустошительнаго вѣтра и всеистребляющаго огня. Поляна эта лежала близъ одного изъ разбѣянныхъ въ этой странѣ холмовъ, и хотя покрыта была множествомъ пней и кустовъ, но открывала свободный видъ на небесную лазурь.

— Здѣсь, наконецъ, можно свободно вздохнуть, воскликнулъ охотникъ, отряхая свой мужественный

что прямо выказывала въ немъ сознание своей красоты и увѣренность въ томъ, что ему можно обойтись безъ всякихъ искусственныхъ украшеній.

— Кушайте, Звѣробой, сказалъ онъ своему спутнику, — кушайте на здоровье; докажите, что у васъ желудокъ Делаваровъ, такъ какъ вы увѣряете, что они воспитывали васъ; докажите мужество ваше зубами на этомъ жареномъ оленѣ, подобно тому какъ доказываете на охотѣ мѣткими выстрѣлами.

— Гурри, отвѣчалъ Звѣробой, — едва ли нужно много мужества, чтобъ застрѣлить такое бѣдное пугливое гвореніе, — это не то, что убить пантеру или двкую кошку. Делавары дали мнѣ мое прозвище не за отважность мою, а за то, что глазъ мой зорокъ, ноги быстры и рука тверда. Я, конечно, не думаю, что убить оленя — трусость, но и храбрости-то въ этомъ не много.

— Делавары и не могутъ быть рыцарями, возразилъ Гурри съ нѣкоторой ироніей: — иначе бы они не сдѣлались совершенными бабами по милости такой сволочи какъ Мингосы.

— Постоите, не судите такъ поспѣшно; этотъ вопросъ еще недостаточно разъясненъ, съ жаромъ воскликнулъ Звѣробой. Я самъ живу болѣе 10 лѣтъ въ вашихъ странахъ и смѣло могу сказать, что Делавары по крайней мѣрѣ такъ же мужественны, какъ и всякій другой дикій народъ.

— Ну, пусть будетъ по-вашему, перебилъ его Гарри, какъ же вы-то сами? вы были всегда, какъ говорили,

такъ счастливы на охотѣ, а случалось ли уже вамъ выстрѣлить въ полное жизни человѣческое существо, и попался ли вамъ хоть одинъ непріятель, который готовъ бы былъ заплатить вамъ тѣмъ же?

На некрасивомъ, но выразительномъ лицѣ Звѣробоя вопросы эти вызвали на одно мгновеніе борьбу легкаго стыда съ правдой; послѣдняя, однако, взяла верхъ, и онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, никогда не дѣлалъ я того, о чемъ вы меня спрашиваете, но только потому, что случая до сихъ поръ не представлялось: Делавары еще не вели войны во все время моего у нихъ пребыванія, а убить человѣка иначе, какъ въ открытомъ поединкѣ, а считаю за грѣхъ и подлость.

— Ну, вотъ, крикнулъ Гурри: — развѣ вы никогда не заставляли въ вашихъ сѣтяхъ и западняхъ какого-либо молодца, который хотѣлъ воспользоваться плодами вашихъ трудовъ?

— Я не ставлю западней, отвѣтилъ Звѣробой: — я охотникъ, и никогда не продалъ ни одной шкуры, въ головѣ которой не было бы пробито отверстіе между глазъ; мое оружіе — ружье, и въ умѣннѣ владѣть имъ я едва ли уступлю любому стрѣлку отъ Гудсона до Св. Лаврентія.

— Да, да, это все такъ, возразилъ небрежно Гурри: — но вѣдь звѣрь ничто въ сравненіи съ видѣйцемъ: застрѣлить такое существо изъ засады еще стоитъ труда, а потому я совѣтовалъ бы вамъ убить хоть одного врага, пока еще продолжается правиль-

что соты тись —
 нику желу они бами докаа —
 многе гворе кошке важн быстр убить не мн —
 зиль не ед сволю —
 вопро воскл въ в лавар и вся —
 какъ

ная война; я положительно буду стыдиться вашего общества, если вы ограничитесь стрѣлянiемъ четвероногихъ и не испытаете себя на чемъ либо другомъ.

— Ну, ну, Гарри: нашъ путь близокъ къ концу, и я полагаю, мы можемъ разойтись еще до наступления ночи, если вы стыдитесь моего общества. Я ожидаю прiятеля, который другаго мнѣнiя и не считаетъ за стыдъ вести знакомство съ тѣмъ, кто еще не убилъ ни одного человѣка.

— Я хотѣлъ бы знать, что тянетъ сюда коварнаго Делавара, проворчалъ про себя Гарри. — Гдѣ же вы думаете его встрѣтить?

— Внизу у озера, на небольшой скалѣ, гдѣ различныя племена заключаютъ договоры и зарываютъ свои сѣкиры. Я ужъ часто слыхалъ объ этомъ мѣстѣ, хотя самъ еще не видалъ ни скалы, ни озера; знаю только, что вся прилегающая полоса земли считается, какъ Мингосамп, такъ и Могиканами, за общую ихъ собственность, пока они живутъ въ мирѣ, — а ужъ какъ будетъ въ случаѣ войны, объ этомъ вѣдаетъ небо.

— Общая собственность! смѣясь воскликнулъ Гарри. — Томъ Гуттеръ едва ли на это согласится, ибо, основываясь на 15-тилѣтнемъ владѣнiи, онъ считаетъ озеро своею собственностiю и не уступитъ его безъ жестокой борьбы ни Мингосамъ, ни Делаварамъ.

— Этотъ Томъ Гуттеръ долженъ быть странный человѣкъ, судя по всему, что я уже о немъ слышалъ отъ васъ, сказалъ Звѣробой: — какая же собственно его жизнь?

— Да онъ такой же человѣкъ, какъ и другiе, возразилъ Гарри. Нѣкоторые думаютъ однако же, что онъ одно время былъ морскимъ разбойникомъ, и переселился сюда, чтобы на отдыхъ пользоваться своею добычею.

— Въ этомъ онъ не правъ, сурово замѣтилъ Звѣробой: — чужое добро никому впрокъ не идетъ.

— Это зависитъ отъ характера, небрежно сказалъ Гарри, — у каждаго человѣка свои странности. Одно только вѣрно, что Гуттеръ живетъ себѣ у озера спокойно съ своими двумя дочерьми, и, какъ старый прiятель его, я хочу ихъ сегодня навѣстить.

— Развѣ у него ужъ нѣтъ жены? спросилъ Звѣробой.

— Была, да умерла, и старый Томъ, по обычаю приозерныхъ жителей, бросилъ трупъ въ воду. Она была хорошая и добрая женщина, но главная заслуга ея въ томъ, что она вырастила такихъ хорошенькихъ дочерей, какъ Юдиенъ и Гетти.

— Объ Юдиенъ я уже слыхалъ, замѣтилъ Звѣробой, — Делавары дали ей за ея красоту прозвище дикой розы, — но говорятъ, она очень тщеславна и легкомысленна.

— Объ этомъ я спорить не буду, хотя всегда вижу ее съ удовольствiемъ; конечно, она не то, что сестра ея Гетти.

— А эта какова?

— Не дурна и добра, но ума весьма ограниченнаго, почти слабоумная.

— Значитъ, она изъ числа тѣхъ, которыхъ Богъ беретъ подъ свое особое покровительство, торжественно сказала Звѣробой. — Даже индѣйцы уважаютъ слабоумныхъ, и никто ихъ не обижаетъ. — Впрочемъ, добавилъ онъ, взглянувъ на небо: — солнце близко къ полудню, и намъ бы можно снова пуститься въ дорогу, чтобы скорѣе увидеть отца и дочерей.

Гурри Гарри поспѣшно вскочилъ, и, собравъ остатки обѣда, оба охотника сошли съ поляны и углубились въ дикій и густой лѣсъ. Гурри шелъ впередъ съ увѣренностію человѣка, которому дорога хорошо знакома, и только тогда остановился, когда уже прошли около мили. — Тутъ онъ окинулъ мѣстность испытующимъ взглядомъ, и случайно остановилъ глаза на корняхъ поваленныхъ деревьевъ, которыхъ было множество, какъ во всякомъ дѣвственномъ лѣсу Америки.

— Это должно быть то самое мѣсто, сказала онъ наконецъ. — Вотъ буквое дерево рядомъ съ елью и тремя соснами, а тамъ бѣлая береза съ сорванной верхушкой; но я все-таки не вижу скалы и сломанныхъ вѣтвей, которыя мы должны были здѣсь найти.

— Сорванные верхушки — знакъ не совѣмъ вѣрный, ибо онѣ часто сами ломаются; вспомните, что намъ сказано: букъ, сосна и ель, а здѣсь такихъ деревьевъ не два или три, а сорокъ, пятьдесятъ, сто.

— Да; но вы не смотрите, въ какомъ порядкѣ они расположены. Тутъ букъ и ель.

— И тамъ букъ и ель, а дальше опять и опять то же, стоятъ себѣ рядышкомъ какъ братья. Это во-

все не рѣдкость, и мнѣ кажется, Гурри, что вы способны стрѣлять медвѣдей и ловить бобровъ, чѣмъ отыскивать какой нибудь слѣдъ. А вотъ я такъ вижу тамъ то, что вы бы нашли съ удовольствіемъ.

— Гдѣ? пусть меня повѣсятъ, если вы на настоящей дорогѣ.

— Смотрите туда, Гурри. Тамъ, въ прямой линіи съ черной березой, видите ли сгорбленное деревцо, прислоненное къ вѣтвямъ сосѣдней липы. Деревцо это покрыто снѣгомъ и было придавлено, но не само поднялось оно, а человѣческая рука прислонила его къ липѣ.

— И это была моя рука, вскричалъ Гурри: — я первый увидалъ это деревцо и приподнялъ его. Ну, я долженъ сознаться, что у васъ дѣйствительно вѣрный лѣсной глазъ.

— Это еще пока дѣтскій глазъ въ сравненіи съ другими. Вотъ, если бы вы знали Тамелунда: у него ужъ правнуки есть, а ничто не ускользнетъ отъ его зоркости. Также Ункасъ, отецъ Чингахгока, бывшій глава Могикановъ, одинъ изъ тѣхъ, отъ котораго ничто не ускользаетъ. Мой глазъ тоже привыкаетъ, но еще далеко отъ совершенства.

— Кто же этотъ Чингахгокъ? вѣроятно, коварный краснокожій, не стоящій и одного выстрѣла?

— Не спѣшите такъ судить, Гурри; онъ очень достойный индѣецъ, и могъ бы быть главою, еслибы не происходилъ изъ падшаго народа. Невольно сжи-

мается сердце, когда зимою, въ ихъ хижины, слушаешь рассказы о минувшемъ величїи Могикановъ.

— Другъ Натанїель! сказалъ Гурри, подперевъ бока руками и взглянувъ пристально на своего спутника, чтобы придать своимъ словамъ особое значеніе: — тотъ человѣкъ дуракъ, кто вѣритъ всему, что болтаютъ. Краснокожіе страшные хвастуны и, по большей части, половина ихъ розказней и преданій — чистая ложь.

— Можетъ быть въ ихъ розказахъ есть и доля правды, возразилъ спокойно Звѣробой: — хвастовство это одно изъ природныхъ качествъ каждаго индїйца, и поему, несправедливо было бы лишать кого либо права пользоваться тѣмъ, что ему дано природою. Впрочемъ, не о чемъ толковать; мы теперь на томъ мѣстѣ, котораго искали.

Здѣсь разговоръ прервался, и Звѣробой показалъ своему спутнику стволъ громадной липы, свалившейся отъ собственной тяжести и постепенно гнившей отъ времени.

— Да, это то дерево, которое намъ нужно, воскликнулъ Гурри: — помогите-ка мнѣ, прїятель, и мы черезъ полчаса будемъ уже на водѣ.

Звѣробой приблизился; Гурри, снявъ съ отверстія на боку дерева нѣсколько кусковъ коры, вытащилъ спрятанный внутри ствола челнокъ, съ сидѣньемъ, веслами и другими принадлежностями. Гурри безъ видамаго усилія взвалилъ все это себѣ на плечи, чтобы нести безъ помощи своего спутника.

— Идите впередъ, Звѣробой, сказалъ онъ: — раздвигайте только немного кустарники и предоставьте мнѣ остальное.

Звѣробой повиновался и пошелъ по указаніямъ Гурри, который кричалъ ему то направо, то налево, и спустя не болѣе десяти минутъ они вдругъ очутились на небольшой песчаной площадкѣ, гдѣ и увидѣли надъ головами лучи солнца, а предъ собою — широкое водяное пространство.

При столь неожиданномъ зрѣлищѣ, Звѣробой вскрикнулъ отъ изумленія. Это было озеро длиною на три часа ѣзды, а шириною не болѣе полуторыхъ миль. Берега имѣли неправильныя очертанія и часто прерывались мысами и заливами. Съ сѣверной стороны вода перерѣзывалась крутымъ возвышеніемъ, которое съ восточной и западной стороны шло постепенно понижааясь и наконецъ исчезало въ округленныхъ линіяхъ. Вообще берега были гористы; высокіе и малые холмы круто возвышались надъ уровнемъ воды, занимая до $\frac{9}{10}$ всего пространства. Промежутки служили, казалось, лишь для того, чтобы сдѣлать мѣстность болѣе разнообразною, ибо даже низменные части берега, по мѣрѣ удаленія отъ воды, постепенно возвышались и становились замѣтными гористыми массами. Зеркальная поверхность воды была совершенно спокойна, — и куда глазъ ни обращался, вездѣ встрѣчалъ онъ гладкую прозрачную воду, темноглубой сводъ неба и густую зелень окаймлявшаго берегъ

что
соты
тись

—
нику
желу
они
бами
дока:

—
мног
творе
кошк
важн
быстр
убить
не мн

—
зиль
не сл
своде

—
вопр
воскл
въ ва
лавар
и все

—
какъ

лѣса. Общій видъ представлялъ увлекательную картину возвышенныхъ красокъ природы.

— Это восхитительно! воскликнулъ Звѣробой, опираясь на свое ружье и озирая мѣстность со всѣхъ сторонъ.—Это возвышаетъ духъ человѣка, и, въ то же время, преклоняетъ его предъ Божиимъ могуществомъ. Нигдѣ, куда только достигаетъ взглядъ, ни одно дерево не разрушено человѣческой рукой, и все точно только-что вышло изъ рукъ Создателя.

— Да, здѣсь видъ не дуренъ, замѣтилъ Гарри, не обращая особаго вниманія на восторженные возгласы своего товарища.—Однако, челнокъ готовъ, садимъ и поплывемъ, чтобъ скорѣе достигнуть жилища стараго Гуттера, которое стоитъ на якорѣ въ одной изъ бухтъ. Живо впередъ, и черезъ пятнадцать минутъ мы на мѣстѣ.

Нехотя разстался Звѣробой съ предестнымъ видомъ, которымъ онъ такъ восхищался, и, уступая призыву своего спутника, сѣлъ въ челнокъ.—Нѣсколько сильныхъ ударовъ веселъ унесли ихъ далеко отъ берега и направили по чистой поверхности водъ на виднѣвшееся вдали строеніе, которое Гарри вздумалось назвать выхухолевымъ укрѣпленіемъ.—По временамъ они переставали грести и останавливали вниманіе на прекрасныхъ видахъ окружающей ихъ мѣстности, а потомъ съ большою силою налегали на весла, чтобъ вознаградить потерянное время.

— Право, это озеро представляетъ зрѣлище, согревающее душу, сказалъ Звѣробой, когда они въ четвер-

что
соты
тись
—
нику
желу
они
бами
дока:
—
много
гвор
кошк
важн
быстр
убити
не мн
—
зилъ
не сл
своло
—
вопр
воскл
въ ва
лавар
и вся
—
какъ

тый или пятый разъ остановились: — и вы говорите, что никто не имѣетъ права назвать это своею собственностью?

— Да, мой милый, никто, кромѣ короля, а онъ такъ далеко, что едва ли побезпокоитъ стараго Гуттера, который безпрепятственно владѣетъ озеромъ, не имѣя на то никакихъ правъ.

— Этому человѣку можно позавидовать, задумчиво возразилъ Звѣробой.

— Ну, если его богатство васъ такъ соблазняетъ, смѣясь сказалъ Гарри, — такъ стоитъ вамъ только жениться на его дочери Гетти, и старикъ дастъ вамъ полное право истреблять звѣрей на пять миль въ окружности.

— А много тутъ дичи? спросилъ Звѣробой, не обращая вниманія на шутку своего собесѣдника.

— Довольно много, потому что развѣ одинъ разъ въ годъ стрѣляютъ ее.

— А краснокожіе часто посѣщаютъ эти воды?

— Какъ случится: иногда явятся цѣлой толпой, а иногда поодиночкѣ; но вообще они не часто показываются, и оставляютъ бѣлымъ довольно времени охотиться въ этой дикой мѣстности.

— Я этому очень радъ, возразилъ Звѣробой, и весьма доволенъ, что Чингахгокъ избралъ озеро для нашего свиданія, ибо мнѣ никогда не случалось видѣть зрѣлища болѣе восхитительнаго.

— Это все оттого, что вы постоянно кочевали у Делаваровъ, которыхъ страна не изобилуетъ озерами.

Однако, поплывемъ дальше, мы и то уже много при- мѣшкали.

Звѣробой налегъ на весла, и началъ усиленно грести, пока лодка не приблизилась къ жилищу старика Гуттера на разстояніе не болѣе ста шаговъ. Тогда Гурри, замѣтивъ по нѣкоторымъ признакамъ, что хозяинъ зяевъ нѣтъ дома, пересталъ грести, чтобы дать своему спутнику время рассмотреть представляющуюся оригинальную постройку. Она расположена была среди озера, въ разстояніи четверти мили отъ ближайшаго берега, и стояла на узкой мели, едва покрытой водою на восемь футовъ. Въ мель эту Гуттеръ вколотил сваи и устроилъ на нихъ жилище свое такимъ образомъ, что вода протекала подъ нимъ со всѣхъ сторонъ.

— Три раза пудѣбцы огнемъ выгоняли старика Тома изъ жилища его, пока онъ жилъ на твердой землѣ, сказалъ Гарри, и въ одной изъ стычекъ сими онъ даже лишился своего единственнаго сына. Съ тѣхъ поръ онъ строитъ свою хижину на водѣ, къ нему никто не можетъ приблизиться иначе, какъ на лодкѣ, а краснокожіе оставили его въ покоѣ, такъ какъ имъ извѣстно, что онъ всегда обильно снабженъ оружіемъ и боевыми снарядами.

Хотя Звѣробойю не случилось участвовать въ войнѣ, тѣмъ не менѣе онъ понималъ, что нападеніе на жилище Тома представлялось весьма затруднительнымъ, ибо нападающіе неминуемо подвергались бы губительному огню осажденныхъ. Строеніе было выведе-

прочно и очевидно представляло болѣе средствъ къ защитѣ, чѣмъ обыкновенные блокгаузы пограничныхъ жителей. На углы и бока зданія употреблены были стволы здоровыхъ сосенъ, около девяти футовъ вышины, и стволы эти поставлены стоймя. Къ верхнимъ оконечностямъ были плотно прикрѣплены доски; дно сдѣлано было изъ стволовъ меньшей величины, а крышка изъ легкихъ кольевъ, крѣпко перевязанныхъ и покрытыхъ древесной корой. Стѣны были толщиной въ два фута и все строеніе имѣло снаружи довольно грубый видъ; внутри же стѣны были гладко обтесаны и потому давали жилищу видъ уютный и приятный для глазъ.

Пристань устроена была въ видѣ досчатой платформы у самаго входа въ домъ, и имѣла около 20 квадратныхъ сажень въ окружности.

— Это, сказалъ Гарри, показывая на платформу, — Томъ называетъ своимъ преддверьемъ. Но подплывемъ ближе, чтобы имѣть возможность осмотрѣть внутренность строенія.

Они пристали къ такъ называемому преддверью, вышли изъ лодки и вошли во внутрь дома, такъ какъ дверь не оказалась ни запертою, ни загороженною. Все пространство, занятое домомъ, длиною около 40 и шириною 20 футовъ, раздѣлено было на нѣсколько небольшихъ спаленъ, и только комната, въ которую они прежде всего вступили, могла назваться жилымъ покоемъ, хотя въ то же время замѣняла и кухню. Все внутреннее устройство было весьма просто, но

при этомъ невольно бросались въ глаза часы въ красивомъ футлярѣ изъ темнаго дерева и нѣсколько стульевъ и стульевъ, которыхъ наружность ясно доказывала, что они попали сюда изъ богатаго дома. Кухонные приборы были очень просты и немногочисленны, но по чистотѣ ихъ можно было заключить, что они всегда содержатся въ исправности.

— Ну, на столько мы знаемъ, что стараго Тома нѣтъ дома, сказалъ Гарри: — вѣроятно, онъ поѣхалъ ставить западни бобрамъ; по моему, намъ опять бы сѣсть въ лодку и отправиться искать его.

— А что, королевскіе слуги еще не дали этому озеру никакого названія? спросилъ Звѣробой, который все время былъ особенно задумчивъ.

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ Гурри: — впрочемъ, они мало знаютъ объ его существованіи. Между нами же условлено называть его Глимергласъ (слюдовое стекло)

— Тамъ долженъ быть истокъ, сказалъ Звѣробой, — ибо скала, гдѣ я долженъ встрѣтить Чингахгока, находится близъ истока, у котораго, вѣроятно, тоже еще нѣтъ имени.

— Истокъ этотъ туземцы называютъ Сускеганиа, возразилъ Гарри. Но довольно болтать; по моему, пора пуститься въ путь, чтобы отыскать семейство Тома.

Звѣробой безмолвно кивнулъ въ знакъ согласія, и Гарри прежде, чѣмъ отчалить, внимательно осмотрѣлъ сѣверную часть озера въ подозрную трубу, найденную имъ между вещами Гуттера.

— Я такъ и думалъ, сказалъ онъ, окончивъ свой

осмотръ: старый Томъ находится въ южной части озера, и туда нужно намъ направиться, чтобы отыскать его сокровенное убѣжище.

— Зачѣмъ же ему прятаться? спросилъ Звѣробой: — я думаю, въ этой пустынѣ это совершенно лишнее.

— Вы забываете Мингосовъ, пріятель. Развѣ есть на свѣтѣ хотя одинъ уголокъ, куда бы эти каналы не заглянули? А попадись онъ имъ, то, навѣрное, безъ всякаго разговора окрасятъ воду его кровью.

— Дѣйствительно, я ни отъ кого не слыхалъ объ нихъ хорошаго, и не могу сказать, чтобы и самъ любилъ ихъ, хотя мнѣ еще не случалось встрѣчаться съ ними на полѣ битвы. Делавары увѣряютъ, что они совершенные негодяи.

— И въ этомъ Делавары совершенно правы, возразилъ Гурри.

Послѣ этихъ словъ, оба сѣли въ челнокъ и быстро поплыли по зеркальной поверхности озера, безпрестанно оглядывая со вниманіемъ берега. — Каждый разъ, когда челнокъ миновалъ выступавшую часть берега, Гурри бросалъ пытливый взглядъ назадъ, въ надеждѣ увидеть на якорѣ лодку стараго Гуттера, которую онъ называлъ пловучимъ домомъ. Однако, его надежды не оправдывались, и они, послѣ двухъ часовъ плаванія, приблизились уже на разстояніе одной мили къ южной оконечности озера, когда вдругъ онъ пересталъ грести, находясь въ нерѣшительности, въ какую сторону направиться.

— Старый плутъ, пожалуй, спустился внизъ по рѣкѣ, Куперь. I.

сказалъ онъ, снова осматрѣвъ внимательно все видное пространство берега.

— Гдѣ же рѣка? спросилъ Звѣробой: — я нигдѣ не вижу въ берегѣ отверстія, которое могло бы служить протокомъ такой рѣки, какъ Сускеганна, на берегу которой я часто охотился.

— Протокъ этотъ такъ узокъ, такъ густо закрытъ еловымъ и сосновымъ лѣсомъ и такъ окруженъ высокими скалами, что вамъ и нельзя его увидеть. Сускеганна здѣсь не такъ широка, какъ дальше, въ внутренности материка, и если стараго Тома нѣтъ въ «Крысей норѣ», то онъ навѣрное спустился въ рѣку. Поэтому посмотримъ сперва въ Крысей норѣ, а потомъ уже пустимся внизъ по рѣкѣ.

Во время дальнѣйшаго плаванія Гурри объяснилъ, что Крысей нора — это неглубокая бухта, окаймленная низменнымъ длиннымъ мысомъ и названная такъ потому, что въ ней водились въ большомъ количествѣ выхухолы.

Скоро достигли и мыса, который тянулся параллельно главному берегу, принявшему здѣсь направленіе къ югу на протяженіи четверти мили, чтобы потомъ, прорѣзавъ долину, образовать южный край озера. Здѣсь Гурри надѣлся навѣрно найти плавающий домъ, который могъ стоять тутъ цѣлое лѣто на якорахъ за деревьями, скрывавшими выступъ, не подвергаясь опасности быть кѣмъ либо замѣченнымъ.

— Мы скоро должны ихъ увидеть, сказалъ онъ: — старый Томъ охотно прячется въ тростникъ и ку-

старникъ, и не далѣе какъ чрезъ пять минутъ мы откроемъ его гнѣздо, хотя, можетъ быть, его самого тамъ и не будетъ, если онъ пошелъ взглянуть на свои западни и сѣти.

Однакоже, предсказаніе Гурри не сбылось. Челнокъ объѣхалъ кругомъ всего мыса, и оба товарища все-таки не увидали желаемого предмета. Все кругомъ было тихо, и вездѣ царствовало невозмутимое спокойствіе величественно-дикой природы.

Движеніе челнока не производило никакого шума, и наконецъ онъ остановился спокойно на поверхности воды, какъ бы подчиняясь совершенной тишинѣ, господствовавшей надъ всею окружающимъ. Вдругъ раздался звукъ, похожій на трескъ ломавшихся сухихъ вѣтвей; звукъ этотъ шелъ съ мыса, отдѣляшаго бухту отъ озера. — Оба охотника прислушались, вскочили и схватили каждый свое ружье.

— Это человѣческій шагъ, прошепталъ Гурри.

— Нѣтъ, это не то, также тихо возразилъ Звѣробой. — Мы скоро увидимъ. Направьте челнокъ къ истоку; я тамъ выйду на берегъ, чтобы отрѣзать отступленіе.

Гурри исполнилъ это, и Звѣробой тотчасъ вошелъ въ средину кустарниковъ, ступая осторожно, чтобы не было слышно его шаговъ. Въ минуту онъ былъ уже на половинѣ узкой земляной полосы, и началъ тихо подвигаться къ концу ея, соблюдая необходимую осторожность. Въ тотъ моментъ, когда онъ достигъ самой середины кустовъ, раздался трескъ сухихъ прутьевъ,

повторившийся потомъ въ нѣсколько приѣмовъ, какъ будто живое существо тихо пробиралось къ оконечности мыса. Гурри также услыхалъ этотъ трескъ, поспѣшно причалилъ челнокъ къ заливу и схватилъ ружье, чтобы быть готовымъ на всякую случайность.— Послѣ мгновения полнѣйшей тишины, изъ кустовъ вышелъ великолѣпный олень, тихимъ, величественнымъ шагомъ направился къ оконечности мыса и нагнувъ голову къ водѣ, чтобы утолить свою жажду. Гурри немного подумалъ, потомъ быстро приложилъ ружье къ плечу, прицѣлился и спустил курокъ.

Необыкновенно было впечатлѣніе этого внезапнаго выстрѣла, прервавшаго глубокую и торжественную тишину. Сначала слышно было только рѣзкое и короткое щелканье курка, но потомъ, тотчасъ послѣ выстрѣла, наступила минутная тишина, въ продолженіе которой гулъ распространился въ воздухѣ и надъ водою, и когда достигъ скалъ противулежавшихъ горъ, то разбудилъ дремавшее тамъ эхо. На протяженіи многихъ миль пронесся звукъ съ равнины на равнину, съ горы на гору, со скалы на скалу, подобно грому, пробудившемуся послѣ долгаго усыпленія. Между тѣмъ олень, при звукѣ выстрѣла и свистѣ пули, только мотнулъ головой, какъ будто съ нимъ не случилось ничего непріятнаго. Лишь переливы громкаго эхо возбудили его недовѣрчивость; мгновенно подобравъ ноги, онъ кинулся въ воду, чтобы достигнуть вылавъ конца озера. — Гурри радостно вскрикнулъ, ухватился за весло и началъ грести, желая нагнать уплывавшаго

оленя. Этотъ миновалъ уже окончность мыса, когда Звѣробой показался на берегу и подалъ своему товарищу знакъ, чтобы тотъ прекратилъ преслѣдованіе и воротился.

— Это было совершенно безрасудно—выстрѣлить въ такое время, какъ мы не можемъ быть увѣрены, что гдѣ нибудь на берегу не скрывается непріятель, сказалъ онъ, пока Гурри тихо и будто нехотя приближался. Притомъ же у насъ нѣтъ недостатка въ пищѣ и теперь вовсе не такое время, когда дичина особенно вкусна. По моему, никогда не слѣдуетъ убивать животное, если его мясо и кожа не нужны для пищи. Делавары дали мнѣ прозвище Звѣробоя, но никогда я не заслужу клочки мясника.

— Не въ томъ дѣло, вскричалъ Гурри, съ недовольнымъ видомъ проведя рукой по волосамъ: — мнѣ только досадно, что я далъ по оленю промахъ. Это, право, скверная штука.

— Нечего объ этомъ говорить, потому что смерть бѣднаго животнаго не принесла бы никому изъ насъ пользы. Это эхо было ужасно и невыносимо для моего слуха; оно какъ бы выражало голосъ природы, негодующей на безрасудное смертоносное дѣйствіе.

— Экой пустомеля, возразилъ смѣясь Гурри; — если вы дольше побудете въ этой странѣ, то много услышите такихъ голосовъ. Эхо повторяетъ все, что дѣлается и говорится на водѣ въ эту чудную лѣтнюю погоду. Если только упадетъ въ воду весло, тотчасъ

что
соть
тись
—
нику
желу
они
бам
дока
—
мног
гвор
кошк

раздается эхо, а смѣхъ или свистъ такъ явственно отдаются отъ сосенъ, что можно подумать, будто деревья болтаютъ между собою.

— Тѣмъ болѣе основанія быть осторожнымъ и не шумѣть, сказалъ Звѣробой:—знаютъ ли Мингосы сюда дорогу или нѣтъ — все-таки осторожность требуетъ, чтобъ храбрость умѣрялась благоразуміемъ. Одинъ выстрѣлъ, подобный вашему, можетъ открыть наше присутствіе цѣлому племени дикихъ.

— Ну, если отъ выстрѣла и не было пользы, то, по крайней мѣрѣ, онъ извѣститъ стараго Тома, что къ нему прѣехали гости. Теперь довольно болтать, пойдете къ челноку; надо отыскать пловучій домъ, пока еще свѣтло.

Звѣробой послѣдовалъ за нимъ, и челнокъ быстро поплылъ черезъ озеро въ юговосточномъ направленіи. До противоположнаго берега было не болѣе мили разстоянія, да и то скоро сокращалось, благодаря сильнымъ ударамъ веселъ обоимъ товарищамъ. Почти на половинѣ дороги легкой шумъ привлекъ ихъ вниманіе, и они увидѣли, какъ олень вышелъ изъ воды и вбродъ направился къ берегу. Минуту спустя, благородное животное страхнуло съ себя воду, взглянуло на вершину деревьевъ и скрылось въ чащѣ лѣса.

— Это прекрасное существо удаляется, полное благодарности за то, что избѣгло такой большой опасности, сказалъ Звѣробой: — вы тоже, вѣроятно, чтонибудь чувствуете, такъ какъ ваша рука была не довольно тверда, необдуманно спуская курокъ.

— Неправда, моя рука не дрожала, рѣзко вскрикнулъ Гурри. Вы могли пріобрѣсти у Делаваровъ славу, благодаря вашей охотничьей ловкости; но хотѣлъ бы я видѣть васъ стоящимъ за одной изъ этихъ сосенъ, вмѣня противъ себя за другой кровожаднаго Мингоса, и когда каждый изъ васъ, со взведеннымъ куркомъ, долженъ былъ бы защищать жизнь свою. Вотъ это такъ настоящее испытаніе глаза, руки и нервовъ. Придетъ время, когда опять начнется война, и тогда увидимъ, чѣмъ покажетъ себя въ полѣ охотничья знаменитость. Еще разъ повторяю, что моя рука была тверда, но я ошибся въ расчетѣ на движенія оленя; онъ остановился въ тотъ моментъ, когда я рассчитывалъ, что онъ пойдетъ дальше, а потому не мудрено, что я промахнулся.

— Очень можетъ быть, что это такъ и было, но, во всякомъ случаѣ, я считаю за счастье, что вы дали промахъ. Что до меня касается, то я и не думалъ, чтобъ я могъ такую же твердою рукой спустить курокъ на живаго человѣка, какъ на дикаго звѣря.

— Я говорю не о людяхъ, а объ индѣйцахъ, возразилъ Гурри

— А я того мнѣнія, что индѣйцы такіе же люди, какъ и мы съ вами. Правда, что у нихъ свои правила и своя религія; но это не дѣлаетъ существенной разницы для того, который разбираетъ людей не по цвѣту кожи, а по ихъ мыслямъ и дѣйствіямъ.

— Это мнѣніе ошибочно и едва ли найдетъ здѣсь въ лѣсахъ послѣдователей, сказалъ Гурри:—по цвѣту

опре
воск
въ в
лавар
и вс
—
какъ

кожи узнають человека — и конечно! Ведь бѣлыи и краснокожій — не оба индѣйцы?

— Нѣтъ, но оба люди. Конечно, люди различныхъ понятій, но все-таки Божія творенія, съ душами, отвѣчающими за ихъ хорошія и дурныя дѣла въ этой жизни.

Гурри не хотѣлъ и слышать о такомъ взглядѣ. Совѣсть упрекала его во многихъ противозаконныхъ поступкахъ противъ индѣйцевъ, и потому онъ находилъ удобнѣе не считать ихъ вовсе за людей, — при такихъ понятіяхъ ему было легче, и совѣсть его не такъ беспокоила, — потому-то онъ и досадовалъ, если кто оспаривалъ его мнѣніе.

По ходу ихъ спора, Звѣробой замѣтилъ, что старанія его привить Гурри лучшія мысли совершенно безплодны, и прервалъ разговоръ, какъ только они приблизились къ мѣсту, на которое Гурри указывалъ, какъ на источникъ Сускеганны. Оба начинали осматриваться съ любопытствомъ, усиливавшимся ожиданіемъ найти тутъ пловучій домъ.

— Вотъ скала, которой вершина выглядываетъ изъ воды, сказалъ Гурри; — по близости ея и начинается рѣка.

Скоро они приблизились къ скалѣ на нѣсколько футовъ иплыли дальше, хотя и перестали уже грести. Скала возвышалась надъ уровнемъ воды не болѣе какъ на три фута, и верхушка ея отъ постоянного омыванія водою такъ округлилась, что сдѣлалась похожей на большой улей. Пока они тихоплыли мимо нея,

Гурри замѣтилъ, что скалу эту знаютъ все индѣйцы, и потому она часто служитъ имъ сборнымъ пунктомъ.

— Вотъ здѣсь и рѣка, продолжалъ онъ, — хотя она такъ закрыта деревьями и кустарникомъ, что скорѣе похожа на трущобу, чѣмъ на истокъ такого большаго озера.

Гурри правильно описалъ мѣстность. Высокіе берега лежали другъ отъ друга на разстояніи около ста футовъ, но на западной сторонѣ часть берега до того выдавалась впередъ, что на половину уменьшала ширину рѣки. Такъ какъ кустарникъ повисъ надъ водою, и громадныя сосны, возвышаясь на берегу, бросали тѣнь наокружающіе кусты, то даже на близкомъ разстояніи трудно было замѣтить прорывъ берега, который бы обнаружилъ истокъ воды. Между тѣмъ, увлекаемый теченіемъ, челнокъ тихо скользилъ далѣе и, наконецъ, попалъ подъ сводъ деревьевъ, сквозь которыя едва пробивался дневной свѣтъ, такъ что охотники очутились въ глубокой тѣни.

— Это дѣйствительно природная трущоба, прошептала Гурри. — Во всякомъ случаѣ старый Томъ заплелъ куда-нибудь со своимъ пловучимъ домомъ, и намъ надо смотрѣть въ оба, чтобъ отыскать его.

— Но мнѣ кажется, что рѣка здѣсь очень узка для судна значительной величины, возразилъ Звѣробой: — тутъ едва есть мѣсто для нашего челнока.

На это замѣчаніе Гурри усмѣхнулся и ничего не отвѣтилъ. Но только-что они миновали окраину кустовъ, росшихъ непосредственно около берега, какъ

челнокъ въѣхалъ въ нѣсколько узкую, но глубокую и быструю рѣку, и они очутились подъ навѣсомъ листьевъ, поддерживаемымъ, какъ колоннами, стволами старыхъ деревьевъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, кустарникъ окоймлялъ берега, но оставлялъ свободное пространство около 20 футовъ ширины, по которому челнокъ поплылъ съ большою быстротою.

Уже они проѣхали большое пространство, и все-таки не видали даже слѣдовъ пловучаго дома, какъ вдругъ Гурри задѣлъ за траву и тѣмъ остановилъ движеніе челнока.

— Вотъ онъ, старый плуть, смѣясь прошепталъ Гурри, — стоитъ тамъ по колѣни въ водѣ и тинѣ и наблюдаетъ за своими ловушками. А дома все-таки нигдѣ не видать. Куда же дѣлась легкомысленная Юдиень? вѣрно гдѣ-нибудь передъ источникомъ само-довольно любитъ своею красотой.

— Вы, вѣроятно, слишкомъ дурно думаете объ этой молодой дѣвушкѣ, возразилъ Звѣробой: — она навѣрно теперь дома работаетъ и хлопочетъ для своего отца, который трудится для нея, прогуливаясь по тинѣ.

— Вотъ это меня радуетъ, что я хоть разъ слышу правду изъ устъ мужчины! раздался вдругъ нѣжный женскій голосъ такъ близко отъ челнока, что оба слушателя подскочили и съ изумленіемъ начали осматриваться. — Вы, Гурри, постоянно лжете, — это мы уже знаемъ; но мнѣ пріятно видѣть, что вы теперь находитесь въ лучшемъ обществѣ, чѣмъ прежде, когда посѣщали насъ. Подъѣзжайте ближе, господа.

Кусты раздвинулись, и сквозь зелень выглянуло милостивое личико дѣвушки, которая съ дружеской улыбкой привѣтствовала охотниковъ. Этимъ сразу объяснилась вся загадка. Сами того не зная, охотники остановились около самаго пловучаго дома, искусно спрятаннаго за кустами, нарочно сдѣланными и симметрически расположенными. Юдиень Гуттеръ раздвинула листья противъ одного изъ окошекъ, просунула голову, и такимъ образомъ обнаружила свое присутствіе.

плота небольшая пристройка, и такимъ образомъ описанное нами судно могло удобно служить лѣтнимъ жилищемъ.

Открытіе пловучаго дома произвело на нашихъ искателей приключеній не одинаковое впечатлѣніе. Гурри тотчасъ вскочилъ на плотъ и завязалъ оживленный разговоръ съ Юдиною; Звѣробой же не торопясь взшелъ на судно, и сперва внимательно рассмотрѣлъ все устройство его, обозрѣлъ внутреннее расположеніе и представляемыя имъ средства къ оборонѣ, а потомъ уже прошелъ на другой конецъ плота, гдѣ подъ тѣнью нависшихъ вѣтвей сидѣла сестра Юдиной, Гетти, занимаясь грубымъ шитьемъ.

Здѣсь онъ остановился, и, опираясь на ружье, сосредоточилъ все вниманіе свое на молодой дѣвушкѣ, которая, судя по словамъ Гурри, была слабоумная, и потому имѣла право на особенно вѣжное обращеніе со стороны Звѣробоя, воспитаннаго по обычаямъ индѣйцевъ. На самомъ дѣлѣ, Гетти вовсе не была идиотка: умъ ея былъ недостаточно развитъ, чтобы ее можно было назвать умной и хитрой, но тѣмъ не менѣе она всегда умѣла отличить хорошее отъ дурнаго, правду отъ неправды, и видимо отдавала предпочтеніе всему доброму и справедливому. Наружность ея была весьма привлекательна, хотя она и не обладала такой красотой какъ Юдины; черты лица ея были до того полны кротости и почти святаго выраженія, что невольно производили на каждого пріят-

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прежде, чѣмъ продолжать нашъ рассказъ, мы подвергнемъ подробному осмотру жилище Гуттера, названное пловучимъ домомъ. Постройка его была, впрочемъ, весьма обыкновенная: большой плотъ составлялъ нижнюю часть судна, а на немъ устроены были подмости, имѣвшія видъ маленькаго укрѣпленія и занимавшія всю ширину и почти двѣ трети длины всего плота. Стѣны подмостокъ были до того тонки, что едва ли могли защитить отъ ружейныхъ выстрѣловъ; каюта была очень низка и неудобна, и потому вся постройка не казалась нескладной и не бросалась замѣтно въ глаза. Цѣлое походило на обыкновенныя суда, но было шире ихъ и весьма грубой постройки. Каюта раздѣлялась на два покоя; одинъ служилъ жилищемъ отцу, а другой находился въ распоряженіи дочерей; — для кухни сдѣлана была на одномъ концѣ

ное впечатлѣніе и возбуждали къ ней общее сочувствіе.

— Вы Гетти Гуттеръ, сказала Звѣрой, молча посмотрѣвъ на нее нѣсколько минутъ;—Гурри говорилъ мнѣ о васъ, и я узналъ васъ при первомъ взглядѣ.

— Да, я младшая дочь Тома Гуттера, отвѣтила Гетти нѣжнымъ и звучнымъ голосомъ.

— Мнѣ нѣсколько извѣстна ваша исторія, возразилъ Звѣрой: — большую часть жизни вы провели на озерѣ?

— Да; мать моя умерла, отецъ занимается ловлею звѣрей, а мы съ Юдвѣю сидимъ дома. А васъ какъ зовутъ?

— Легче сдѣлать этотъ вопросъ, чѣмъ отвѣтить на него, мое доброе дитя. Хотя я еще молодъ, но уже имѣлъ столько именъ, какъ любой изъ предводителей племенъ Америки.

— Но у васъ все-таки должно быть имя; вы же не можете отбросить одно, не заслуживъ честнымъ образомъ другаго.

— Такъ и я думаю; но едва ли то имя, которое я ношу теперь, останется за мною надолго, потому что у Делаваровъ имена даются по качествамъ и способностямъ, выказаннымъ при общихъ совѣщаніяхъ, или же по заслугамъ на военномъ поприщѣ. Впрочемъ, до сихъ поръ я не имѣлъ случая отличиться, такъ какъ, во первыхъ, не родясь краснокожимъ, я, по низкому происхожденію своему, не имѣю права

подавать голосъ на совѣщаніяхъ наравнѣ съ знатными Делаварами, а во вторыхъ—это первая война за мое время и мнѣ еще не удалось принять въ ней дѣятельнаго участія.

— Скажите мнѣ все-таки ваше имя, простодушно сказала Гетти: — узнавъ его, я постараюсь опредѣлить и вашъ характеръ.

— Одно не всегда соотвѣтствуетъ другому, хотя, впрочемъ, это и случается; люди часто ошибаются и легко даютъ человѣку имя, котораго онъ не заслуживаетъ. Вотъ, на примѣръ, имя Мингосъ имѣетъ почти то же значеніе, что и Делаваръ, а между тѣмъ едва ли кто можетъ сказать, чтобы первая нація была столь же честная и правдивая, какъ мои друзья. Поэтому я въ сущности не очень цѣню имена.

— Скажите мнѣ всѣ ваши имена, настойчиво повторила Гетти: — мнѣ хочется знать, что объ васъ думать.

— Пожалуй. Прежде всего я христіанинъ и рожденъ бѣлымъ, какъ и вы. Имя моихъ родителей перешло ко мнѣ, какъ часть наслѣдства, полученнаго ими отъ предковъ. Отца моего звали Бумпо, а мнѣ при крещеніи дали имя Натаніеля или Натти, какъ нѣкоторые сокращаютъ его....

— Да, Натти, прервала его дѣвушка. Вы Натти, а я Гетти; только васъ зовутъ Бумпо, а меня Гуттеръ; не правда ли, что первое звучитъ не такъ пріятно какъ послѣднее?

— Это дѣло вкуса. Конечно, Бумпо не очень звуч-

ное имя, но все-таки многие носили его с честью. Я, впрочем, не долго сохранил его. Делавары скоро замѣтили, что я врагъ лжи, и дали мнѣ прозвище «Прямой Языкъ».

— Это прекрасное имя, серьезно сказала Гетти:— какъ же вы говорите, что имя ничего не значитъ?

— Я этого и не говорю, и знаю, что вполне заслужилъ данное мнѣ прозвище, такъ какъ и до сихъ поръ не расположенъ къ неправдѣ. Спустя нѣсколько времени, Делавары замѣтили, что мои ноги быстры и назвали меня голубемъ, такъ какъ эта птица летаетъ быстро и всегда по прямому направленію.

— Это тоже хорошее имя, и такъ же красиво, какъ самая птица.

— Милое дитя! каждое твореніе Божіе прекрасно въ своемъ родѣ. Но дальше: сперва меня употребляли для посылокъ и отысканія слѣдовъ, а потомъ охотники стали брать меня съ собой, замѣтивъ, что я живѣе другихъ мальчиковъ и скорѣе нахожу дичь, такъ что, приписывая мнѣ чутье собаки, дали мнѣ прозвище: Вислоухій.

— О, это имя некрасиво, воскликнула Гетти. Вы конечно, не долго носили его?

— До тѣхъ поръ однако, пока былъ въ состояніи купить себѣ ружье, отвѣчалъ Натти, съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ гордости:— наконецъ, увидали, что я могу снабжать дичью цѣлое селеніе, и я получилъ имя Звѣробоя, которое и ношу до сего времени. Конечно,

это имя низко во мнѣніи многихъ, которые болѣе цѣнятъ черепъ краснокожаго, чѣмъ рога оленя.

— Къ числу такихъ я не принадлежу, откровенно сказала Гетти:— мнѣ ваше имя нравится, и оно лучше, чѣмъ Натти Бумпо.

— Я и не ожидалъ отъ васъ другихъ понятій, милое дитя.

Въ этотъ моментъ разговоръ какъ Гурри съ Юдиною, такъ и Натти съ Гетти, прерванъ былъ появленіемъ Тома Гуттера, который привѣтствовалъ Гурри не только съ удовольствіемъ, но даже съ видимою радостью.

— Я васъ ждалъ еще на прошлой недѣлѣ, съ шутивымъ упрекомъ сказалъ онъ:— Проѣзжалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что жители колоній опять поссорились съ Мингосами, и сознаюсь, я почувствовалъ свое уединеніе въ этихъ горахъ. У меня всего двѣ руки, а приходится охранять три головы.

— Это такъ и слѣдуетъ, замѣтилъ Гурри:— мнѣ самому гораздо пріятнѣе, если мой ближайшій сосѣдъ живетъ въ 15-ти миляхъ отъ меня, чѣмъ если онъ можетъ слышать звукъ моего голоса.

— Однако, когда вы узнали, что дикіе приходятъ въ движеніе, то не явились одни въ эту пустыню, сказалъ Гуттеръ, бросивъ недовѣрчивый взглядъ на Звѣробоя.

— Это совсѣмъ другое дѣло. И плохой спутникъ сокращаетъ путь, а этотъ молодой человекъ очень хорошій товарищъ. Его зовутъ Звѣробой; онъ извѣстный между Делаварами охотникъ и такой же хри-

стѣнинъ, какъ вы и я. Если намъ придется защищать вашъ домъ, то я увѣренъ, что онъ постоитъ за себя и притомъ, какъ хорошій стрѣлокъ, можетъ вдоволь снабжать насъ пищей.

— Добро пожаловать, молодой человѣкъ, пробормоталъ Гуттеръ, протягивая свою жесткую, загорѣлую руку. Въ теперешнее время каждый блѣднолицый—пріятель нашъ; я на васъ рассчитываю. Дикіе уже находятся на берегу озера, и никому неизвѣстно когда мы о нихъ услышимъ.

— Однако, если это правда, то вашъ домъ не въ благопріятномъ положеніи, серьезно замѣтилъ Гурри не выказывая, впрочемъ, никакого страха. — Мы съ Звѣробоемъ могли ошибиться, когда искали ваше убійство, но настоящаго индѣйца, идущаго на добычу, провести не такъ легко.

— Это и мое мнѣніе, добавилъ Гуттеръ, и я хотѣлъ бы скорѣе быть въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ въ этой узкой рѣкѣ, гдѣ намъ грозитъ вѣрная гибель, если насъ откроютъ. Трудно будетъ отсюда выбраться безъ того, чтобы насъ не перестрѣляли, какъ дичь.

— Увѣрены ли вы, Гуттеръ, въ томъ, что красное кожаніе, которыхъ вы опасаетесь, дѣйствительно Мингосы? вѣжливо спросилъ Звѣробой: — видѣли ли вы хоть одного изъ нихъ, и не можете ли описать мнѣ его наружность?

— Видать я ни одного не видалъ, но есть вѣрные признаки ихъ присутствія. Я видѣлъ слѣды индѣйца

и даже нашелъ мокассыны *)), вѣроятно брошенный по негодности.

— Ну, это не соответствуетъ обычаямъ индѣйцевъ въ военное время, возразилъ Звѣробой:—покажите мнѣ мокассыны; я пришелъ въ эти страны для свиданія съ однимъ индѣйскимъ предводителемъ, и, быть можетъ, вы видѣли его слѣды и нашли его обувь.

При этихъ словахъ Гуттеръ остолбенѣлъ.

— Гурри Гарри, сказалъ онъ: — я надѣюсь, что, довѣряя этому молодому человѣку, вы довольно близко его знаете. Измѣна есть одно изъ качествъ индѣйцевъ, и бѣлыя, которые часто имѣютъ съ ними обращеніе, перенимаютъ ихъ привычки.

— Не заботьтесь объ этомъ, старый Томъ, отвѣчалъ Гурри:—я отвѣчаю за честность Звѣробоя, хотя еще не испыталъ его мужества въ бою.

— Однако, что же привело его въ эту отдаленную страну? спросилъ Гуттеръ съ остаткомъ недоувѣренности.

— Это можно объяснить въ нѣсколькихъ словахъ, вмѣшался Звѣробой съ полнымъ чистосердечіемъ.—Я молодъ и еще не былъ на войнѣ; но когда къ Делаварамъ дошла вѣсть, что въ ихъ племя прислали объявленіе войны, то они пожелали, чтобы я отправился къ бѣлымъ, для разузнанія о положеніи дѣла. Я это исполнилъ, и когда, возвратясь, далъ отчетъ предводителю, то встрѣтилъ англійскаго офицера, ко-

*) Индѣйская обувь.

торый долженъ былъ везти деньги въ племя, живуще болѣе на востокъ. Это показалось мнѣ и молодому начальнику Делаваровъ, Чингахгоку, удобнымъ случаемъ отправиться вмѣстѣ въ первое наше военное поле, в одинъ старый Делаваръ назначилъ намъ свиданіе у скалы по близости этой рѣчки. Чингахгокъ имѣлъ при этомъ и другую цѣль, но такъ какъ она не касается никого изъ васъ и притомъ составляетъ чужую тайну, то я и умолчу о ней.

— Такъ вы думаете, что видѣнный мною слѣдъ можетъ принадлежать ему? спросилъ Гуттеръ.

— Я такъ полагаю; но могу сказать навѣрно, если увижу мокассинъ.

— Вотъ онъ, сказала Юдионъ, которая, между тѣмъ, принесла мокассинъ. Скажите, принадлежит ли онъ врагу или другу. Я вамъ вѣрю, что бы отецъ объ этомъ ни думалъ.

Звѣробой внимательно осмотрѣлъ изношенную обувь и сказалъ съ увѣренностью:

— Это работа не Делавара; онъ похожъ на мокассинъ сѣверныхъ народовъ и сдѣланъ по ту сторону озера.

— Такъ это, значитъ, непріятельскій, и мы не должны мѣшкать ни одной минуты, озабоченно сказалъ Гуттеръ:— до ночи остается только одна часть; а намъ надо раньше выбраться на открытое мѣсто. Съ полчаса тому назадъ вы не слышали ружейнаго выстрѣла?

— Да, старикъ, слышали, отвѣчалъ Гурри, сознавая

теперь вполне свою опрометчивость:—къ несчастію, я самый тотъ и есть, который разрядилъ ружье.

— Вы сдѣлали большую ошибку, замѣтилъ Гуттеръ. Но не стоитъ тратить на упреки времени, которыми мы можемъ воспользоваться. Я не удалился въ свое уединеніе, не позаботясь предварительно о средствахъ опять выбраться изъ него съ плавучимъ домомъ,—намъ легче будетъ тянуть его, чѣмъ работать веслами. Черезъ истокъ рѣки въ озеро протянуть мой якорь, а вотъ и канатъ, который будетъ служить намъ буксиромъ. У меня еще есть орудіе въ родѣ багра, которое также намъ поможетъ; итакъ за работу и постараемся скорѣе обезопасить наши головы.

Трое мужчинъ не медля приступили къ приготовленіямъ, въ короткое время успѣли снять прикрѣпы и сильнымъ дерганіемъ причала вытянули судно изъ трущобы. Освободившись отъ вѣтвей, оно скользило силою течения вдоль восточнаго берега. Ни одна душа не слухала безъ трепета шелестъ кустовъ и деревьевъ, когда каюта ударялась о берегъ, потому что никто не зналъ, когда и на какомъ пунктѣ покажутся смертельные враги. Сумрачный свѣтъ, пробивавшійся черезъ чащу листьевъ, способствовалъ увеличенію опасности; на близкомъ даже разстояніи трудно было различать предметы. Солнце еще не совсѣмъ сѣло, но лучи его уже не освѣщали, и вечерняя мгла начала покрывать все окружающее, а бросаема лѣсами тѣнь еще болѣе помрачала окрестность. Движеніе судна продолжалось однако безпрепятственно;

они двигались все далѣе и, наконецъ, приблизились къ устью рѣки.

— Слава Богу, пробормоталъ Гуттеръ. Однако, берегъ устья представляетъ много удобствъ, чтобы спрятаться, и здѣсь заключается главная опасность. Юдиень и Гетти, идите въ каюту и остерейгайтесь показываться у оконъ; мы, Гурри, взойдемъ въ наружную комнату и чрезъ дверь будемъ тянуть за канатъ, чтобы себя оградить хотя отъ перваго нападенія; а вы, Звѣробой, ходите отъ окна къ окну и наблюдайте внимательно во всѣ стороны.

Звѣробой слушалъ, не ощущая страха, но и не безъ волненія, весьма естественнаго по ходу обстоятельствъ. Первый разъ въ жизни онъ былъ вблизи непріятеля, и приближалась минута страшнаго и коварнаго нападенія индѣйцевъ. Когда онъ занялъ свою постъ у окна, судно проходило въ самомъ узкомъ мѣстѣ рѣки, и только-что онъ взглянулъ вдаль, какъ увидѣлъ зрѣлище, которое могло озадачить и не столько юваго и неопытнаго часоваго. Молодое дерево нагибалось полукругомъ къ водѣ и на немъ стояло не менѣе шести человекъ индѣйцевъ; въ отдаленіи еще многіе ожидали, когда освободится мѣсто, чтобы взойти на дерево. Всѣ они готовились вспрыгнуть на судно, когда оно съ ними поровняется. Какъ только Звѣробой увидѣлъ индѣйцевъ, его знаніе мѣстныхъ обычаевъ тотчасъ указало ему, что они изъ числа враговъ и находятся въ боевомъ одѣяніи.

— Тяните, Гурри, вскрикнулъ онъ громко и запальчиво; тяните, на сколько дорога вамъ жизнь.

Этотъ возгласъ звучалъ такъ серьезно и торжественно, что Гуттеръ и Гурри поняли, что онъ не безъ основанія. Оба напрягли свои силы, судно ускорило ходъ и быстро проплыло подъ деревомъ, какъ бы чувствуя, что въ этомъ пунктѣ скрывается опасность. Индѣйцы, увидавъ, что они открыты, испустили страшный боевой крикъ, взбѣжали впередъ по дереву и съ отчаянною отвагою вскочили на уходившую добычу. Только одинъ изъ шести, и именно начальникъ, попалъ на заднюю часть судна, остальные же всѣ упали въ воду. Начальникъ, ошибаясь въ вышинѣ прыжка, остался нѣсколько минутъ лежа какъ бы ошеломленнымъ и не сознавая своего положенія. Въ этотъ моментъ Юдиень выскочила изъ каюты, собрала всѣ силы свои и толкнула незваннаго гостя чрезъ бортъ въ воду, потомъ, забывъ всякій страхъ, нагнулась, чтобы посмотреть, что съ нимъ сдѣлалось, но въ ту же минуту была схвачена въ мощныя объятія Звѣробоя и унесена обратно въ каюту. Какъ только они оба были внѣ опасности, въ лѣсу раздались страшные крики, ружья засверкали и пули начали бить о стѣны пловучаго дома. Однако, опасность уже миновала, и дикіе, изливъ свою злость, перестали стрѣлять, видя, что это только напрасное истребленіе снарядовъ. Гуттеръ поднялъ якорь, и судно двинулось въ озеро, такъ что дикимъ прошла охота возобновить нападеніе.

Между тѣмъ на палубѣ происходило совѣщаніе въ присутствіи Юдиен и Гетти.

— Выгода на нашей сторонѣ, сказалъ Гуттеръ, потому что мы находимся на озерѣ, и по близости нѣтъ ни одной скрытой лодки, о которой бы я не зналъ. На твердой землѣ всего только два челнока, но они такъ спрятаны въ дуплахъ деревьевъ, что ни одинъ индѣецъ не найдетъ ихъ.

— Этого утверждать невозможно, возразилъ Звѣробой: — когда индѣецъ идетъ на добычу, то надо очень толстый стволъ дерева, чтобъ скрыть челнокъ отъ его глазъ.

— Звѣробой правъ, вскричалъ Гурри: — еще до завтрашней ночи эти псы пронюхаютъ, гдѣ лодки, и мы можемъ рассчитывать на весьма неприятное положеніе.

Гуттеръ ничего не отвѣчалъ, молча осмотрѣлъ небо, озеро и лѣсъ и, послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, сказалъ:

— Юдиенъ, ночь на дворѣ, и наши друзья, вѣроятно, голодны, — принеси-ка сюда ужинъ.

Какъ только Юдиенъ вышла, Гуттеръ снова обратился къ мужчинамъ и сказалъ:

— Я нарочно удалилъ дѣвушекъ, потому что хочу съ вами переговорить о важномъ дѣлѣ. — Прежде всего скажите, могу ли я на васъ рассчитывать?

— Можете, что касается меня, съ увѣренностію отвѣчалъ Звѣробой: въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ рассчитывайте на меня, какъ на самого себя, и я увѣренъ, что Гурри такого же мнѣнія.

— Я васъ не оставлю, Томъ, сказалъ Гурри: — рассчитывайте всегда на меня, если дѣло дойдетъ до битвы.

— Хорошо, отвѣтилъ Гуттеръ съ коварнымъ, радостнымъ смѣхомъ. Слушайте. Съ обѣихъ сторонъ назначена дорогая цѣна за скальпъ, и хотя, пожалуй, грѣшно брать деньги за человѣческую кровь, но я думаю, что если ужъ люди идутъ на то, чтобъ убивать другъ друга, то небольшая бѣда, если въ число добычи попадетъ кусокъ человѣческой кожи. Какъ вы думаете, Гурри?

— Я думаю, что вы сдѣлали большую ошибку, назвавъ кровь индѣйца человѣческою кровью. Я такъ же цѣню скальпъ краснокожаго, какъ волчьи уши, и такъ же охотно беру деньги какъ за то, такъ и за другое. Съ бѣлыми — другое дѣло, а вѣдь дикіе не люди.

— Съ этимъ мнѣніемъ я вполне согласенъ, сказалъ Гуттеръ съ довольнымъ видомъ: — и былъ увѣренъ, что буду имѣть и руку вашу, и сердце. А вы, Звѣробой, тоже раздѣляете нашъ взглядъ?

— Я вовсе не такихъ понятій и не одобряю ихъ, отвѣтилъ Звѣробой прямо и серьезно. Въ бою я съ вами, во что бы то ни стало, но никогда не измѣню своей природѣ и не подчинюсь обычаямъ другаго племени. Если вы хотите приводить вашъ планъ въ исполненіе, то идите одни, и оставьте меня для защиты женщинъ. Я буду ихъ охранять до послѣдней крайности, и думаю, что это долгъ каждаго честнаго

человѣка и вполне соотвѣтствуетъ моимъ способностямъ.

— Правда, Звѣробой, вскрикнула Юдиень изъ каюты, откуда она слышала весь разговоръ: — правда, это урокъ, который можетъ принести пользу Гурри.

— Молчи, Юдиень, строго сказалъ Гуттеръ: — поди прочь; мы должны переговорить о вещахъ, въ которыхъ женщина ничего не смыслить.

— Звѣробой правъ, продолжалъ онъ; мы дѣтей предоставимъ его попеченію. Моя мысль та, что въ станѣ индѣйцевъ есть женщины и дѣти, хотя при походѣ ихъ обыкновенно и не бываетъ. Колонія платитъ одинаково какъ за малый, такъ и за большой скальпъ.

— Въ этомъ поступаетъ она весьма постыдно, съ отвращеніемъ сказалъ Звѣробой.

— Пріятель, не кричите такъ громко, и будьте послѣдовательны, сказалъ Гурри. — Вы дѣлайте какъ хотите, а мы отправимся на добычу; пойдете, старій Томъ, потолкуемъ, что намъ дѣлать.

Они отвернулись отъ Звѣробоя и начали шептаться, пока Юдиень принесла ужинъ и положила конецъ ихъ совѣщанію. Послѣ ужина поднялся южный вѣтеръ; Гуттеръ поставилъ большой парусъ, чтобъ облегчить ходъ судна, и спустя часа два показалось изъ воды на разстояніи ста шаговъ жилище его. Парусъ спустили, причалили и прикрѣпили судно къ платформѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Звѣробой и Гурри оставили строеніе Тома, оно не было посѣщаемо. Все вокругъ

было тихо и спокойно, соотвѣтственно уединенію мѣстности. Тѣмъ не менѣе, Гуттеръ запретилъ дочерямъ зажигать огонь, чтобъ онъ не послужилъ маякомъ для враговъ и не открылъ имъ ихъ мѣстопробыванія.

Юдиень и Гетти отправились на покой, и какъ только мужчины остались одни, старикъ Томъ позвалъ ихъ на пловучій домъ. Тутъ онъ открылъ Звѣробойю планъ овладѣть скрытыми лодками, но умолчалъ о томъ, что предоставлялъ себѣ и Гурри.

— Наши главныя усилія должны стремиться къ тому, чтобы господствовать на водѣ. Въ этой странѣ только и есть пять лодокъ, изъ которыхъ двѣ мои, а одна Гурри; всѣ три въ нашихъ рукахъ; одна лежитъ подъ строеніемъ въ запертомъ мѣстѣ, а другія двѣ у плота. Затѣмъ остальные два челнока спрятаны на землѣ внутри деревьевъ, и намъ необходимо овладѣть ими и привести ихъ сюда. Хотите участвовать въ этомъ дѣлѣ?

— Конечно хочу, какъ и во всемъ, что не противорѣчитъ достоинству бѣлаго. И въ бою я буду около васъ и постараюсь исполнить свой долгъ, но болѣе не могу обѣщать, такъ какъ я еще на войнѣ не былъ и не могу знать, что именно способенъ исполнить.

— Вотъ это умно и скромно, вскрикнулъ Гурри. Хотя я и знаю, что на охотѣ васъ едва ли кто превзойдетъ въ этихъ странахъ, но все-таки не думаю, чтобъ изъ васъ вышелъ хорошій воинъ.

— Посмотримъ, Гурри, тихо отвѣтилъ Звѣробой,

нимало не чувствуя себя обиженнымъ этимъ сомнѣніемъ:—Надо подождать испытанія.

— Пока мы знаемъ, что вы хорошій гребецъ, прервалъ его Гуттеръ,—а на эту ночь намъ больше ничего не нужно. Но не будемъ терять времени на пустую болтовню и начнемъ дѣйствовать.

Гуттеръ перескочилъ съ судна въ челнокъ, показавъ Гурри и Звѣробою на весла и тотчасъ же отчалилъ.

Была уже полночь, когда наше общество отправилось въ путь; уже совсѣмъ стемнѣло, но ночь казалась свѣтлою, и свѣтъ звѣздъ былъ достаточенъ для предполагаеннаго предпріятія. Гуттеръ, одинъ только знавшій, гдѣ спрятаны челноки, управлялъ лодкой, а спутники его быстро, но безъ шума, гребли, и чрезъ полчаса приблизились къ выдавшейся части берега въ разстояніи отъ жилища Тома около двухъ миль.

— Теперь бросьте гребти и смотрите въ оба, тихо сказалъ Гуттеръ, чтобы не обнаружить кровопійцамъ нашего присутствія.

Берегъ былъ заботливо осмотрѣнъ, но ничего особеннаго не замѣчено, и лодка придвинута была къ песчаной почвѣ; Гуттеръ и Гурри вышли на землю, а Звѣрбой остался для охраненія лодки. Дупло дерева находилось въ отдаленіи на небольшомъ возвышеніи, и старый Томъ пробрался осторожно, останавливаясь послѣ каждыхъ трехъ или четырехъ шаговъ и прислушиваясь, не обличаетъ ли какойнибудь звукъ близости враговъ. Но полуночная тишина не

прерывалась и желаемое мѣсто было достигнуто безъ всякихъ приключеній.

— Теперь мы на мѣстѣ, прошепталъ Гуттеръ:— дайте мнѣ весла, Гурри, а потомъ осторожно вытягивайте челнокъ.

— Держите только ружье наготовѣ, отвѣчала Гурри:—если они насъ настигнутъ, когда я буду тащить челнокъ, то хоть разъ выстрѣлите. Оружіе въ порядкѣ?

— Все хорошо; да будьте осторожны и потомъ пустите меня впередъ.

Съ должной осторожностью вытащили челнокъ изъ дупла дерева; Гурри взвалилъ его себѣ на плечи, и затѣмъ оба оправились въ обратный путь, тихо ступая шагъ за шагомъ, чтобы не оступиться на крутомъ спускѣ. Хотя путь былъ не далекъ, но дорога показалась трудною, такъ что Звѣрбою пришлось присоединиться къ нимъ, чтобы помочь тащить челнокъ чрезъ кусты. При его помощи скоро достигли берега и спустили челнокъ на воду; потомъ всѣ трое повернулись вдругъ къ лѣсу въ ожиданіи увидать наступающаго врага; но тишина не прерывалась; они сѣли въ лодку и отчалили съ такою же осторожностью, какъ и причаливали.

Гуттеръ правилъ прямо на середину озера, и когда уже порядочно отъѣхали отъ берега, отвязавъ добытый челнокъ и оттолкнувъ его, справедливо рассчитывая, что вѣтеръ погонитъ его вверхъ по озеру. Потомъ онъ направилъ путь прямо на тотъ пунктъ,

гдѣ Гурри далъ промахъ по оленю, и такъ какъ отъ этого пункта до истока рѣки разстояніе было не болѣе мили, то и надо было дѣйствовать съ большою осмотрительностію, ибо не было сомнѣнія въ близости непріятеля. Верхній конецъ озера былъ достигнутъ благополучно, и три искателя привлоченій пристали къ песчаному берегу. Тутъ не было видно холмовъ, ибо горы лежали на четверть мили восточнѣе; полоса земли была плоская и мѣстами покрыта кустарникомъ и рѣдкими деревьями. Гурри и Гуттеръ опять вышли на берегъ и оставили Звѣробоя въ лодкѣ. Дерево, въ которомъ заключался челнокъ, находилось на самой серединѣ узкой косы, и старый Томъ, сгнтая себя достаточно огражденнымъ съ двухъ сторонъ близостію воды, шагалъ впередъ смѣлѣе, чѣмъ прежде, но все-таки соблюдая осторожность. Онъ съ намѣреніемъ причалилъ къ выступу, чтобы не терять лодки изъ виду и имѣть возможность видѣть, свободенъ ли берегъ. Челнокъ былъ отысканъ, вытащенъ и спущенъ на воду; Гурри причалилъ къ оконечности косы, куда по землѣ прошелъ и Гуттеръ.

Овладевъ такимъ образомъ всѣми лодками, что не мало усилило ихъ увѣренность, всѣ трое вышли на берегъ.

— Мы подробно осмотримъ заливъ, чтобы убѣдиться, что все благополучно, а потомъ поплывемъ вдоль южнаго берега и поищемъ слѣдовъ лагеря.

Послѣ этихъ словъ Гуттера, они вышли на выступъ берега, и лишь только подошли къ одному

стѣ, гдѣ весь заливъ открылся предъ ними, какъ общее изумленіе показало, что имъ представилось нѣчто необыкновенное. Это было ничто иное, какъ потухшіе остатки горѣвшаго костра, но они не могли не обратить вниманія охотниковъ, ибо служили несомнѣннымъ доказательствомъ, что тутъ находится лагерь индѣйцевъ, и Гуттеръ выразилъ подозрѣніе, что въ лагерѣ остались только женщины и дѣти.

— Это ни въ какомъ случаѣ не военный лагерь, прошепталъ онъ на ухо своему другу Гурри, тамъ около огня навѣрно лежитъ обильная добыча, и мы въ теченіе ночи можемъ достать скальповъ на большую сумму.

— Мнѣ очень пріятно слышать отъ васъ такое мнѣніе, возразилъ Гурри. Отправьтесь къ судну, Звѣробой, спустите одинъ изъ челноковъ въ озеро, какъ мы сдѣлали съ первымъ, и потомъ гребите къ берегу, пока приблизитесь къ началу залива. Если вы намъ понадобитсяъ, то я крикну на манеръ ли-сухи, и тогда будьте внимательны. Если же вы услышите ружейные выстрѣлы, тогда можете присоединиться къ намъ, и посмотримъ, такъ же ли вы справитесь съ дикими людьми, какъ съ дикими звѣрями.

— Гурри, сказалъ Звѣробой, если бы вы хотѣли послушаться моего совѣта, то оставили бы это дѣло.

— Нѣтъ, нѣтъ, невозможно исполнить ваше желаніе. Гребите на середину озера, и если замѣтите въ лагерѣ оживленіе, то будьте наготовѣ.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ послѣдовалъ Звѣро-

бой этому наставленію, ибо зналъ, что дальнѣйшія возраженія его ни къ чему не поведутъ. Онъ погналъ челнокъ въ озеро, предоставивъ его теченію, а самъ, собравъ изъ предосторожности весла въ свою лодку, возвратился къ тому мѣсту, которое указывалъ ему Гурри, и здѣсь остановился, придерживаясь весломъ за упругій стволъ камышеваго куста. Затѣмъ онъ сталъ ожидать результатовъ смѣлаго предпріятія своихъ товарищей и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался ко всякому шороху, который бы могъ объяснить ему, что дѣлается на берегу. Не давая воли нетерпѣнью, онъ руководилъ своими ощущеніями съ такою осмотрительностію, которая сдѣлала бы честь самому опытному воину. Однажды послышался ему трескъ сухихъ вѣтвей, но вниманіе его было такъ напряжено, что слухъ легко могъ быть обманутъ. — Такимъ образомъ, минута за минутой, прошелъ уже часъ съ того времени, какъ онъ разстался съ своими спутниками; онъ не зналъ, радоваться ему или горевать, ибо если замедленіе давало поводъ надѣяться на успѣшный исходъ предпріятого дѣла, то, съ другой стороны, оно доказывало гибель слабыхъ и несчастныхъ.

Время все шло, и протекло еще полчаса, какъ вдругъ Звѣробой услышалъ звукъ, возбудившій его вниманіе. Дрожащій крикъ лисухи раздался по ту сторону озера, около истока рѣки. Онъ не могъ ошибиться въ томъ, что это дѣйствительно былъ крикъ лисухи, такъ какъ эта птица, подающая голосъ

и ночью, извѣстна всѣмъ приозернымъ жителямъ Америки, но находился въ недоумѣніи, лисуха ли кричитъ это или Гурри.

Однако искатели приключеній имѣли уже довольно времени, чтобы отъ того мѣста, гдѣ они разстались, достигнуть пункта, изъ котораго раздался крикъ, хотя, впрочемъ, и не казалось, чтобъ они именно приняли это направленіе. Еслибъ они нашли лагерь пустымъ, то, вѣроятно, позвали бы къ себѣ Звѣробоя; если же, напротивъ того, въ лагерь оказались бы люди, то не было побудительной причины обойти его и въ такомъ отдаленномъ мѣстѣ сѣсть въ челнокъ. Но если онъ, повинувшись услышанному звуку, покинетъ свою стоянку, то это весьма легко можетъ послужить гибелью для обоихъ его товарищей; если же припишетъ крикъ птицѣ и оставитъ зовъ безъ вниманія, то послѣдствія также могли быть не менѣе опасны. Такъ рассуждалъ Звѣробой, и послѣ нѣсколькихъ минутъ мучительнаго сомнѣнія рѣшился подождать повторенія звука.

Онъ не ошибся; скоро съ той же стороны повторился дрожащій и предостерегающій крикъ. Тутъ, при напряженномъ вниманіи, Звѣробой убѣдился, что это дѣйствительно голосъ птицы, такъ какъ онъ самъ умѣлъ подражать ея крику и зналъ, что какъ бы совершенно ни было подражаніе, и какъ бы въ этомъ ни былъ искусенъ Гурри, но все-таки звукъ долженъ быть не такой полный; а потому онъ остался неподвиженъ.

Не прошло и минуты, какъ тишина была прервана и притомъ такъ, что изъ души Звѣробою было изгнано всякое воспоминаніе о крикѣ лисухи. Раздалась отчаянные вопли женщины и ребенка, которые уже невозможно было объяснить себѣ иначе. Мучительный страхъ смерти, раздражающій сердце, заключался въ этихъ вопляхъ, которые произвели на Звѣробою потрясающее впечатлѣніе. Онъ отпустилъ камышъ, опустил весла въ воду, но не зная, что ему дѣлать, куда грести? Недолго, впрочемъ, продолжалось его недоумѣніе; ломаніе вѣтвей, трескъ сухихъ прутьевъ и скорые шаги были явственно слышны и приближались къ водѣ, хотя вовсе не по тому направленію, гдѣ Звѣробою указано было держаться. Руководясь этими звуками, онъ поплылъ туда, нисколько не остерегаясь выказать свое присутствіе. Достигнувъ мѣста, гдѣ берегъ былъ высокъ и крутъ, онъ ясно услышалъ, что люди пробираются по кустамъ къ озеру и ищутъ, гдѣ бы спуститься. Въ этотъ моментъ блеснулъ огонь пяти или шести ружей, раздалась выстрѣлы и подобно грому нарушили торжественную тишину. Затѣмъ послышались тоскливые крики, какъ будто вырвавшіеся у застигнутого врасплохъ нуждою и опасностью, и наконецъ, начался въ кустахъ какъ бы рукопашный бой.

— Гладкокожій! вскрикнулъ Гурри съ отчаяніемъ обманутаго ожиданія. Его кожа намазана, и я не могу схватить его. Вотъ же тебѣ за твое лукавство!

Вслѣдъ за этими словами послѣдовало паденіе

желого тѣла, и Звѣробою показалось, что его товарищъ-великанъ оттащилъ отъ себя врага. Опять начался бѣгъ, и потомъ появился человекъ, быстро спускавшійся съ высоты и пустившійся вбродъ. Въ этотъ критическій моментъ челнокъ былъ такъ близокъ къ тому мѣсту, что все могло быть наблюдаемо Звѣробою, и онъ быстро толкнулъ лодку, чтобы поспѣшать на помощь своимъ. Не успѣлъ онъ сдѣлать два удара веслами, какъ голосъ Гурри наполнилъ воздухъ проклятіями, и онъ покатился съ песчаного берега, стяннутый тяжестью своего врага. Пока онъ лежалъ подъ нимъ, почти задушенный, онъ вдругъ издалъ крикъ лисухи, но такимъ образомъ, что при другой обстановкѣ возбудилъ бы смѣхъ. Человекъ, стоявшій въ водѣ, какъ бы раскаялся въ своемъ бѣгствѣ и выскочилъ опять на берегъ къ своему товарищу, но былъ задержанъ полудюжиной новыхъ преслѣдователей, преодолѣвшихъ высоту берега.

— Отпустите меня, жалкіе раскрашенные черви! вскрикнулъ Гурри. — Не довольно вамъ, что я совсѣмъ притиснутъ; вы еще раздавить меня хотите.

Эти слова доказали Звѣробою, что его товарищи въ плѣну, и что ему не слѣдуетъ приставать къ берегу, чтобы не раздѣлить ихъ участи. Онъ уже приблизился было на сто шаговъ, но теперь опять оттолкнулъ челнокъ и отплылъ на болѣе дальнее разстояніе отъ своихъ враговъ. Къ счастью его, индѣйцы, при преслѣдованіи, побросали свои ружья, иначе ему не удалось бы безпрепятственно совершить свое от-

ступленіе, хотя, впрочемъ, въ первомъ замѣшательствѣ боя челнокъ остался нѣмъ незамѣченнымъ.

— Прочь отъ берега! вскричалъ Гуттеръ. Сохраните себя для защиты обѣихъ дѣвушекъ, которымъ, кромѣ васъ, никого не осталось, на кого бы онѣ могли положиться. Оставайтесь вдали отъ берега и поддержите мовъ дѣтей! Богъ за это поддержитъ васъ въ вашу послѣднюю минуту.

— Успокойтесь, Гуттеръ, возразилъ Звѣробой. Я буду заботиться, какъ о дѣвушкахъ, такъ и о замкѣ, и хотя не могу знать, чѣмъ все это кончится, но можете быть увѣрены, что буду служить вамъ, какъ только могу. Если у меня и не много опытности, то зато много доброй воли.

— Въ такомъ случаѣ направьтесь къ замку и не выходите на берегъ, отвѣчалъ Гуттеръ. Уже не пріятель разослалъ лазутчиковъ, чтобы отыскать челнокъ, и потому самое лучшее для васъ — держаться дальше отъ берега. Продержитесь только недѣлю, а потомъ можете рассчитывать на помощь гарнизона изъ ближайшаго форта.

Дальнѣйшій разговоръ Гуттера прерванъ былъ ударомъ по его рту. Вслѣдъ за тѣмъ вся толпа направилась обратно къ лѣсу, безъ всякой попытки Гуттера и Гурри къ сопротивленію, и Звѣробой остался одинъ, на произволь собственнаго разума.

Прошло нѣсколько минутъ мертвой тишины, послѣ того какъ вся толпа исчезла во тьмѣ ночи и лѣса. Звѣробой нагнулся и притаилъ дыханіе, прислушива-

ясь, не обнаружитъ ли какой нибудь звукъ присутствія людей; но онъ слушалъ напрасно; казалось, надъ всей окрестностью воцарилось невозмутимое спокойствіе. Опустивъ весла въ воду, молодой человекъ началъ грести къ срединѣ озера, а потомъ перемѣнилъ направленіе болѣе на сѣверъ, стараясь плыть по вѣтру. Проплывъ въ этомъ направленіи около четверти мили, онъ замѣтилъ на поверхности воды, нѣсколько вправо, темный предметъ, узналъ въ немъ только-что добытую лодку, поймалъ ее и прикрѣпилъ къ своему челноку. Затѣмъ онъ растянулся на днѣ его и старался уснуть нѣсколько часовъ, чтобы на другое утро съ бодрими силами приняться за исполненіе своего долга и обязанностей. Скоро заснулъ онъ спокойно и крѣпко на своемъ твердомъ ложѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Когда Звѣробой, котораго мы оставили спящимъ, снова открылъ глаза, то уже порядочно разсвѣло. Онъ вскочилъ и осмотрѣлся съ живостію, которая имѣла основаніемъ необходимость составить себѣ вѣрное понятіе о своемъ положеніи. Его сонъ было глухо, непрерываемо, и доставилъ ему ясность взгляда, твердую рѣшимость и энергію, которыя были весьма кстати при настоящихъ обстоятельствахъ.

Еще солнце не взошло, но сводъ неба покрылся уже чудной краской и весь воздухъ наполнялся радостнымъ пѣніемъ птицъ, раздававшимся кругомъ изъ кустовъ. Эти звуки, впрочемъ, обыкновенно столь пріятные для слуха, теперь навели на Звѣробоя страхъ, обнаруживъ ему прежде всего тѣ опасности, которымъ онъ подвергался. Вѣтеръ былъ все-таки очень слабъ, но въ теченіе ночи нѣсколько усилился, и перенялъ челнокъ вдвое далѣе противъ того, какъ раз-

считывалъ молодой человѣкъ. Теперь опасность заключалась именно въ томъ, что онъ до того приблизился къ подножію горы, круто подымавшейся здѣсь съ восточнаго берега, что могъ различать пѣніе и щебетаніе птицъ въ такомъ близкомъ и ужасавшемъ его разстояніи.

Но во всякомъ случаѣ это не было еще худшее. Третій челнокъ принялъ то же направленіе и плылъ къ выдававшемуся пункту берега, къ которому непременно долженъ былъ причалить, если человѣческая рука или порывъ вѣтра не удалятъ его отъ земли.

Кромѣ этого не показывалось ничего, что могло бы обратить вниманіе или возбудить заботу и безпокойство. Замокъ стоялъ невредимъ на прежнемъ мѣстѣ, и пловучій домъ прикрѣпленъ былъ къ столбамъ совершенно такъ, какъ оставленъ былъ ночью.

Звѣробой, конечно, обратилъ все свое вниманіе на уплывавшій впередъ челнокъ; онъ въ то время былъ совершенно близокъ къ мысу, и нѣсколько ударовъ весель убѣдили его, что онъ толкнется о берегъ прежде, чѣмъ успѣетъ подплыть къ нему. Именно въ эту минуту, слѣдовательно въ весьма неблагоприятное время, вѣтеръ началъ крѣпчать и погналъ легкое судно съ большею скоростію и вѣрностью. Убѣжденный окончательно въ невозможности воспрепятствовать челноку удариться о берегъ, Звѣробой принялъ осторожное рѣшеніе не изнурять своихъ силъ въ напрасномъ напряженіи. Онъ осмотрѣлъ курокъ своего ружья; потомъ тихо и осторожно сталъ грести

къ мысу и нарочно описалъ небольшую дугу, чтобы при своемъ приближеніи имѣть передъ собою скрытаго гдѣ либо врага только съ одной стороны.

Между тѣмъ челнокъ, предоставленный самому себѣ, плылъ своей дорогой, и въ трехъ или четырехъ шагахъ отъ берега наткнулся на небольшую скалу, омываемую водою. Въ этотъ моментъ Звѣробой пришелъ въ одну линію съ мысомъ и повернулъ носъ своего собственного челнока съ берегу. Первый же челнокъ нѣсколько времени держался у скалы, потомъ немного поднялся, подмываемый волною, повертѣлся и присталъ къ берегу. Все это видѣлъ Звѣробой, но это не успѣло біенія его пульса и не побудило руки его къ торопливому дѣйствию. Если кто либо ожидалъ, спрятавшись, приближенія свободнаго челнока, то, конечно, долженъ былъ видѣть и его самого, а потому при приближеніи къ берегу крайняя осторожность была необходима. Если же, напротивъ того, никто не подстерегалъ его, то всякая торопливость была излишня и бесполезна. Звѣробой надѣялся на послѣднее, такъ какъ мысъ простирался почти наискось лагерю индѣйцевъ; но при всемъ томъ и первое было не только возможно, но и вѣроятно, такъ какъ индѣйцы безъ всякаго сомнѣнія выслали лазутчиковъ во всѣ стороны для розыска скрытыхъ челноковъ.

Такимъ образомъ, чѣмъ ближе подѣзжалъ Звѣробой къ берегу, тѣмъ тише гребъ онъ, и тѣмъ внимательнѣе дѣлался глазъ его, чтобы замѣтить скры-

тую гдѣ либо опасность. Это была весьма затруднительная минута для такого новичка, какъ онъ, и онъ даже лишень былъ того поощренія, чтобы его наблюдали и обсуживали его дѣйствія. Онъ былъ совершенно одинъ, предоставленный собственнымъ силамъ и разуму, не подкрѣпляемый ни дружескимъ взглядомъ, ни поощрительными словами. Не смотря на то, даже старый и опытный воинъ не исполнилъ бы своего дѣла лучше, чѣмъ безстрашный юноша. Одинаково далекій какъ отъ безумной отваги, такъ и отъ боязни, онъ выполнилъ свое наступленіе съ дѣйствительною обдуманностію, не обращая вниманія ни на какія обстоятельства, кромѣ тѣхъ, которыя ближе всего касались достиженія его цѣли. Находясь въ ста шагахъ разстоянія отъ берега, Звѣробой поднялся въ челнокъ, раза три или четыре сильно ударилъ веслами по водѣ, такъ что совершенно подогналъ судно къ землѣ, потомъ бросилъ весла въ сторону и схватилъ ружье. Онъ только-что намѣревался поднять его, какъ вслѣдъ за раздавшимся выстрѣломъ послѣдовалъ свистъ пули, которая пролетѣла отъ него такъ близко, что онъ невольно отшатнулся. Затѣмъ онъ закачался, опрокинулся назадъ и упалъ во всю длину на дно челнока. Раздался радостный крикъ одного голоса, и одинъ индѣецъ выскочилъ изъ кустовъ на открытое мѣсто и побѣжалъ по мысу къ челноку. Этого только желалъ и добивался Звѣробой. Онъ внезапно вскочилъ и прицѣлился въ своего беззащитнаго и безоружнаго врага; но рука

его медлила спустить курокъ на человѣка, стоявшаго противъ него въ такомъ невыгодномъ положеніи. Это премежденіе спасло индѣйцу жизнь; онъ снова спрятался такъ же быстро, какъ и выскочилъ.

Между тѣмъ Звѣробой совершенно приблизился къ берегу, и челнокъ его причалилъ къ мысу въ ту самую минуту, когда индѣецъ исчезъ въ кустахъ. Такъ какъ движенія его не были управляемы, то онъ оставался въ нѣсколькихъ шагахъ отъ другаго челнока и хотя врагъ долженъ былъ сперва вновь зарядить ружье, но Звѣробой не оставалось времени обезпечить себѣ свою добычу и удалить ее отъ берега, рискуя подвергнуться второму выстрѣлу, быть можетъ лучше прицѣленному. При такихъ обстоятельствахъ онъ не медлилъ ни одной минуты и бросился въ гавану лѣса, ища защиты въ его вѣтвяхъ, покрытыхъ листьями.

Прямо впереди на мысу находилось открытое мѣсто, покрытое травой и пескомъ; котораго верхняя часть окаймлялась густою купою кустарниковъ. Идти за спиной эту узкую полосу, можно было достигнуть безпрепятственно высокаго густаго свода лѣса. Сперва, на протяженіи сотни шаговъ, почва была ровная, но далѣе круто подымалась въ гору. Деревья были высоки, чрезвычайно толсты и, какъ обыкновенно въ Америкѣ, свободны отъ всякихъ отростковъ такъ что походили на громадныя столбы, поддерживавшіе прекрасный, непроницаемый куполъ зеленыхъ

листьевъ. Хотя они стояли весьма часто другъ возлѣ друга, но глазъ все-таки могъ проникать на довольно далекое разстояніе.

Звѣробой зналъ, что если его противникъ не убѣжалъ, то занятъ заряданіемъ ружья. Это и было такъ на самомъ дѣлѣ; только-что юноша сталъ за дерево, какъ увидалъ руку индѣйца, опускавшаго пулю въ дуло своего ружья. Остальную часть тѣла его Звѣробой видѣть не могъ, такъ какъ онъ скрывался отъ его глазъ стволомъ дерева.

Самое легкое теперь было бы выскочить и покончить дѣло быстрымъ нападеніемъ, на близкой дистанціи; но всѣ чувства Звѣробоя противились такому шагу, хотя только-что жизнь его была въ смертельной опасности именно отъ такого нападенія. Ему казалось недостойнымъ дѣломъ нападеніе на безоружнаго врага, такъ какъ онъ еще былъ мало знакомъ съ лишеннымъ всякаго состраданія образомъ веденія войны индѣйцами. Цвѣтъ лица его сдѣлался, правда, темнѣе, глаза его сверкали лютымъ желаніемъ боя, ротъ былъ крѣпко и рѣшительно втиснутъ и всѣ мускулы напряжены въ сильнѣйшей степени; но вмѣсто того, чтобы идти впередъ и выстрѣлить, онъ опустил свое ружье, какъ охотникъ, который прежде всего желаетъ сперва рассмотреть цѣль свою на ближайшемъ разстояніи.

— Нѣтъ, нѣтъ, пробормоталъ онъ про себя, не зная самъ, что говорить: — это, быть можетъ, военное обыкновеніе краснокожихъ, но это противно хри-

стианскимъ понятіямъ. Пусть онъ сперва зарядитъ, и тогда мы сразимся, какъ мужчины. Челнокъ не можетъ и не долженъ попасть въ его руки; нѣтъ, нѣтъ; но я долженъ предоставить ему время зарядить ружье. и потомъ пусть Богъ приметъ сторону праваго.

Во все это время индѣецъ былъ такъ занятъ бою и своими движеніями, что даже не подозрѣвалъ, какъ близко отъ него непріятель, и не зналъ даже, что онъ въ лѣсу. Единственная его забота ограничивалась опасеніемъ, что челнокъ будетъ захваченъ и уведенъ прежде, чѣмъ ему возможно будетъ воспрепятствовать этому. Инстинктивно сталъ онъ подъ защитою дерева, но находился въ разстояніи лишь нѣсколькихъ шаговъ отъ края кустарниковъ, и въ одну минуту могъ быть въ лѣса и готовымъ къ выстрѣлу. Разстояніе между нимъ и врагомъ его составляло болѣе пятидесяти шаговъ, и деревья стояли такъ рѣдко, что взору не представлялось никакого препятствія, кромѣ стволовъ тѣхъ деревьевъ, за которыми держался оба противника.

Зарядивъ ружье, дикарь осмотрѣлся и выступилъ впередъ, неосторожно, если взять во вниманіе действительное положеніе непріятеля, но скрытно и осмотрительно, если имѣть въ виду то мѣсто, гдѣ онъ считалъ его стоявшимъ. Такъ какъ онъ стоялъ свободно и беззащитно, то Звѣрбой выступилъ изъ своего дерева и закричалъ ему:

— Эй, краснокожій! сюда, если вы меня ищете. Я молодъ и неопытенъ въ бою, но все-таки не такъ

неостороженъ, чтобы выступить на свободное и открытое мѣсто и дать застрѣлить себя при дневномъ свѣтѣ, какъ сову. Отъ васъ зависитъ, долженъ ли быть между нами миръ или война, потому что мои понятія — понятія бѣлаго, и я не принадлежу къ тѣмъ, которые считаютъ за подвигъ яростно умерщвлять въ лѣсахъ смертныхъ людей.

Индѣецъ былъ немало пораженъ, открывъ такъ внезапно опасность, которой подвергался. Онъ однако немного понималъ по-англійски, и потому хорошо понималъ, что хотѣлъ сказать его противникъ; притомъ же онъ былъ достаточно обученъ и опытенъ, чтобы обнаружить какой-либо страхъ. Онъ опустилъ ружье свое, сдѣлалъ знакъ гордой и сдержанной вѣжливости и совершенно повелъ себя съ самосознаніемъ и увѣренностью человѣка, который не привыкъ признавать кого бы то ни было стоящимъ выше себя. Но пока онъ игралъ эту роль съ удивительнымъ искусствомъ, въ немъ все кипѣло, какъ въ вулканѣ. Глаза его сверкали, а ноздри раздувались, какъ у дикаго звѣря, которому воспрепятствовали сдѣлать смертоносный скачекъ.

— Два челнока, сказалъ онъ гортаннымъ звукомъ своего племени, и поднялъ два пальца, чтобы устранить всякое недоразумѣніе: — одинъ для васъ и одинъ для меня!

— Нѣтъ, нѣтъ, Мингосъ. Такъ дѣло не пойдетъ, отвѣчалъ Звѣрбой. Вамъ не принадлежить ни одинъ изъ этихъ челноковъ, и вы ни одного не получите,

пока это въ моей власти. Я знаю, что теперь война между моимъ и вашимъ народами, но не вижу, по чему это должно служить основаніемъ, чтобъ смертные взаимно истреблялись, какъ дикія животныя, встрѣчающіеся въ лѣсахъ. Поэтому, идите своей дорогой, а я пойду своей; свѣтъ достаточно обширенъ для насъ обоихъ, и только если мы встрѣтимся въ открытомъ бою, пусть Всевышній рѣшить судьбу и участь насъ обоихъ.

— Хорошо! воскликнулъ индѣецъ. Мой братъ — миссіонеръ — большой говорунъ!...

— Нисколько, возразилъ Звѣробой. — До сихъ поръ я только охотникъ, хотя весьма возможно, что еще до заключенія мира поведу атаку на одного или двухъ изъ вашихъ; но это, согласно моимъ желаніямъ, должно произойти только въ честномъ бою, а не въ случаѣ ствіе спора о правѣ собственности на жалкій челнокъ.

— Хорошо! братъ мой еще молодъ, но очень умный слабый воинъ, но большой болтунъ, и можетъ быть полезенъ въ совѣтѣ.

— Я этого не знаю и не говорю, краснокожій, отвѣчалъ Звѣробой, нѣсколько покраснѣвъ при дурно скрытой насмѣшкѣ индѣйца: — я иду на встрѣчу лѣсной жизни и надѣюсь, что она будетъ мирная. Въ молодые люди должны идти на поле сраженія, когда представится случай, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ война была рѣзней. Я теперь приглашаю васъ идти своей дорогой и надѣюсь, что мы разстанемся друзьями

— Хорошо! У моего брата два скальпа и подъ однимъ сѣдые волосы. Языкъ молодъ, но умъ старъ.

Съ этими словами дикій замѣтно приблизился; онъ протянулъ руку и все существо его показывало уваженіе и дружбу. Звѣробой отвѣтилъ тѣмъ же, и оба сердечно пожали другъ другу руки, причемъ каждый старался убѣдить другаго въ своей откровенности и мирномъ настроеніи.

— Всякому свое, сказалъ индѣецъ: — мой челнокъ будетъ моимъ, а вашъ вашимъ. Пойдемъ посмотримъ: если вашъ — то возьмите, если мой — то у меня и останется.

— Это основательно, краснокожій; но вы сильно ошибаетесь, если принимаете челнокъ за вашъ. Но видѣть значить вѣрить, и мы сойдемъ къ берегу, гдѣ вы можете осмотрѣть своими глазами.

— Хорошо, отвѣчалъ дикарь, и оба рядомъ направились къ берегу. Въ приѣмахъ ихъ не было замѣтно никакого недоверія; индѣецъ даже шелъ впередъ, чтобъ доказать своему спутнику, что не опасается показать ему спиву. Когда они достигли открытаго мѣста, то онъ указалъ на челнокъ Звѣробоя и сказалъ съ удареніемъ:

— Это не мой, это не челнокъ краснокожаго; я не хочу чужихъ челноковъ; а вотъ этотъ мой.

— Пріятель, вы заблуждаетесь, и сильно. Этотъ челнокъ находился на сохраненіи у стараго Гуттера и принадлежитъ ему по всемъ правамъ и законамъ, пока не явится настоящій владѣлецъ и не потребуетъ

его обратно. Постройка судна говорит за себя; ни одинъ человекъ не видалъ, чтобъ индѣйцы построили подобную лодку.

— Хорошо; мой братъ не старъ, но со старымъ умомъ. Его построилъ не индѣецъ, это работа блага.

— Ну, я радъ, что вы такъ думаете, иначе между нами не обошлось бы безъ ссоры. Я сейчасъ выпрожу челнокъ изъ границъ спора, чтобы скорѣе устранить всѣ препятствія.

При этихъ словахъ Звѣробой оперся ногой о конецъ легкой лодки и далъ ей сильный толчекъ, который отогналъ ее въ озеро на разстояніи болѣе ста футовъ. Тамъ челнокъ долженъ былъ принять надлежащее направленіе и проплылъ мимо мыса, не подвергаясь болѣе опасности толкнуться о берегъ. Дикарь изумился такому рѣшительному и внезапному образу дѣйствій, и Звѣробой замѣтилъ, что онъ по временамъ бросалъ на его челнокъ, въ которомъ находились весла, злобные, вызывающіе и требовательные взгляды. Но перемѣна въ чертахъ Мингоса продолжалась только одну минуту, потомъ онъ принялъ прежній дружескій видъ, и онъ усмѣхнулся съ выраженіемъ удовольствія.

— Хорошо! сказалъ онъ еще съ большимъ удаченіемъ, чѣмъ прежде. Молодая голова, но очень старый умъ! Понимаетъ, какъ разрѣшить споръ. Прощайте; братъ индѣецъ пойдетъ въ лагерь и скажетъ начальнику, что не нашель челноковъ.

Звѣробой услышалъ это съ удовольствіемъ, потому

что ему очень хотѣлось скорѣе вернуться къ беззащитнымъ дѣвушкамъ, и онъ охотно взялъ протянутую индѣйцемъ руку. Прощальные слова были дружественны, и пока краснокожій спокойно направился къ лѣсу, держа ружье въ рукѣ, не оглядываясь даже ни разу недовѣрчиво или безпокойно, бѣлый обратился къ оставшемуся челноку, держа ружье также въ мирномъ положеніи, но не спуская глазъ съ движеній удалявагося. Это недовѣріе, однако, казалось, ничѣмъ не оправдывалось, и какъ бы стыдясь, что поддался ему, молодой человекъ отвернулся и беззаботно направился къ своей лодкѣ. Здѣсь началъ онъ отталкивать челнокъ отъ берега и вообще дѣлать приготовленія къ отплытію; онъ занялъ былъ этимъ не болѣе минуты, какъ вдругъ случайно повернулъ лицо къ берегу, и быстрый, вѣрный глазъ его съ перваго же взгляда указалъ ему опасность, которой подвергалась его жизнь. Черный, злобный глазъ дикаря сверкалъ чрезъ небольшое отверстіе въ кустахъ, какъ кровожадный глазъ тигра, готоваго къ прыжку, и дуло его ружья, казалось, находилось уже на одной линіи съ его корпусомъ.

Теперь долголѣтняя опытность Звѣробой, какъ охотника, сказала ему прекрасную услугу; привычный къ стрѣльбѣ въ сидящую дичь, даже въ томъ случаѣ, когда приходилось угадывать вѣроятное положеніе ея, онъ воспользовался этимъ умѣньемъ. Завести курокъ и приложиться было дѣломъ одной минуты и одного движенія; потомъ, цѣля почти на-

угадъ, онъ выстрѣлилъ въ кусты, гдѣ, какъ онъ зналъ, спряталось человѣческое существо, которому принадлежало увидѣнное имъ страшное лицо. Не было времени поднять ружье выше и прицѣлиться вѣрнѣе. Его движенія были такъ быстры, что оба противника выстрѣлили почти въ одно время, и гулъ обоихъ выстрѣловъ соединился въ одинъ, такъ что горы отдали только одно эхо. Звѣробой опустил ружье и стоялъ съ поднятой головой, какъ едь въ тиши юнскаго утра, ожидая результата своего выстрѣла. Дикарь же издалъ страшный крикъ, выскочилъ изъ кустовъ, поднялъ свой томагаукъ и бросился огромными скачками чрезъ свободное мѣсто на своего непріателя. Но Звѣробой не горячился, а стоялъ спокойно, приложивъ разряженное ружье къ плечу, тогда какъ рука его инстинктивно протягивалась за пороховницей и шомполомъ. Подойдя шаговъ на сорокъ къ своему врагу, дикарь бросилъ въ него опасный томагаукъ, но съ столь невѣрнымъ прицѣломъ и столь нетвердою и слабою рукою, что молодой человѣкъ могъ схватить топорикъ за рукоятку въ то время, какъ онъ летѣлъ мимо. Въ ту самую минуту индѣецъ зашатался и ринулся во всю длину на землю.

— Это я зналъ! это я зналъ! вскричалъ Звѣробой, стараясь впустить пулю въ дуло своего ружья. — Этимъ должно было кончиться, если я разъ имѣлъ цѣлю глаза этой твари. Человѣкъ цѣлится и стрѣляетъ быстро, когда жизнь его въ опасности, и потому я зналъ, что этимъ кончится. Я предупредилъ

его только на сотую часть секунды, иначе постигшая его участь была бы моею. Пуля его просвистѣла близонько мимо меня; но, пусть говорятъ, что хотятъ, — краснокожій отнюдь не такъ силенъ въ порохѣ и свинцѣ, какъ бѣлый. Это не его даръ. Даже Чингахокъ не смертоносный стрѣлокъ изъ ружья, хотя онъ въ другихъ отношеніяхъ очень доблестный предводитель.

Во время этого монолога онъ снова зарядилъ свое ружье, бросилъ томагаукъ въ лодку, подошелъ къ своей жертвѣ и взглянулъ на нее, опираясь на ружье, съ тяжелыми мыслями. Это былъ первый случай, что онъ видѣлъ человѣка, павшаго въ бою; это былъ первый человѣкъ, противъ котораго рука его поднялась непріязненно. Новыя, непонятныя ощущенія овладѣвали имъ, и горькое сожалѣніе перемѣшивалось съ его воинскимъ торжествомъ.

Индѣецъ былъ прострѣленъ въ животъ, но еще былъ живъ; онъ лежалъ неподвижно на спинѣ, а глаза его стерегли каждое движеніе побѣдителя. Вѣроятно, онъ ожидалъ смертельнаго удара, который долженъ былъ предшествовать потерѣ имъ скальпа, или, быть можетъ, предполагалъ даже, что эта операція будетъ предшествовать его смерти. Звѣробой угадалъ его мысли и счелъ долгомъ утѣшить и успокоить дикаря относительно этой его заботы.

— Нѣтъ, краснокожій, кротко сказалъ онъ:— вамъ теперь нечего больше меня бояться. Я христіанской породы и скальпировать не въ моихъ правилахъ.

Я только обезпечу себя насчетъ вашего ружья, а потомъ возвращусь, чтобъ служить вамъ, чѣмъ могу, хотя и не могу долго оставаться здѣсь, такъ какъ выстрѣлы наши привлекутъ мнѣ, вѣроятно, на шею нѣсколько вашихъ.

Послѣ этихъ словъ онъ удалился, чтобъ отыскать выпавшее у дикаго ружье; найдя его, онъ отнесъ его въ челнокъ и положилъ рядомъ со своимъ, а потомъ вернулся, чтобъ оказать индѣйцу обѣщанныя услуги.

— Между нами нѣтъ болѣе вражды, краснокожій, сказалъ онъ, — и вы можете успокоить свою душу относительно скальпа или другаго страданія. Мои понятія — понятія блага, и я надѣюсь, что мой образъ дѣйствій убѣдитъ васъ въ томъ.

Взглядъ и черты дикаго выразили въ одно время злобу и благодарность при такихъ словахъ Звѣробой; но этотъ, въ своей невинной незлобности, понималъ только послѣднее, не замѣтивъ злобы.

— Воды, простоналъ индѣецъ, — дайте воды бѣдному индѣйцу.

— Да, да, вы получите воды, хотя бы хотѣли выпить цѣлое озеро. Я васъ снесу внизъ, чтобы вы могли вдоволь утолить жажду, такъ какъ я всегда слышалъ, что вода лучшее успокоеніе и утѣшеніе для раненыхъ.

При этихъ словахъ Звѣробой поднималъ индѣйца на руки и снесъ его къ озеру; тутъ положилъ онъ его такимъ образомъ, чтобъ ему удобно было утолить мучившую его жажду, а потомъ посадилъ его на ка-

мень, положилъ голову его себѣ на колѣни и старался, чѣмъ могъ, облегчить его страданія.

— Было бы грѣшно, еслибъ я сказалъ, что ваша часть не пришелъ, кротко продолжалъ онъ: и потому я не скажу этого; вы уже исполнили мѣру вашихъ дней, и будьте счастливы въ будущей жизни, если были справедливы и честны. Если же нѣтъ, то ожидайте противнаго.

— Хорошо, простоналъ индѣецъ: молодая голова — зрѣлый умъ.

— Если вамъ, какъ многимъ другимъ, можетъ служить утѣшеніемъ увѣренность, что тѣ, кого мы обидѣли, намъ прощаютъ, то успокойтесь въ томъ, что меня касается, — продолжалъ Звѣробой: я прощаю вамъ покушенія на мою жизнь, потому, во-первыхъ, что я отъ нихъ не пострадалъ, а во-вторыхъ, что не могу питать злаго чувства къ умирающему, будь онъ христіанинъ или язычникъ.

— Хорошо; молодая голова и молодое же сердце. Старое сердце твердо, не даетъ никакого утѣшенія. Какъ зовутъ брата моего?

— Звѣробой теперь мое имя; но Делавары сказали, что послѣ войны дадутъ мнѣ другое, если я окажусь храбрымъ.

— Звѣробой хорошее имя для начальника, бѣдное — для воина. Скоро будетъ лучшее; здѣсь нѣтъ страха! — Дикій поднималъ руку и показывалъ на грудь своего побѣдителя. — Глазъ вѣренъ, рука проворна; взгляды, цѣль и смерть въ одно мгновеніе; скоро

большой воинъ! Не Звѣробой, а «Соколиный Глазь». Пожать руку!

Звѣробой, или Соколиный Глазь, какъ онъ впервые былъ названъ, схватилъ руку дикаря, который въ такомъ положеніи испустилъ духъ, и даже въ это время вперилъ глаза въ лицо незнакомца, который въ столь новыхъ и трудныхъ обстоятельствахъ выказалъ столько рѣшительности, ловкости и твердости.

— Его душа отлетѣла, сказалъ Звѣробой тихимъ, меланхолическимъ голосомъ. Мнѣ жаль его, и никогда рука моя не коснется его скальпа, пока я бѣлый по цвѣту и понятіямъ. Пусть Гурри и Гуттеръ сожалѣютъ о своемъ отсутствіи, если хотятъ; я не могу слѣдовать ихъ примѣру, и ни одинъ грошъ денегъ за скальпъ не пройдетъ чрезъ мои руки. Пусть покончена душа твоя съ миромъ, воинъ! твое тѣло не будетъ обезображено мною послѣ твоей смерти.

Послѣ этихъ тихо сказанныхъ словъ Звѣробой всталъ, прислонилъ трупъ въ сидячемъ положеніи къ скальпъ, и заботливо старался устроить такъ, чтобъ онъ не упалъ или не принялъ другаго, по мнѣнію дикихъ, неприличнаго положенія. Затѣмъ съ тяжелымъ сердцемъ посмотрѣлъ онъ на лютое лицо навшаго и, по своему обыкновенію, началъ выражать словами свои мысли и чувствованія.

— Я не жаждалъ твоей смерти, краснокожій, сказалъ онъ, — но ты оставилъ на выборъ убить тебя или быть самому убитымъ. Ты, правда, дѣйствовалъ пре-

дательски, но это въ твоихъ понятіяхъ, и потому за это вѣтъ тебѣ моего осужденія. Мнѣ слѣдовало быть осторожнѣе и менѣе довѣрять тебѣ. Ну, это былъ мой первый бой съ человѣкомъ и боюсь, что это не будетъ послѣдній. Съ обитателями лѣсовъ, каковы медвѣди, волки, барсы и другіе, я уже сражался довольно часто, но съ краснокожими это только начало, и я бы могъ рассказать о томъ и хвастаться своимъ подвигомъ предъ цѣлымъ племенемъ. Но я даже не знаю, какъ рѣшиться повѣрить эту тайну Чингахгоку, такъ какъ съ понятіями блага совершенно несовмѣстно хвастаться и прославлять самого себя. И зачѣмъ мнѣ объявлять всѣмъ и каждому о моей заслугѣ? Я ничего больше не сдѣлалъ, какъ умертвилъ человѣка въ бою, хотя я, по чести и справедливости, могу утверждать, что это случилось въ бою честномъ и открытомъ. Мой языкъ долженъ молчать объ этомъ! А все-таки Чингахгоку я бы охотно хотѣлъ поставить въ извѣстность, что я не посрамилъ воспитанія, даннаго мнѣ Делаварами.

Монологъ Звѣробоя былъ насильственно прерванъ въ эту минуту внезапнымъ появленіемъ втораго индѣйца, который показался на берегу въ разстояніи едва ста шаговъ отъ мыса. Этотъ воинъ, безъ сомнѣнія, второй лазутчикъ, который могъ быть привлеченъ на это мѣсто звукомъ выстрѣловъ, такъ осторожно вышелъ изъ лѣса, что Звѣробой увидалъ его прежде, чѣмъ самъ былъ замѣченъ имъ. Это, впрочемъ, не заставило себя долго ждать, и дикій

тотчасъ издавъ громкій крикъ, на который скоро отвѣчаю джюжина голосовъ изъ разныхъ пунктовъ лѣса. Теперь ужъ нельзя было долѣе медлить; Звѣробой вскочилъ въ челнокъ и сильными и долгими ударами весель погналъ его отъ берега. Когда онъ полагалъ, что поставилъ себя въ безопасное положеніе достаточно разстояніемъ, то опять предоставилъ судно самому себѣ, и съ любопытствомъ осматривалъ положеніе дѣлъ. Довѣренное сперва игрѣ волнъ, судно плыло около четверти мили впередъ, но онъ опять приблизился къ берегу ближе, чѣмъ хотѣлъ бы, въ особенности теперь, когда зналъ, что дикіе близко. Челнокъ же, оттолкнутый отъ берега, въ послѣднее время находился, напротивъ того, только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, такъ какъ онъ, отчаливъ отъ берега, направился прямо къ нему. Мертвый индѣецъ лежалъ въ глубокомъ спокойствіи тамъ, гдѣ былъ оставленъ; воинъ, показавшійся было изъ лѣса, снова исчезъ, и самые лѣса казались такъ тихи и пустыньны, какъ будто только-что вышли изъ рукъ Творца вселенной.

Эта глубокая тишина продолжалась, впрочемъ, только одну минуту. Передовые непріатели внезапно выскочили изъ чащи на открытый мысъ, увидавши своего убитаго товарища и наполнили воздухъ страшными криками отчаянія, за которыми, впрочемъ, тотчасъ послѣдовало восклицаніе радости, когда увидали, что побѣдитель не овладѣлъ скальпомъ убитаго; безъ до-

стиженія этого трофея дикіе считали всякую побѣду неполною.

Когда, наконецъ, индѣйцы увидали врага, то разстояніе челнока отъ берега затрудняло всякую попытку отомстить за своего товарища, потому что дикарь, подобно барсу, рѣдко атакуетъ своего врага иначе, какъ съ достаточною увѣренностію въ успѣхѣ. Звѣробой, между тѣмъ, занимался тѣмъ, чтобы собрать челноки свои и канатомъ тянуть ихъ за собою къ заливу. Одинъ былъ имъ скоро пойманъ, и онъ обратился за другимъ, который все время тихо, но прямо плылъ вверхъ по озеру. Когда глаза его устремились на этотъ челнокъ, то ему пришло въ голову, что онъ находится ближе отъ берега, чѣмъ долженъ былъ находиться, еслибъ слѣдовалъ только по теченію и по вѣтру. Поэтому онъ удвоилъ свои усилія, чтобы овладѣть имъ, прежде чѣмъ онъ еще приблизился бы къ грозившимъ опасностью лѣсамъ. Когда онъ подплылъ къ нему на весьма близкое разстояніе, то ему показалось, что ладья плыветъ къ берегу совершенно противъ вѣтра. Два сильные удара весель открыли ему тайну, его зоркій глазъ увидалъ, что голая рука индѣйца направляла челнокъ. Дикарь лежалъ на днѣ, и дѣйствуя рукою вмѣсто весла, гналъ его тихо, но вѣрно, къ берегу. Звѣробой сразу разгадалъ всю хитрость: Мингосъ доплылъ до челнока, пока онъ былъ занятъ на берегу боемъ съ непріателемъ, овладѣлъ имъ и теперь старался описаннымъ способомъ привести его къ берегу.

Въ полной увѣренности, что дикарь въ челнокѣ не могъ имѣть съ собою оружія, Звѣробой не задумался подѣхать на своей лодкѣ плотно къ неприятелю и пристать къ нему, даже не поднимая ружья. Какъ только лежавшій на днѣ индѣецъ услышалъ шумъ подплывшаго челнока, онъ тотчасъ вскопчилъ на ноги и громкимъ крикомъ обнаружилъ, что онъ совершенно застигнутъ врасплохъ.

— Если вы, краснокожій, достаточно повеселились съ этою ладьею, сказалъ Звѣробой равнодушно и хладнокровно, то я даю вамъ дружескій совѣтъ немедленно прыгнуть обратно въ воду. Я благодарю-мень и снисходителенъ, и не жажду вашей крови, но, повторяю, прыгайте въ озеро и немедленно, прежде чѣмъ дѣло дойдетъ до горячихъ словъ.

Дикарь не понималъ по-англійски, но онъ понималъ взгляды и жесты Звѣробоя, и притомъ такъ хорошо, что немедленно послѣдовалъ его совѣту. Съжившись, какъ приготовляющійся къ прыжку тигръ, онъ издалъ громкій крикъ и въ ту же минуту исчезъ подъ водою. Когда онъ снова вынырнулъ, то находился уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ челнока, но бросалъ по временамъ на Звѣробоя взгляды, въ которыхъ ясно можно было прочесть страхъ и боязнь. Звѣробой между тѣмъ ни однимъ движениемъ не выказалъ враждебныхъ намѣреній; совершенно хладнокровно прикрѣпилъ онъ челнокъ къ двумъ другимъ и сталъ грести дальше отъ берега. Еще прежде чѣмъ индѣецъ достигъ земли и спрыгнулъ съ себя

воду, неприятель его былъ уже внѣ ружейнаго выстрѣла, и быстро продолжалъ путь свой къ замку.

— Хорошо, хорошо, — ворчалъ про себя Звѣробой по своему обыкновенію: — было бы несправедливо, еслибъ я безъ всякой нужды умертвилъ бѣднаго смертнаго. Жизнь сладка, и за скальпъ я ничего не дамъ, какъ и самъ ничего не возьму. Правда, дикарь этотъ былъ Мингосъ, и я нимало не сомнѣваюсь, что онъ останется всю жизнь свою совершеннымъ и настоящимъ бродягою, но при всемъ томъ я не вижу никакого основанія, почему мнѣ слѣдовало забыть мой цвѣтъ и мои правила. Пусть себѣ бѣжить! Если намъ суждено снова встрѣтиться съ ружьями въ рукахъ и глазъ на глазъ, тогда обнаружится, у кого сердце мужественнѣе и рука тверже. Соколиный глазъ! это, въ самомъ дѣлѣ, не дурное имя для воина и звучитъ гораздо храбрѣе и мужественнѣе, чѣмъ Звѣробой. Это было бы недурное прозвище для начала, такъ какъ оно честно и вѣрно заслужено. Если бы я хоть Чингахгоку могъ рассказать все дѣло! но не годится, чтобъ бѣлый хоть однажды хвастнулъ. Ну, во всякомъ случаѣ все въ рукахъ Провидѣнія и, полагаясь на него, буду надѣяться, что мнѣ воздастся по моимъ заслугамъ.

Обнаруживъ такимъ образомъ свою слабую сторону, Звѣробой молча продолжалъ грести и плылъ къ замку такъ скоро, какъ только позволяли это привязанные челноки. Между тѣмъ, солнце не только что взошло, но уже стояло надъ восточными горами и обливало ал-

мазнымъ свѣтомъ зеркальную поверхность воды. Во окрестность блистала красотой, и кто только былъ не знакомъ съ обыкновенною исторіею лѣсовъ, никогда не подозрѣвалъ бы, что они незадолго предъ тѣмъ были свидѣтелями дикаго и варварскаго дѣла.

Когда, наконецъ, Звѣробой приблизился къ замку, голова его такъ наполнена была серьезными мыслями, что онъ изгналъ изъ его памяти всю прелесть и красоту озера. Юдиевъ и Гетти стояли на платформѣ, и въ боязливой заботливости ожидали его прибытія. Онъ подѣхалъ, прикрѣпилъ всѣ челноки къ пловучему дому и затѣмъ взошелъ наверхъ къ сестрамъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Обѣ дѣвушки не сказали ни слова, когда Звѣробой остановился передъ ними, и на лицѣ его видна была вся забота, которую питалъ онъ о судьбѣ своихъ товарищей.

— Гдѣ отецъ мой? спросила наконецъ Юдиевъ.

— Съ нимъ случилось несчастіе и было бы глупо скрывать это отъ васъ, отвѣчалъ Звѣробой: — какъ онъ, такъ и Гурри, въ рукахъ Мингосовъ, и одному небу извѣстно, чѣмъ это можетъ кончиться! Между тѣмъ я привелъ челноки въ вѣрное мѣсто, и намъ остается хотя то утѣшеніе, что бродяги не могутъ приблизиться къ замку иначе, какъ на плотяхъ, которые еще надо построить. Кромѣ того, съ закатомъ солнца мы подкрѣплены будемъ Чингахгокомъ, если мнѣ удастся принять его въ одинъ изъ челноковъ, и потому, я думаю, будемъ имѣть возможность про-

держаться въ замкѣ, пока получимъ помощь изъ форта, о которомъ говорилъ старый Гуттеръ.

— Солдаты! вскричала Юдиень:— о, на нихъ нечего рассчитывать, и притомъ я полагаю, что мы доста точно сильны, чтобъ защищать наше укрѣпленіе. Прежде всего расскажите намъ, что именно случилось съ отцомъ нашимъ и Гурри.

Звѣробой исполнилъ это требованіе, и обѣ дѣвушки съ напряженнымъ вниманіемъ выслушали его разсказъ. Затѣмъ былъ поданъ завтракъ, и Звѣробой доказалъ на дѣлѣ, что всѣ опасности и утренній бой не въ состояніи были отнять у него аппетитъ.

— Намъ только надо терпѣливо дожидаться вечера, сказалъ онъ, когда дѣвушки убрали блюда и тарелки со стола. — Если, какъ я надѣюсь, Чингахгокъ явится къ скалѣ, какъ между нами условлено, и если намъ удастся взять его тамъ, вопреки дикимъ, тогда будетъ предстоить намъ нѣкотораго рода война, подобно Мингосы овладѣютъ нами, замкомъ или пловучимъ домомъ.

— Кто же этотъ Чингахгокъ? спросила Юдиень. Откуда онъ и зачѣмъ идетъ сюда?

— Чингахгокъ? Ну, это по крови Могиканъ, живетъ у родныхъ ему по племени Делаваровъ, такъ какъ его собственный народъ уже давно уничтоженъ властію бѣлыхъ. Онъ происходитъ изъ семейства доблестныхъ предводителей; отецъ его, Ункасъ, былъ храбрѣйшій воинъ и лучший, совѣтникъ своего народа, и даже старый Тамелундъ любитъ и уважаетъ Чин-

гахгока. Когда разъ началась война, то мы условились съ нимъ сойтись у этой скалы, чтобъ вмѣстѣ пойти на первый бой съ Мингосами. Кромѣ того, какъ я уже говорилъ, у Чингахгока есть другая дѣль идти именно въ эту сторону, но выдать его тайну я не имѣю права.

— Во всякомъ случаѣ, я надѣюсь, сказала Юдиень, что онъ не будетъ имѣть противъ насъ никакихъ враждебныхъ намѣреній и окажется другомъ.

— Я вамъ никогда не измѣню, а Чингахгокъ другъ мой, возразилъ Звѣробой, нѣсколько огорченный недобріемъ, выраженнымъ въ словахъ Юдиень.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не имѣю къ вамъ никакого недобрія, поспѣшно сказала Юдиень, чтобъ заглушить произведенное на честнаго Звѣробоя впечатлѣніе. — Я также не имѣю права проникать въ тайну вашего друга и готова вѣрить на-слово всему, что вы говорите. Если мы приобрѣтемъ Чингахгока въ товарищи, то намъ, конечно, это послужитъ въ пользу, и быть можетъ, когда дикіе увидятъ, что мы въ состояніи защитить нашу крѣпость, то возвратятъ намъ плѣнныхъ въ обмѣнъ на кожи и порохъ.

— Да, да, это не невозможно, Юдиень, отвѣчала Звѣробой, хотя и не очень раздѣлялъ надежды дѣвушки: — во всякомъ случаѣ мы съ Чингахгокомъ должны будемъ сдѣлать попытку къ освобожденію вашего отца.

— И вы думаете, что дѣйствительно можно полагаться на Делавара?

— Какъ на самого меня, быстро возразилъ Звѣробой.

— Да; но не помѣшаетъ ли ему собственное дѣло его служить намъ?

— Не думаю. Но я не вижу, что можетъ повредить, если я вамъ сообщу его тайну; быть можетъ, вы найдете средства пособить ему. Чингахгокъ женихъ дочери одного изъ предводителей его племени, которую зовутъ Ватава. Два мѣсяца тому назадъ, она отправилась съ матерью и отцомъ къ западнымъ рѣкамъ, для ловли лососей, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не было о ней извѣстія. Только дней десять назадъ дошла до насъ вѣсть, что Ватава похищена у своихъ и именно по винѣ нѣкоего Бріатгорна, Делавава, который предательскимъ образомъ выдалъ ее Мингосамъ, собственно потому, что не хотѣлъ оставить ее Чингахгоку, котораго ненавидитъ за его доблести и мужество. Извѣстіе прибавляло, что она должна выйти замужъ за Мингоса, но если мы найдемъ ее въ этой странѣ, то, быть можетъ, представится случай къ ея освобожденію.

Это объясненіе вполне успокоило Юдиень.

Когда день приблизился къ исходу, то Звѣробой занялся приготовлениями къ поѣздкѣ за Чингахгокъ; Юдиень при этомъ выказала большую дѣятельность и, казалось, была очень довольна пособіемъ своему другу совѣтомъ и дѣломъ. Гетти, между тѣмъ была задумчива и молчалива и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ не сказала ни слова.

Наконецъ, настала часть, когда необходимо было пуститься въ путь къ условленному мѣсту, и не медля всѣ трое приступили къ исполненію задуманнаго Звѣробоемъ плана. Гетти взошла на пловучій домъ, связала вмѣстѣ два челнока, сѣла въ третій и доплыла до отверстія въ заборѣ, окружавшемъ зданіе. Она прибуксировала за собою оба связанные челнока и помѣстила ихъ подъ домомъ на цѣпи, прикрѣпленной къ строенію изнутри. Означенный заборъ состоялъ изъ глубоко вколоченныхъ въ тину древесныхъ стволовъ, и служилъ частію для храненія лодокъ, частію же имѣлъ назначеніемъ держать въ нѣкоторомъ отдаленіи непріятеля, который вздумалъ бы приблизиться къ челнокамъ. Въ этомъ докѣ лодки были хорошо скрыты отъ глазъ, и даже, еслибъ ихъ увидали, то было бы трудной задачей увести ихъ, такъ какъ проходъ могъ быть плотно задвинуть и запертъ. Наконецъ, туда же спрятанъ былъ и третій челнокъ, и затѣмъ Звѣробой занялся запираніемъ изнутри оконъ и дверей. Такъ какъ все было крѣпко и массивно, и маленькія деревья употреблялись вмѣсто запоровъ, то потребовалось бы по крайней мѣрѣ часа два времени, чтобъ вломиться въ домъ, еслибъ даже attackingie дѣйствовали разными орудіями, кромѣ топора, и еслибъ никто не оказывалъ имъ сопротивленія.

Когда наконецъ все было заперто внутри, то Звѣробой показался у опускной двери, изъ которой и сошелъ въ послѣдній челнокъ. Затѣмъ она была задвинута массивнымъ запоромъ и заперта большимъ

висячимъ замкомъ, а потомъ челнокъ снова выдвинуть внѣ забора. Наконецъ заперли ворота и ключи взяли съ собою, такъ что дикіе могли проникнуть въ домъ только поодиночкѣ и притомъ лишь съ употребленіемъ усилій.

Звѣрбой захватилъ съ собою подозривую трубу, прежде всего внимательно осматривалъ весь берегъ озера, куда только достигалъ его взоръ. Нигдѣ не виднѣлось живаго существа и по-прежнему вездѣ царствовало невозмутимая тишина. При всемъ томъ положеніе нашихъ друзей было весьма опасно, такъ какъ движеніе враговъ легко могли быть скрыты чаще всего, между тѣмъ какъ ихъ собственные открытія были наблюденіямъ всякаго бдительнаго глаза.

— Если дикіе слѣдятъ за нами, что весьма вѣроятно, то надо попробовать ввести ихъ въ заблужденіе, сказала Звѣрбой. — Я надѣюсь достигнуть этого направляя пловучій домъ то въ ту, то въ другую сторону, такъ что они наконецъ утомятся и прекратятъ преслѣдованіе.

На сколько отъ него зависѣло, молодой человекъ привелъ этотъ планъ въ исполненіе; такъ какъ дунулъ легкій сѣверный вѣтерокъ, то, поднявъ парусъ, Звѣрбой направилъ судно къ западной сторонѣ берега.

Пловучій домъ плылъ тихо и дѣлалъ не болѣе трехъ или четырехъ миль въ часъ; разстояніе между замкомъ и скалою было около двухъ часовъ плаванія. Знакомый съ аккуратностію индѣйцевъ, Звѣрбой

точнымъ образомъ рассчиталъ время, оставивъ себѣ болѣе, чѣмъ нужно было для достиженія условленнаго пункта, въ тѣхъ видахъ, чтобы, смотря по надобности, ускорить или замедлить свое прибытіе. Когда онъ поднималъ парусъ, то солнце обѣщало еще болѣе двухъ часовъ дня, и чрезъ нѣсколько минутъ онъ убѣдился, что движеніе судна вполне соответствуетъ его расчетамъ и ожиданіямъ.

— Развѣ намъ слѣдуетъ достигнуть скалы въ самый моментъ захожденія солнца? спросила Юдиень: — развѣ нѣсколько минутъ раньше или позже могутъ повредить нашимъ видамъ? Я боюсь, что опасно будетъ долго держаться такъ близко отъ берега.

— Конечно, Юдиень, отвѣчала Звѣрбой: — Скала отстоитъ отъ берега только на разстояніи ружейнаго выстрѣла, и не годится развѣзжать такъ близко. Когда имѣешь дѣло съ индѣйцами, надо быть осторожнымъ, ибо краснокожій хитеръ и коваренъ и ему ни въ чемъ нельзя довѣрять. Я и не направляюсь прямо на скалу, а нѣсколько восточнѣе, и дикіе такъ же погонятся въ эту сторону и напрасно утомятъ свои ноги.

— Такъ вы, въ самомъ дѣлѣ, полагаете, что они слѣдятъ за нами? Я думаю, они ушли въ глубь лѣса, и дадутъ намъ часа два покоя.

— Нѣтъ, это женскія мечты. Индѣецъ никогда не оставляетъ своей бдительности, когда онъ на военномъ полѣ, и много глазъ въ эту минуту направлены на насъ. Мы должны стараться осмотрительно

приблизиться къ скалѣ и оставить бродягамъ фальшивый слѣдъ. Правда, что у нихъ, какъ я слышалъ хорошее чутье, но разумъ бѣлаго по крайней мѣрѣ сравнится съ ихъ инстинктомъ.

Пловучій домъ плылъ все дальше. Минуть за двадцать до заката солнца онъ находился почти совершенно подъ мысомъ, гдѣ Гуттеръ и Гурри взяты были въ плѣнъ, и Звѣробой немало затруднилъ разгадку своихъ намѣреній, направившись сперва въ одну сторону озера, а потомъ въ другую. — Чтобы еще болѣе затемнить дѣло, Звѣробой держался западнаго берега такъ близко, какъ только было возможно, не упуская изъ виду необходимой осторожности. Тогда онъ, пригласивъ Юдию и Гетти сойти въ каяту, самъ съѣхался до того, что весь корпусъ его былъ закрытъ бортомъ судна, далъ этому мгновенно противоположное направленіе и поплылъ съ возможною быстротою къ истоку рѣки. Вѣтеръ благопріятствовалъ ему и такъ быстро погналъ судно, что онъ могъ надѣяться на полный успѣхъ своего плана.

Еще въ разстояніи двухъ или трехъ сотъ шаговъ отъ берега, Звѣробой убралъ парусъ и кинулъ якорь, какъ только убѣдился, что судно шло по прямому направленію къ скалѣ. Этимъ измѣнилось движеніе судна, такъ какъ подъ вліяніемъ вѣтра оно повернуло къ нему переднюю часть. Какъ только это произошло, Звѣробой спустилъ канатъ длиннѣе и предоставилъ пловучій домъ плыть къ скалѣ такъ скоро, какъ только могъ гнать его вѣтеръ. Такъ

какъ судно сидѣло въ водѣ не глубоко, то это скоро исполнилось, и Звѣробой умѣрилъ движеніе его, когда увидалъ, что задъ судна находился въ разстояніи отъ скалы не болѣе пятнадцати или осмнадцати футовъ.

Онъ спѣшилъ исполненіемъ всѣхъ этихъ движеній, ибо хотя и не сомнѣвался, что ввелъ своими дѣйствіями непріятеля въ обманъ, но не могъ звать, что не былъ имъ преслѣдуемъ. Поэтому онъ не подѣхалъ къ берегу такъ близко, не принявъ всѣхъ необходимыхъ мѣръ предосторожности для отступленія въ случаѣ если бы это, противъ ожиданія, оказалось необходимымъ. Онъ самъ держалъ въ рукѣ канатъ, прикрѣпленный къ якорю, а Юдию поставлена была имъ у окошка, изъ котораго могла обозрѣвать весь берегъ, дабы тотчасъ сообщить о появленіи враговъ или друга.

Солнце уже скрылось за деревьями и не освѣщало болѣе озера и землю своими лучами, когда Звѣробой остановилъ судно. Но все-таки еще нехватало нѣсколькихъ минутъ до настоящаго заката, а молодой человекъ слишкомъ хорошо зналъ точность своего друга, чтобы предположить бесполезную его торопливость. Весь вопросъ заключался въ томъ, могъ ли онъ, окруженный врагами, пробиться сквозь ихъ цѣпь. Обстоятельства послѣднихъ сутокъ были, конечно, не извѣстны Чингахгоку, и онъ, какъ и Звѣробой, былъ еще неопытенъ въ военномъ дѣлѣ. Но во всякомъ случаѣ, онъ могъ ожидать, что встрѣтятся

шайку, въ плѣну у которой находилась его невѣста, но не зналъ ни количества ея, ни расположенія своихъ враговъ, и потому былъ въ совершенномъ одиночествѣ предоставленъ своему вѣрному взгляду и неутомимой осмотрительности, если желалъ избѣгнуть окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ опасностей.

— Что, на скалѣ никого не видать еще, Юдиень? спросилъ Звѣробой, умѣривъ ходъ пловучаго дома. Не видать еще моего друга?

— Нѣтъ, Звѣробой; нигдѣ не видно слѣдовъ человѣческаго существа. Но теперь....

— Что такое, Юдиень, что такое? поспѣшно спросилъ Звѣробой, когда дѣвушка, внезапно озадаченная, вдругъ смолкла.

— Тамъ, на скалѣ, человѣкъ; индѣйскій воинъ въ полномъ вооруженіи и раскрашенный сверху до низу.

— На какомъ мѣстѣ у него соколиное перо? спросилъ Звѣробой поспѣшно, отпустивъ канатъ, чтобы подѣхать ближе къ скалѣ. — Плотно къ волосамъ надъ лѣвымъ ухомъ?

— Надъ лѣвымъ ухомъ; и онъ усмѣхается, шепчетъ слово «Могиканъ»!

— Ну, слава богу, это Большой Змѣй! наконецъ! съ восторгомъ крикнулъ молодой человѣкъ, и оставилъ канатъ скользить между пальцами, пока услышалъ на другомъ концѣ шумъ легкаго прыжка. — Теперь онъ тотчасъ остановилъ спускъ каната и снова сталъ тянуть его къ себѣ, убѣдившись, что они достигли своей пѣли.

Вдругъ дверь каюты поспѣшно, распахнулась, и воинъ, пройдя черезъ маленькую комнатку, показался возлѣ Звѣробоя и издалъ индѣйскій кликъ: «хугъ». Вслѣдъ за тѣмъ Юдиень громко вскрикнула, и воздухъ содрогнулся отъ страшныхъ криковъ около двадцати индѣйцевъ, которые соскочили съ берега, пробравшись сквозь вѣтви деревьевъ, и, полные нетерпѣнія, почти всѣ бросились въ воду.

— Звѣробой, тяните, кричала Юдиень, запирая поспѣшно дверь, чтобы воспрепятствовать дикимъ воспользоваться тѣмъ отверстіемъ, черезъ которое вошелъ Чингахгокъ. — Тяните; все озеро покрыто индѣйцами, которые насъ преслѣдуютъ.

Оба молодые человѣка — ибо Чингахгокъ тотчасъ поспѣшилъ къ своему другу на помощь, не ожидали вторичнаго приглашенія, но работали такъ усердно, что сейчасъ было видно, что и имъ опасность казалась не менѣе угрожающею. Главное затрудненіе заключалось въ томъ, чтобы снова привести пловучій домъ въ движеніе; еслибы это было достигнуто, то судно удалилось бы отъ берега довольно быстро, чтобы сдѣлать безуспѣшнымъ всякое преслѣдованіе индѣйцевъ.

— Тяните, Звѣробой, ради Бога, прошу васъ, тяните, — снова вскричала Юдиень: — негодяи бросаются въ воду, какъ свора собакъ, преслѣдующихъ оленя. — Ага, судно двигается, и теперь вода дѣлается глубже и достигаетъ переднему до плечъ; а все-таки они идутъ впередъ и хотятъ захватить насъ! Легкій крикъ и вслѣдъ затѣмъ радостный смѣхъ

дѣвушки послѣдовалъ за этими словами. Первый имѣлъ причиной сомнительную попытку преслѣдователей, а второй — неудачу этой попытки. Судно правильно приведенное теперь въ движеніе, поплыло на глубокой водѣ съ такою скоростію, которая дѣлала невозможнымъ всякое нападеніе непріятелей. Но такъ какъ каюта заслоняла молодымъ людямъ видѣна то, что происходило сзади, то они должны были спросить дѣвушекъ о положеніи преслѣдованія.

— Что теперь дѣлается, Юдиень? спросилъ Звѣробой. — Мингосы еще преслѣдуютъ насъ, или мы въ время отъ нихъ отдѣлались?

— Они исчезли. Послѣдній изъ нихъ сейчасъ скрылся въ тѣни деревьевъ. Вашъ другъ около васъ и мы всѣ въ безопасности.

Теперь молодые люди удвоили свои усилія, пока окончательно освободили судно отъ якоря; потомъ проплывъ немного подъ парусомъ, вновь бросили якорь, и затѣмъ прекратили работу впервые послѣ ихъ свиданія.

Приемы, съ которыми оба друга привѣтствовали одинъ другаго, были весьма оригинальны. Чингахгокъ, красивый, высокій и сильный индѣйскій воинъ сперва заботливо оглядѣлъ свое ружье, открылъ полку, чтобъ убѣдиться, что насыпанный на ней порохъ не подмокъ, потомъ бросилъ нѣсколько взглядовъ изподлобья на оригинальное судно и обѣихъ дѣвушекъ, но не выговорилъ ни слова и даже не сдѣлалъ своему другу никакого вопроса, чтобы

не выкатать бабьяго любопытства, недостойнаго мужчины.

— Юдиень и Гетти! обратился между тѣмъ Звѣробой къ обѣимъ сестрамъ: — глядите, вотъ могицанскій предводитель, о которомъ я вамъ говорилъ. Его зовутъ Чингахгокъ, что значитъ Большой Змѣй, и онъ мой единственный и лучший другъ. Я тотчасъ угадалъ, что это онъ стоялъ на скалѣ, такъ какъ ни одинъ другой воинъ не носитъ соколинаго пера надъ лѣвымъ ухомъ.

Сказавъ эти слова, Звѣробой отъ души засмѣялся отъ внутренняго удовольствія, и это выраженіе ощущеній было особенно замѣчательно тѣмъ, что не сопровождалось не малѣйшимъ шумомъ. Хотя Чингахгокъ понималъ англійскій языкъ и говорилъ даже на немъ, но онъ не хотѣлъ однако, какъ большая часть индѣйцевъ, высказать свои мысли на этомъ діалектѣ. Онъ вѣжливо и съ достоинствомъ поклонился дѣвушкамъ, и потомъ отошелъ въ ожиданіи минуты, когда другу его заблагоразсудится сообщить ему о дальнѣйшихъ своихъ намѣреніяхъ. Звѣробой понялъ это желаніе; они оба усѣлись на переднюю часть судна, и завели разговоръ на языкъ Делаваревъ.

Сперва Звѣробой рассказалъ вкратцѣ о приключившихся обстоятельствахъ, причемъ, однако, удержался отъ разказа о своемъ боѣ съ Мингосмъ и объ одержанной побѣдѣ. Послѣ того Делаваръ началъ свой разказъ и говорилъ все время очень серьезно и съ достоинствомъ. Рѣчь его была краткая и ясная,

и снабжена различными украшениями, которые не имѣли прѣмого отношенія къ путешествію его изъ своей страны и прибытію въ долину Сускеганни. Когда онъ достигъ послѣдней, и притомъ только въ полдень южнѣ истока, то скоро замѣтилъ слѣдъ, обнаружившій ему близость непріятелей, такъ какъ онъ былъ приготовленъ на подобный случай, ибо цѣль его похода была по близости къ шайкѣ Мингосовъ, то онъ принялъ открытіе свое скорѣе за счастье, чѣмъ за неудачу, и немедленно приступилъ къ обыкновеннымъ мѣрамъ предосторожности, чтобъ извлечь изъ своего открытія пользу. Сперва онъ шелъ вдоль рѣки до ея истока и точнѣе опредѣлялъ себѣ положеніе скалы, потомъ снова напалъ на слѣдъ, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ блуждалъ во всѣ стороны вокругъ своихъ враговъ, частію, чтобъ заявить невѣстѣ о своемъ присутствіи, а частію чтобы завоевать скальпъ. Онъ держался по близости озера и направлялся то къ одному, то къ другому пункту, откуда ему видно было все, что происходитъ на поверхности воды. Онъ увидалъ пловучій домъ и наблюдалъ за нимъ съ той минуты, когда близость его сдѣлала это возможнымъ, хотя, конечно, молодой человекъ и не подозрѣвалъ, что судно это будетъ служить средствомъ къ соединенію съ друзьями. Неопредѣленность его движеній и то обстоятельство, что оно, безъ сомнѣнія, управлялось бѣлыми, навело его однако на предположеніе истины, и онъ держался наготовѣ перебраться на бортъ при первомъ удобномъ слу-

чаѣ. Когда солнце стало заходить, то онъ отправился на скалу и, выйдя изъ лѣса, имѣлъ удовольствіе увидеть пловучій домъ совершенно въ готовности принять его.

Хотя Чингахгокъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ внимательно наблюдалъ за своими врагами, тѣмъ не менѣе внезапное и горячее преслѣдованіе ихъ, послѣ того, какъ онъ достигъ судна, озадачило его не менѣе его друзей. Онъ могъ объяснить себѣ это только тѣмъ обстоятельствомъ, что они были многочисленнѣе, чѣмъ онъ прежде думалъ, и выставили часовыхъ, о существованіи которыхъ онъ не подозрѣвалъ. Правильный же лагерь ихъ во всякомъ случаѣ былъ не далеко отъ того мѣста, гдѣ Гуттеръ и Гурри захвачены были въ плѣнъ, и притомъ непремѣнно по близости источника.

— Ну, Змѣй, спросилъ Звѣробой, когда тотъ окончилъ свой краткій, но живой рассказъ: — такъ какъ я знаю, что вы бродили кругомъ этихъ Мингосовъ, то, пожалуй можете сказать намъ, что дѣлается съ плѣнниками?

— Чингахгокъ видѣлъ ихъ; старикъ и молодой юноша, падающая ель и высокая сосна.

— Справедливо. Что они были связаны или подвергались какой либо пыткѣ? Я спрашиваю для молодыхъ дѣвушекъ, которыя жаждутъ узнать что нибудь объ ихъ отцѣ.

— Мингосовъ такъ много, что имъ не нужно за-
пирать въ клетку свою добычу; одни бодрствуютъ,

другіе спать; одни смотрятъ, другіе охотятся. Сегодня съ бѣлыми обращаются какъ съ братьями, а завтра они могутъ лишиться своихъ скальповъ.

— Ну, это согласно съ природою краснокожихъ къ этому надо привыкнуть. Послушайте, дѣвушка. Делаваръ рассказываетъ мнѣ, что ни отецъ вашъ ни Гурри не страдаютъ, и что они вообще такъ же здоровы, какъ и мы.

— Ну, этому я очень рада, отвѣчала Юльетта: — теперь, когда вашъ другъ между нами, я не сомнѣваюсь, что мы найдемъ средства освободить плѣнныхъ. У насъ есть большой шкафъ, который содержитъ много вещей, могущихъ служить приманкою для индѣйцевъ.

— Да отпустить ли индѣйцы отца, еслибъ мы дали имъ наши лучшія вещи? кротко спросила Гетти.

— Ну, это возможно, если въ дѣло вмѣшаются женщины. Скажите, Змѣй, много ихъ въ лагерѣ?

— Шесть, отвѣчалъ Чингахгокъ, кромѣ этой. Подъ этой онъ разумѣлъ свою невѣсту и обозначилъ ее тѣмъ, что приложилъ руку къ сердцу.

— Вы ихъ видѣли? спросилъ Звѣробой, — и также видѣли пріятное личико Ватава?

— Нѣтъ, деревья были слишкомъ густы и покрыты листьями; но я слышала ихъ смѣхъ, и онъ звучалъ въ моихъ ушахъ какъ шелканье крапивника.

А что, молодой бѣлый охотникъ уже давно здѣсь?

— Только со вчерашняго полудня, да и то довольно было времени, чтобы многое сдѣлать и пережить.

Взглядъ, который индѣецъ при этихъ словахъ бросилъ на своего друга, былъ такъ рѣзокъ, что онъ, при увеличивавшейся темнотѣ ночи казался насмѣшливымъ. Когда Звѣробой замѣтилъ этотъ взглядъ, то увидалъ, что два острые глаза сверкали, какъ глаза барса или голоднаго волка. Онъ понялъ значеніе этого взгляда, и отвѣчалъ уклончиво, какъ, по его мнѣнію, приличествовало образу мыслей человѣка съ понятіями бѣлыхъ.

— Оно такъ, какъ вы подозреваете, Змѣй: да, нѣчто въ этомъ родѣ. Я наткнулся на врага, и думаю, можно также сказать, что я съ нимъ сразился.

Радостное восклицаніе торжества вырвалось у индѣйца, и, живо схвативъ своего друга за руку, спросилъ онъ: добыты ли также скальпы?

— Это противъ моихъ правилъ, спокойно отвѣчалъ Звѣробой. — Мой скальпъ при мнѣ, какъ вы видите, а это былъ единственный, который находился въ опасности.

— Развѣ воинъ не палъ? Звѣробой получилъ свое прозвище не за то, что у него сонные глаза, и не за неопытность въ стрѣльбѣ.

— Въ этомъ случаѣ вы говорите благоразумно и близко къ правдѣ. Да, я могу сказать, что Мингосъ палъ.

— Предводитель? спросилъ Чингахгокъ съ неудержимой силой.

— Ну, это больше того, что я знаю и могу сказать.

Онъ былъ хитеръ, предатель и злобенъ, и, быть можетъ, приобрѣлъ себѣ много значенія въ своемъ племени чтобы возвыситься до начальника. Онъ сражался хорошо, хотя глазъ его былъ не довольно быстръ для человѣка, вышедшаго изъ вашей школы, Делавары.

— Такъ мой братъ и другъ сразилъ врага?

— Мнѣ это было не нужно, потому что онъ умеръ на моихъ рукахъ; впрочемъ, я могу прямо высказать правду: онъ сражался, какъ краснокожій, а не какъ бѣлый. Богъ даровалъ мнѣ побѣду, я же не могъ наругаться надъ Провидѣніемъ, захвативъ его скальпъ и забывъ чрезъ то мою природу и провозхожденіе. Я сотворенъ бѣлымъ и такимъ хочу быть и умереть.

— Хорошо; Звѣробой блѣднолицый и руки у него бѣлыя. Делаваръ отыщетъ скальпъ, повѣситъ его въ колы и пропоетъ воинскую пѣсню въ честь Звѣробой когда мы вернемся домой. Честь принадлежитъ паки мени и не можетъ быть потеряна.

— Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Трупъ Мивагося въ рукахъ его друзей и, безъ сомнѣнія, заправятъ въ трущобу, откуда Делаваръ, при всей хитрости своей, едва ли добудетъ скальпъ.

Затѣмъ молодой человѣкъ въ немногихъ, но ясныхъ словахъ разсказалъ другу своему утреннее приключеніе, не скрывая ни одного обстоятельства, но не забывая ни на минуту приличія, и тщательно старался избѣгать индѣйскаго хвастовства. Но Чингахокъ неоднократно выражалъ радость свою по случаю

приобрѣтенной другомъ его славы; потомъ оба поднялись и снова обратились къ работѣ, такъ какъ теперь благоразуміе совѣтовало держаться съ пловучимъ домомъ подалеже отъ берега.

Уже совсѣмъ стемнѣло, небо было облачно и звѣзды скрылись; сѣверный вѣтеръ прекратился и лѣтній вѣтерокъ дулъ съ юга. Такъ какъ это благопріятствовало видамъ Звѣробой, то онъ поднялъ якорь, и судно немедленно стало замѣтно подвигаться къ срединѣ озера. Парусъ былъ поднятъ, и какъ чрезъ это грести не представлялось нужнымъ, то Чингахокъ, Юднѣ и Звѣробой усѣлись на кормѣ судна, гдѣ первый управлялъ рулемъ. Здѣсь они условились о будущихъ дѣйствіяхъ и мѣрахъ, которыя можно было употребить, чтобъ достигнуть освобожденія плѣнныхъ.

Такимъ образомъ прошло полчаса, въ теченіе котораго судно тихо плыло по водѣ и темнота дѣлалась все сильнѣе и гуще. Вдругъ разговоръ былъ внезапно прерванъ Юднѣю, которая вскочила и спросила:

— Вы ничего не слышите, Звѣробой? какъ будто вблизи шумитъ вода.

— Да, да, точно шумъ весла, опускаемаго съ особенною осторожностью.

Въ этотъ моментъ Делаваръ нагнулся впередъ и указалъ на темный горизонтъ, какъ будто вдругъ глазамъ его представилось что-то важное. Звѣробой и Юднѣ взглянули по указанному имъ направленію,

и оба увидѣли челнокъ, въ которомъ одинъ человекъ стоялъ и поспѣшно работалъ веслами. Все это показывалось въ весьма темныхъ очертаніяхъ, такъ что ясно увидѣть что-либо было и невозможно.

— Я бы легко могъ свалить гребца, сказалъ Звѣробой, но сперва я его окликну и спрошу о его намереніяхъ. Стой! закричалъ онъ торжественно. Если вы приблизитесь, то я долженъ буду стрѣлять, и тогда вамъ вѣрная смерть. Перестаньте грести и отвѣчайте.

— Стрѣляйте, и умертвите бѣдную, безоружную дѣвушку, отвѣчала тихій женскій голосъ. — Идите своей дорогой, Звѣробой, и оставьте меня на моей

— Гетти, въ одно время вскрикнули Звѣробой съ Юднью, и первый тотчасъ бросился къ тому мѣсту, гдѣ привязалъ взятый съ собою челнокъ. Его уже не было, и тогда онъ понялъ все дѣло. Бѣглянка между тѣмъ перестала грести, и была видна какъ въ туманѣ, подобно привидѣнію, плывущему по водѣ. Вслѣдъ за тѣмъ парусъ былъ спущенъ, чтобы плывучій домъ не могъ миновать того мѣста, гдѣ находился челнокъ; но было уже поздно, такъ какъ тяжесть судна и дѣйствіе вѣтра гнали его мимо. Слѣдствіемъ этого было то, что Гетти было уже не видно, и потому находившіеся на суднѣ, послѣ нѣкоторыхъ поисковъ, должны были оставить надежду взять ее снова къ себѣ.

— Что бы это значило? спросилъ Звѣробой: Юднью зачѣмъ сестра ваша взяла челнокъ и покинула насъ?

— Вѣдь вы знаете, что бѣдняжка нѣсколько слабоумна, печально отвѣчала Юднью. Она любитъ своего отца болѣе, нежели дѣти любятъ своихъ родителей, и вѣроятно задумала какой-нибудь планъ, чтобъ освободить его.

— Это дурно, сказалъ Звѣробой, покачавъ головой. Впрочемъ, индѣйцы не сдѣлаютъ ей никакого вреда, именно потому, что она слабоумная, а мы, — мы всячески должны предоставить ее собственной участи, такъ какъ никакимъ образомъ не можемъ ей помочь.

Затѣмъ, сознавая всю важность занятія замка прежде, чѣмъ непріятель могъ бы овладѣть имъ, Звѣробой снова поставилъ парусъ и направилъ носъ судна прямо на строеніе.

Звѣробой молчалъ во время всего пути, потому что долженъ былъ опасаться, что всѣ предосторожности его относительно челноковъ разрушатся необдуманнѣмъ и озабочивавшимъ его поступкомъ бѣдной, слабоумной Гетти.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Между тѣмъ, какъ плувчій домъ направлялся къ замку, Гетти гребла по направленію къ западному берегу, и достигла выдававшейся точки его, которая находилась отъ рѣки на разстояніи не болѣе одного часа пути. Понимая, какъ важно не дать своему челноку попасть въ руки Мингосамъ, она оттолкнула его отъ берега къ срединѣ озера, въ надеждѣ, что благопріятный вѣтеръ погонитъ его обратно къ замку. Ожиданіе ея не было обмануто, такъ какъ челнокъ дѣйствительно былъ замѣченъ и пойманъ Звѣробоємъ прежде, чѣмъ дикіе могли овладѣть имъ.

Послѣ такой мѣры предосторожности Гетти оставила берегъ, и углубилась въ чащу лѣса. Случайно попала она на ближайшую дорогу, которая могла привести ее къ предполагаемой цѣли; это былъ единственный путь, ведшій изъ лѣса къ лагерю двинхъ.

Ночь была такъ темна подъ вѣтвями деревьевъ, что Гетти могла двигаться только очень тихо, и послѣ нѣсколькихъ шаговъ принятое ею направленіе было совершенно дѣломъ случая. Въ продолженіе двухъ часовъ бѣдная дѣвушка блуждала въ дикомъ лабиринтѣ: то находилась она на краю примыкавшей къ озеру береговой высоты, то опять подымалась на возвышеніе, что стоило ей немалого труда. Ноги ея часто скользили, она падала, и хотя ни разу не ушиблась, но, по истеченіи двухъ часовъ, до того утомилась, что ей не хватало силъ идти далѣе. Отдыхъ былъ ей необходимъ, и она озабочилась приготовить себѣ ложе съ такой обдуманностію и хладнокровіемъ, которыя были замѣчательны въ окружавшей ее пустынѣ. Она знала, что во всемъ окрестномъ лѣсу блуждаютъ дикіе звѣри, но ей также было извѣстно, что они были рѣдки, и что змѣй въ этой сторонѣ вовсе не было. Эти обстоятельства узнала она отъ отца, для спасенія котораго теперь отправилась, и она такъ сильно о немъ думала, что ей не оставалось времени для колебаній и размысленій. Одиночество, въ которомъ она себя увидѣла, было для нея скорѣе утѣшительно, нежели страшно, и она наносила себѣ хворосту для постели съ такимъ равнодушіемъ ко всякой опасности, какъ будто устраивала себѣ ежедневное ложе подъ родительскою кровлею.

Собравъ достаточно вѣтвей, чтобы защитить себя отъ сырыхъ испареній земли, она стала на колѣни, сложила руки съ выраженіемъ внутренней рѣшимости,

и тихимъ, нѣжнымъ голосомъ прочитала молитву. Потомъ легла и старалась задремать; чрезъ нѣсколько минутъ она погрузилась въ такой спокойный сонъ, какъ будто оберегаема была заботливыми духами.

Такимъ образомъ прошли часъ за часомъ и глаза Гетти открылись не прежде, какъ когда слабое мерцаніе свѣта стало пробиваться сквозь деревья, и вмѣстѣ съ свѣжестью лѣтняго утра старалось разбудить ее. Обыкновенно она вставала прежде, чѣмъ лучи солнца достигали вершины горъ, но на этотъ разъ утомленіе ея было такъ сильно, и сонъ такъ крепокъ, что всегдашнія обстоятельства и признаки не имѣли своего дѣйствія. Она прошептала что-то во снѣ, протянула руку и тихо улыбнулась, какъ дитя въ колыбели, но продолжала дремать. При безсознательномъ движеніи, ея рука попала на теплый предметъ, но въ полусознаніи, въ которомъ она находилась, она этого не замѣтила. Вслѣдъ за тѣмъ, однако, она получила сильный толчокъ въ бокъ, какъ будто роющее животное просовывало подъ нее морду свою, чтобъ сдвинуть ее съ мѣста, и тогда проснулась она съ словомъ: Юдвѣ!

Когда испуганная дѣвушка поднялась въ сидячемъ положеніи, то увидѣла, что темный предметъ отпрыгнулъ отъ нея, торопливо разбросалъ вѣтви и топталъ упавшіе сучья. Открывъ совершенно глаза и оправившись отъ перваго замѣшательства и задруднительности своего положенія, Гетти замѣтила молодого медвѣдя, покачивавшагося на заднихъ лапахъ и глядѣвшаго на

нее, какъ будто недоумѣвая — безопасно ли будетъ снова къ ней приблизиться. Первая мысль Гетти, которая уже имѣла много такихъ медвѣжатъ, была побѣжать къ нему и овладѣть имъ; но громкое ворчаніе показало ей всю опасность такого поступка. Отступивъ нѣсколько шаговъ, она поспѣшно осмотрѣлась и увидѣла медвѣдицу, которая съ ярко горѣвшими глазами наблюдала за ея движеніями на небольшомъ разстояніи. Пустое дерево, служившее прежде жилищемъ пчелъ, незадолго передъ тѣмъ было повалено, и медвѣдица съ другими двумя дѣтенышами своими услаждалась медомъ, который доставилъ имъ случай, причемъ она внимательнымъ окомъ наблюдала за движеніями и дѣйствіями своего беззаботнаго ребенка, который убѣждалъ отъ нея, но впрочемъ не обнаруживала никакихъ намѣреній произвести на дѣвушку нападеніе.

Наконецъ, она бросила медъ и перешла на другое мѣсто, только на разстояніи двадцати шаговъ, гдѣ поднялась на заднія лапы, покачиваясь всѣмъ корпусомъ, съ видомъ злаго и ворчливаго настроенія, но не ступала далѣе. Къ счастью, Гетти не обратилась въ бѣгство: ставъ на колѣни и оборотясь лицомъ къ звѣрю, она, съ сложенными руками и обращенными къ небу глазами, прочитала молитву свою; кроткій поступокъ этотъ не былъ послѣдствіемъ страха: это былъ долгъ, исполнять который она никогда не забывала, когда вставала и ложилась спать.

Какъ только Гетти встала на ноги, медвѣдица

снова спустилась на четвереньки, собрала вокруг себя своих дѣтенышей и дала имъ природную ихъ пищу. Гетти радовалась такой нѣжности звѣря, и когда одинъ изъ медвѣжатъ оставилъ сосцы матери, чтобъ поваляться и попрыгать, она снова получила сильную охоту взять его на руки и поиграть съ нимъ. Но ворчаніе матери опять не дало ей исполнить это намѣреніе, и она, наконецъ, отошла отъ группы, чтобъ продолжать путь свой вдоль берега озера. Къ удивленію ея, къ которому однако не примѣшивался страхъ, медвѣдица послѣдовала за ней, держась постоянно въ небольшомъ разстояніи, и, какъ казалось, наблюдая съ живѣйшимъ любопытствомъ за всѣми ея движеніями.

Такимъ образомъ, въ сопровожденіи медвѣдицы и медвѣжатъ, дѣвушка прошла около мили, пока достигла ручья, который, вздымая волны свои между крутыми и высокими уступами, впадалъ въ озеро. Здѣсь она умылась, напилась чистой горной воды и, освѣженная, продолжала путь съ легкимъ сердцемъ, все еще преслѣдуемая медвѣдицею. Дорога привела ее къ широкой, довольно прямой равнинѣ, которая простиралась отъ береговой высоты слабою пока-тостью. Здѣсь Гетти предположила, что она приближается къ лагерю дикихъ, и медвѣдица утвердила ее въ этой мысли. Она стала втягивать въ себя воздухъ и остановилась, хотя Гетти словами и знаками манила ее идти дальше. Затѣмъ дѣвушка потихоньку стала двигаться сквозь низкіе кусты и растенія, не теряя

изъ глазъ медвѣдицы, какъ вдругъ почувствовала, что ее слегка чья-то рука схватила за плечо.

— Куда идете? спросилъ нѣжный голосъ ломанымъ англійскимъ языкомъ. — Тамъ индѣйцы, краснокожіе, очень дурно!

Гетти такъ же мало испугалась этихъ неожиданныхъ словъ, какъ и внезапнаго появленія дикихъ звѣрей. Она обернулась и увидела женское существо одинаковыхъ съ нею лѣтъ, котораго хорошенькій ротикъ нѣжно и дружески улыбался. Это была Ватава, невѣста Чингахгока.

— Куда идете? снова спросила она. — Тамъ злые воины, — добрые дальше.

— Какъ васъ зовутъ? спросила Гетти съ видомъ невиннаго дитяти.

— Ватава! Я не Мингоска, а Делаварка. Я пришла сюда, гдѣ нѣтъ глазъ. Пойдемте вмѣстѣ.

Она свела ее по берегу внизъ, и сѣла съ ней на свалившееся дерево, гдѣ была въ безопасности отъ подсматривавшихъ глазъ.

— Зачѣмъ вы пришли, и откуда? спросила она.

Гетти живо и довѣрчиво рассказала свою исторію, высказавъ при этомъ желаніе сдѣлать что возможно для освобожденія отца.

— Зачѣмъ вашъ отецъ ночью пришелъ въ лагерь Мингосовъ? Онъ зналъ, что идетъ война, и уже не маленькій. Зачѣмъ онъ пришелъ и схватилъ меня за волосы, чтобы скальпировать? меня, делаварскую дѣвушку!

— Васъ? съ горячностію вскрикнула Гетти. — Васъ онъ схватилъ и хотѣлъ скальпировать?

— Да, меня! Скальпъ всегда скальпъ, и губернаторъ платитъ за него деньги. Для блага не хорошо хотѣть скальпировать. Это не его назначеніе, говорилъ мнѣ Звѣробой.

— Такъ вы знаете Звѣробой? удивленная и покраснѣвъ отъ радости, спросила Гетти. — Я также его знаю; онъ теперь у насъ съ Юдиною и однимъ Делаваромъ, который носитъ имя Большой Змѣй. Это статный воинъ.

— Чингахгокъ! радостно прервала Ватава. — Я его знаю.

— Вчера вечеромъ онъ пришелъ къ намъ, и я часа два была вмѣстѣ съ нимъ. Но я боюсь, Ватава, что онъ отправился за скальпами, такъ же какъ мой отецъ и Гурри.

— А почему же нѣтъ? гордо возразила молодая индѣянка. — Онъ краснокожій воинъ и скальпъ для него слава.

— Такъ это здѣсь начало для него? Потому-то онъ и пришелъ чрезъ горы и долины, чрезъ озера и рѣки, — только для того, чтобы умерщвлять и совершать жестокости?

— О, нѣтъ, сказала Ватава, обнявъ вдругъ Гетти и прижавъ ее къ себѣ: Чингахгокъ пришелъ не только для скальпа, но и для меня.

— Да, да, я знаю! Звѣробой и Змѣй хотятъ освободить васъ изъ рукъ Мингосовъ.

Ватава утвердительно кивнула головой, и просила Гетти въ лагерьъ дикихъ не называть имени Чингахгока, что эта не задумавшись и общала.

— Можетъ быть, онъ освободитъ также отца вашего и Гурри, если его оставятъ дѣйствовать. Поэтому только молчите. Никто, кромѣ Большаго Змѣя, не освободитъ друзей.

Гетти снова общала соображаться съ желаніями своей новой пріятельницы и пригласила ее безъ дальнѣйшаго замедленія провести ее къ лагерю Мингосовъ.

Когда обѣ дѣвушки приблизились къ нему, Гетти издала легкій крикъ, увидѣвъ отца своего. Онъ сидѣлъ, прислонившись спиною къ дереву, а Гурри стоялъ рядомъ съ нимъ, беззаботно строя кусочекъ дерева. Повидимому, они были совершенно свободны, и незнакомый съ обычаями индѣйцевъ навѣрно принялъ бы ихъ скорѣе за гостей, чѣмъ за плѣнныхъ.

Ватава подвела пріятельницу свою къ нимъ, и потомъ отошла, чтобы сдѣлать выраженіе ихъ чувствъ вполне непринужденнымъ.

Гетти, не поддаваясь своимъ ощущеніямъ, тихо приблизилась къ отцу, который не выказалъ ни удивленія, ни неожиданности при ея появленіи. Женщины также не обнаружили безпокойства при внезапномъ появленіи чужой, хотя нѣсколько воиновъ и собрались, чтобы стараться узнать причину ея прихода.

Но, не смотря на наружное равнодушіе, Гуттеръ былъ очень тронутъ попыткой Гетти, потому что онъ

знавъ ея твердую привязанность, и тотчасъ угадалъ, зачѣмъ она пришла.

— Ты нехорошо сдѣлала, дитя мое, сказалъ онъ, что отважилась явиться между дикими и злобными Мингосами.

— Отецъ, скажите мнѣ, умертвили ли вы чело- вѣка и взяли ли его скальпъ? Мнѣ необходимо знать это, чтобы имѣть возможность прямо говорить съ ин- дѣйцами.

— Нѣтъ, Гетти; я, правда, схватилъ уже одну мо- лодую дѣвушку, но крикъ ея разбудилъ весь лагерь, и послужилъ поводомъ къ нашему плѣну.

— Это хорошо, отецъ! Теперь я смѣло могу го- ворить съ дикими.

Пока Гетти разговаривала съ отцомъ и при слу- чаѣ обращала нѣсколько словъ къ Гурри, Ватава по- дошла къ двумъ старымъ воинамъ, которые доселѣ были болѣе другихъ расположены къ ней, надѣясь, что они спросятъ ее на счетъ Гетти. Дѣйствительно, такъ и случилось, и тогда она, чтобы услужить своей при- ятельницѣ, сказала, что она слабоумная, и явилась съ цѣлю помочь отцу. Дѣйствіе ея словъ было такое, какого она желала, и Гетти стояла теперь окру- женная благоговѣніемъ, которое должно было служить ей защитой. Затѣмъ Ватава удалилась, чтобы съ нѣж- ностію сестры приготовить пищу, которая должна была возстановить силы ея новой подруги.

Когда Гетти, наконецъ, приблизилась къ началу никамъ, то принята была съ почестію и приглашеніемъ

сѣсть на колоду. Затѣмъ Ватава вызвана была, какъ переводчица, и старшій начальникъ поручилъ ей спросить прекрасную молодую блѣднолицую, какая цѣль ея посѣщенія и чѣмъ Мингосы могутъ служить ей?

— Ватава, сказала Гетти, передайте имъ, что я дочь Гуттера и пришла съ тѣмъ, чтобы уговорить ихъ не дѣлать отцу моему никакого вреда, дать ему снова свободу, и поступать съ нами болѣе какъ съ друзьями, чѣмъ какъ съ неприятелями. Скажите имъ это прямо, и не бойтесь ничего, потому что Богъ защититъ насъ обѣихъ.

Ватава послушалась этого приглашенія и перевела смыслъ словъ Гетти на прокезскій языкъ. Начальники серьезно выслушали ихъ, и двое изъ нихъ, понимав- шіе немного по-англійски, показали знаками и глазами, что довольны переводчицей.

— Теперь, Ватава, продолжала Гетти, передайте этимъ людямъ, что отецъ мой и Гурри пришли сюда съ намѣреніемъ приобрѣсть скальпы, потому что гу- бернаторъ обѣщалъ за нихъ золото. Жаждѣ золота они не могли противостоятъ. Скажите имъ такъ слово въ слово.

Ватава охотно нѣсколько измѣнила бы это объясне- ніе, но не рѣшилась на это по случаю присутствія тѣхъ индѣйцевъ, которые понимали по-англійски, хотя и не могли говорить на этомъ языкѣ. Объясненіе это не произвело, однако на краснокожихъ сильнаго впечат- лѣнія, вѣроятно потому, что они не могли осуждать

дѣйствию, въ которомъ сами, при случаѣ, не отказались бы принять участіе.

— А теперь, сказала Гетти, спросите-ка ихъ, знаютъ ли они, что существуетъ Богъ, который управляетъ небомъ и землею, и которому принадлежатъ всѣ живые люди, краснокожіе они или бѣлые?

Индѣянка, хотя нѣсколько удивленная, предложила вопросъ начальникамъ и получила серьезный, утвердительный отвѣтъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ мнѣ легко будетъ исполнить мой долгъ, сказала Гетти: — Богъ приказалъ написать книгу, которую мы называемъ Библіею, и въ этой книгѣ онъ выражаетъ свою святую волю. Вотъ одна изъ этихъ священныхъ книгъ, и вамъ надо будетъ объяснить начальникамъ то, что я прочту имъ.

При этихъ словахъ Гетти вынула небольшую английскую Библію и торжественно показала ее индѣянкамъ, какъ бы ожидая, что даже видъ ея произведетъ на краснокожихъ глубокое впечатлѣніе. Потомъ она снова обратилась къ своей подругѣ и съ живостію сказала:

— Это священная книга и всѣ эти строки и слова исходятъ отъ Бога. Скажите же начальникамъ, что Богъ повелѣваетъ людямъ прощать своимъ врагамъ, поступать съ ними, какъ съ братьями и никогда не дѣлать имъ дурнаго изъ злобы или мести. Скажите ли вы это имъ, Ватава, и поймутъ ли они?

— Сказать я готова, тихо отвѣчала индѣянка, — но чтобъ они поняли, этого я не думаю.

Ватава объяснила индѣйцамъ мысли Гетти, которыя были приняты съ большимъ удивленіемъ. Потомъ Гетти справилась у Ватавы, поняли ли ее начальники, и легко удовольствовалась уклончивымъ отвѣтомъ.

— Теперь я прочту вамъ нѣсколько стиховъ, которыхъ уразумѣніе принесетъ имъ пользу, продолжала она съ торжественнымъ видомъ. Это собственные слова Великаго Духа, которыя гласятъ: любите ближнихъ, какъ самого себя. Объясните имъ это, Ватава!

— Но для индѣйцевъ бѣлый не есть ближній, отвѣчала Ватава; ближній Прокезъ Прокезу, Могиканъ Могикану, бѣлый бѣлому.

— Вы забываете, что это слова Господа Бога, которыхъ слушаться должны какъ начальники, такъ и всѣ смертные. Но вотъ и другое наставленіе: если кто ударитъ тебя въ лѣвую ланиту, то подставь ему правую.

— Что это значить? спросила Ватава.

Гетти объяснила, что это учить не мстить за обиды, а лучше дать себя еще разъ обидѣть.

— Выслушайте еще вотъ это, продолжала она. — Здѣсь сказано: любите вашихъ враговъ, благословляйте тѣхъ, кто проклиняетъ васъ, дѣлайте добро тѣмъ, кто ненавидитъ васъ, и молитесь за тѣхъ, кто оскорбляетъ васъ и преслѣдуетъ.

Съ большимъ одушевленіемъ продолжала Гетти приводить мѣста изъ Библии, по временамъ пригла-

шая свою подругу переводить ихъ начальникамъ. Ватава пробовала исполнить это, хотя отъ удивленія не находила словъ, и довольствовалась переводомъ только нѣкоторыхъ стиховъ, которые считала доступнѣе понятіямъ Ирокезовъ. Стихи эти, однако, произвели на дикихъ мало впечатлѣнія, такъ какъ они считали главнымъ основаніемъ никогда не забывать услуги и не прощать оскорбленія. Они позвали Гуттера, предложили ему въ присутствіи дочери вопросъ, дѣйствительно ли онъ пришелъ въ лагерь за скальпами, и считали дѣло конченнымъ, когда онъ отвѣчалъ утвердительно. Они молча удалились, и оставили Гетти и Ватаву однѣхъ около Гуттера и Гурри, не стѣсняя ихъ ничѣмъ, хотя, впрочемъ, внимательно наблюдали за ними.

— Гетти, сказалъ Гуттеръ своей упавшей духомъ и плачущей дочери: — я не хочу осуждать тебя, такъ какъ твоя попытка имѣла хорошую цѣль, хотя и была неблагоприятна. Библия не можетъ служить средствомъ свратить индѣйца съ его дороги. Развѣ Звѣробой не далъ тебѣ никакого порученія? развѣ онъ не принимаетъ никакихъ мѣръ къ нашему освобожденію?

— Отецъ! съ огорченіемъ отвѣчала Гетти: — ни Звѣробой, ни Юдиень не знали моего плана, потому что я ничего не сказала имъ. Они боятся, что индѣйцы построятъ плотъ и сдѣлаютъ нападеніе на замокъ, а потому болѣе думаютъ о своей защитѣ, чѣмъ о нашемъ освобожденіи.

— Нѣтъ, нѣтъ, перебила ее Ватава, — нѣтъ, Звѣ

робой вовсе не такой человѣкъ. Онъ не думаетъ защищать себя, когда другъ въ опасности. Онъ поможетъ другимъ, и всѣхъ возвратитъ въ замокъ.

— Отецъ, снова сказала Гетти, — Юдиень думаетъ разломать большой шкафъ, въ надеждѣ найти тамъ что-нибудь, что можетъ помочь вашему освобожденію.

При этомъ сообщеніи мрачное облако пронеслось по лицу Гуттера, и онъ произнесъ громко нѣсколько словъ неудовольствія.

— А почему же не разломать стараго шкафа? спросила Ватава. — Жизнь лучше, чѣмъ старый шкафъ, и скальпы также лучше.

— Тихе, глуныя бабы! рѣзко сказалъ Гуттеръ. — Какъ вы думаете, Гурри, тихо прошепталъ онъ ему, можемъ ли мы разсчитывать на эту молодую дѣвушку?

— Ватава не Мингоска! воскликнула индѣянка, понявшая произнесенныя шопотомъ слова; она изъ Делабаровъ, и таково же сердце ея. Она также плѣнная, и поможетъ другимъ плѣннымъ. Но довольно говорить; пусть дочь остается при отцѣ; Ватава посмотритъ, что дѣлается, и потомъ придетъ.

Послѣ этихъ словъ она встала и оставила прочихъ, направивъ тихіе шаги свои къ шалашу, служившему ей жилищемъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Мы оставили находившихся въ пловучемъ домѣ плыть ночью по направленію къ замку. Они вѣшали его нетронутымъ, и утомленные скоро погрузились въ глубокой сонъ. Нѣсколько разъ въ теченіе ночи Звѣробой вставалъ, чтобы взглянуть на озеро, но всякій разъ снова ложился, не замѣтивъ на поверхности воды ничего подозрительнаго. Однако, прежде, чѣмъ солнце показалось изъ-за горъ, всѣ уже были на ногахъ.

Чингахгокъ занимался возобновленіемъ своихъ украшеній, когда Звѣробой подошелъ къ нему и бросилъ около него нѣсколько штукъ одежды.

— Вотъ, пріятель, сказалъ онъ, — это Юдиень дала мнѣ для васъ, потому что совершенно противно благоразумію показываться въ вашемъ воинскомъ одѣяніи въ краскѣ. Правда, что противно вашимъ правиламъ носить

одежду, но это все-таки необходимо, если вы хотите освободить Ватаву изъ заключенія.

Чингахгокъ съ нескрытымъ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на платье, но былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять пользы переодѣванія. Онъ надѣлъ платье, смылъ съ себя краску, и ужъ на извѣстномъ разстояніи не легко могъ быть принятъ за индѣйца.

Юдиень во время завтрака была молчалива, серьезна и задумчива. Она обмѣнялась съ Звѣробоемъ лишь нѣсколькими словами, и притомъ ничего не было сказано, что бы касалось положенія, въ которомъ они находились. Когда же, наконецъ, встали изъ-за стола, то Юдиень не могла долѣе удерживаться.

— Звѣробой! сказала она: — было бы ужасно, если бы съ отцемъ и Гурри случилось что-нибудь непріятное! Мы не можемъ оставить ихъ въ такомъ печальномъ положеніи, не подумавъ по крайней мѣрѣ о средствахъ къ ихъ освобожденію.

— Юдиень, я охотно готовъ помочь вамъ, отвѣчалъ молодой человекъ: — можетъ быть, вы придумали средство, примѣненія котораго вы желали бы.

— Я не вижу другаго средства, какъ обмѣнъ. Проклезы не уклоняются отъ подарковъ, и мы, быть можетъ, въ состояніи предложить имъ достаточно, чтобы побудить ихъ выдать намъ плѣнныхъ.

— Да, это было бы прекрасно, Юдиень; но два сильные мужчины не могутъ быть выкуплены бездѣльцею.

— Мы имъ отдадимъ все, что имѣемъ, воскликнула
Куперь. I.

Юдиень:—наши одежды, оружіе, порохъ, все, все! Вотъ также шкафъ, который навѣрное содержитъ въ себѣ многое, что можетъ привлечь Мингоса, хотя я никогда не видала, что въ немъ заключается.

— Развѣ у васъ есть ключъ отъ него?

— Да, я знаю, гдѣ онъ лежитъ; но еще ниразу не употребляла его, потому что отецъ запретилъ мнѣ это. Въ теперешнемъ же крайнемъ случаѣ мы, однако, можемъ считать запрещеніе снятымъ.

— Я это и самъ думаю. И если шкафъ дѣйствительно содержитъ какія-нибудь тайны, то въ этотъ нѣтъ никакой опасности, потому что ни я, ни Чингахгокъ никогда не выдадимъ ихъ. Доставьте же ключъ и отприте шкафъ.

Юдиень послушалась, и дверцы шкафа скоро были открыты.

— Здѣсь, кажется, полная чаша, сказалъ Звѣробой, бросивъ взглядъ на наполненный до верху ящикъ, котораго содержаніе покрыто было полотномъ. Мы хорошо сдѣлаемъ, если будемъ поступать осторожно и аккуратно при раскладываніи всего. Доставьте нѣсколько стульевъ, пріятель, пока я разстелю простыню на полу, и тогда примемся за дѣло.

Чингахгокъ принесъ стулья; Звѣробой предложилъ одинъ изъ нихъ Юдиень, самъ сѣлъ на другой и затѣмъ снялъ покрывало. Первые предметы, которые представились ихъ глазамъ, были нѣсколько мужскихъ одеждъ изъ тонкаго сукна. Преимущественно бросались въ глаза красный кафтанъ съ золотымъ шитьемъ,

когда Чингахгокъ увидѣлъ его, то не могъ удержаться отъ выраженія удивленія и удовольствія.

— Ну, это всячески необыкновенно красивая одежда, и я думаю, она сдѣлаетъ свое дѣло, сказалъ Звѣробой:—индѣйское сердце рѣдко противостоитъ такимъ краскамъ и такому блеску. Змѣй, я хотѣлъ бы видѣть эту одежду на вашихъ плечахъ.

Чингахгокъ, не торопясь, снялъ тотчасъ же свой грубый сюртукъ, и съ удовольствіемъ облекся въ драгоценную одежду. Преобразование это было очень смѣшно, но за всѣмъ тѣмъ Делаваръ смотрѣлся въ зеркало съ такимъ удовольствіемъ, что почти можно было прочесть на его лицѣ желаніе, чтобъ невѣста увидѣла его въ такомъ костюмѣ. Звѣробой нѣсколько времени восхищался радости Чингахгока, но потомъ напомнилъ ему положить кафтанъ назадъ, чтобъ продолжать поиски. За мужскою одеждою слѣдовала женская и была не менѣе великолѣпна, какъ и первая. Одно парчевое платье было такъ необыкновенно хорошо и блестяще, что Юдиень не могла противиться требованію надѣть его, и пошла для этого въ свою спальню. Когда она вышла оттуда, то Звѣробой и Чингахгокъ встали изумленные, и оба до того обнаружили свое восхищеніе, что Юдиень почувствовала себя немного польщенной.

— Это платье должны мы предложить Мингосамъ, сказалъ Звѣробой, — и пусть меня повѣсятъ, если они за него не выпустятъ плѣнныхъ. Но оно слишкомъ цѣнно для этихъ червей, и, можетъ быть, мы най-

дешь что-нибудь другое, могущее повести насъ къ той же цѣли. Поэтому, Юдиѳъ, снимите-ка его.

Она это исполнила, и пара превосходныхъ, угра-
шенныхъ серебромъ пистолетовъ, былъ слѣдующій предметъ, который достали изъ шкафа. Въ городѣ они имѣли бы огромную цѣну; здѣсь же въ лѣсахъ едва ли могли быть употреблены. Звѣробой поднялъ ихъ и передалъ Делавару, приглашая его высказаться о нихъ свое мнѣніе.

— Дѣтская игрушка! сказала Чингахгокъ отрывисто и съ презрительной улыбкой.

— Нѣтъ, нѣтъ, Змѣй. Эти предметы сдѣланы для мужчины и при правильномъ употребленіи удовлетворяли бы великана. Дайте же мнѣ посмотреть, заботливо ли съ ними обращались.

Звѣробой взялъ пистолеты изъ рукъ своего друга, открылъ полку одного, которая оказалась покрытою порохомъ, обратившимся отъ времени и сырости въ комокъ угля. Проба шомполомъ показала, что оба пистолета заряжены, хотя и лежали въ шкафу, вѣроятно, нѣсколько лѣтъ безъ употребленія. Индѣецъ немало былъ удивленъ этимъ открытіемъ, такъ какъ онъ привыкъ возобновлять ежедневно зарядъ своего ружья и насыпать на полку свѣжій порохъ.

— Да, здѣсь снова видна природная безпечность бѣлаго, сказала Звѣробой. — Мы разрядимъ пистолеты, чтобъ оказать этимъ дружескую услугу ихъ владыцѣ. Насыпьте свѣжаго пороху на полку, Чингахгокъ, и отыщемъ цѣль, чтобъ видѣть, кто изъ

насъ лучше стрѣляетъ изъ пистолета. Что касается ружья, то, кажется, мы въ этомъ ужь согласны.

Звѣробой, смѣясь отъ души своей мысли, пошелъ съ другомъ своимъ на платформу и искалъ какого-либо предмета для цѣли.

— Отодвиньтесь немного, сказалъ онъ Юдиѳъ. Оружіе уже много лѣтъ какъ заряжено, и потому легко можетъ случиться несчастіе.

— Въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы и стрѣлять изъ него, заботливо возразила Юдиѳъ. — Выньте лучше зарядъ.

— Это было бы противъ правилъ, и нѣкоторые говорятъ даже, что противъ твердости духа, хотя я считаю это глупостью. Необходимо разрядить ихъ, чтобы видѣть, кто изъ насъ можетъ похвалиться большею ловкостью.

Юдиѳъ нѣсколько отодвинулась, стала около Звѣробоя и предоставила передъ платформы одному Чингахгоку. Этотъ нѣсколько разъ подымалъ пистолетъ, старался привести его обѣими руками въ удобнѣйшее положеніе, нѣсколько разъ мѣнялъ свою неловкую позицію и принималъ еще худшую; наконецъ, съ видомъ совершеннаго равнодушія, спустилъ курокъ, не поставивъ себѣ никакой опредѣленной и вѣрной цѣли. Послѣдствіемъ этого было, конечно, то, что вѣсто того, чтобы попасть въ цѣль на пловучемъ домѣ, онъ даже не попалъ въ самый домъ, а пуля заплескала по водѣ, какъ гладкій камень, брошенный въ косомъ направлѣніи ловкою рукою мальчика.

— Хорошо, Змѣй! право, очень хорошо, сказалъ Звѣробой съ обыкновеннымъ своимъ задушевымъ, но тихимъ смѣхомъ. Вы попали въ озеро и для многихъ это большой подвигъ. Короткое оружіе вѣрно не годится для краснокожихъ; отойдите назадъ, я посмотрю, что можетъ сдѣлать имъ бѣлый. Пистолеть, правда, не то, что ружье, но краска всегда остается краской.

Звѣробой быстро и твердо прицѣлился, и выстрѣлъ раздался почти въ ту самую минуту, какъ онъ полагалъ пистолеть. Но его разорвало, и куски его полетѣли по всѣмъ направленіямъ: одинъ на замокъ, другой на плувчій домъ, третій на воду. Юдиень до того испугалась, что, громко вскрикнувъ, поблѣднѣла какъ мертвая и вся задрожала.

— Ай! бѣдная дѣвушка ранена! сказалъ Звѣробой, увидѣвъ Юдиень въ такомъ состояніи. Надо отвести ее къ стулу и сдѣлать ей все, что въ нашихъ силахъ.

Юдиень дано было удобное положеніе; она выпила нѣсколько глотковъ воды, немного оправилась и, наконецъ, разразилась ручьемъ слезъ.

— Успокойтесь же, Юдиень, съ состраданіемъ сказалъ Звѣробой. — Необходимо перенести боль, которая, надѣюсь, скоро пройдетъ. Гдѣ бы она могла быть ранена? Я не вижу нигдѣ крови на ея платьѣ.

— Да вѣдь я вовсе и не ранена, наконецъ проговорила дѣвушка, только страхъ такъ на меня подействовалъ. И слава Богу! я не вижу никого, кто былъ раненъ разрывомъ.

— Эге, Юдиень, это удивительно, сказалъ Звѣробой. — Я думалъ, что васъ не такъ легко испугать, и считалъ васъ мужественнѣе.

Юдиень старалась придти въ себя, отерла слезы, снова улыбнулась, и скоро до того оправилась, что могла принять участіе въ сердечномъ смѣхѣ надъ ея трусостию.

— А вы, Звѣробой? спросила она: — вы, въ самомъ дѣлѣ, не тронуты? Это право, чудо, что при такомъ несчастномъ случаѣ вы остались живы.

— Ну, такіа чудеса случаются часто съ старымъ, давно неупотреблявшимся оружіемъ, возразилъ Звѣробой, равнодушный къ избѣгнутой опасности: — первое ружье, которое мнѣ дали, сыграло со мной такую же штуку, но съ столь же ничтожными послѣдствіями. Все дѣло въ томъ, что теперь у Гуттера однимъ пистолетомъ меньше, и онъ даже не можетъ жаловаться, потому что пистолеть лопнулъ при желаніи нашемъ оказать ему услугу. Пойдемте же продолжать обзоръ шкафа.

Они заняли свои прежнія мѣста и возобновили осмотръ. Звѣробой вынулъ нѣсколько морскихъ инструментовъ, которые были надлежащимъ образомъ осмотрѣны, и наконецъ открылъ небольшой мѣшокъ, изъ котораго вытащилъ различныя фигуры шахматной игры. Онѣ были очень велики и превосходно сдѣланы изъ слоновой кости. Каждая отдѣльная штука представляла фигуру, соответствующую своему названію. Конн были рыцари верхомъ, туры стояли на сло-

нах; офицеры представлены были въ фантастическомъ одѣяніи скороходовъ, и даже пѣшки имѣли мужскіе головы и бюсты. Игра была не совѣтъ полная, и вслѣдствіе неосторожнаго обращенія имѣла многія поврежденія, но то, что осталось цѣло, казалось было заботливо отложено и спрятано. Даже Юдиѣ не могла скрыть своего восторга при видѣ этихъ фигуръ, а Чингахгокъ пришелъ отъ нихъ въ такое восхищеніе, что совершенно забылъ свое индѣйское достоинство. Онъ поднималъ каждую штуку, разглядывалъ ее все съ новымъ удовольствіемъ и обращалъ вниманіе дѣвушки на остроумнѣйшія и труднѣйшія части работы. Въ особенности слоны доставляли ему безконечное удовольствіе. Разъ за разомъ издавалъ онъ свое обыкновенное восклицаніе, трогая пальцемъ хоботъ, уши и хвосты слоньевъ. Впрочемъ, и пѣшки, представлявшія стрѣлковъ съ луками, не избежали его вниманія.

Пока вынимали фигуры, прошло нѣсколько минутъ, во время которыхъ Юдиѣ и Чингахгокъ все болѣе и болѣе углублялись въ свой восторгъ. Между тѣмъ Звѣробой сидѣлъ молчаливый, задумчивый и почти грустный, хотя впрочемъ глаза его слѣдили за всеми движеніями обонхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, и замѣчали каждую особенность отдѣльныхъ фигуръ, по мѣрѣ того, какъ онѣ вынимались и показывались. Ни одно восклицаніе удовольствія, ни одно одобрятельное слово не вырвалось изъ устъ его, пока на-

конецъ друзья это замѣтили это молчаніе и вопросительно взглянули на него.

— Юдиѣ, сказалъ онъ тогда серьезно и съ особеннымъ выраженіемъ:—родители ваши говорили когда нибудь съ вами о религіи?

— Мать моя часто говорила, отецъ же никогда, краснѣя отвѣчала Юдиѣ.

— Хорошо; это довольно вѣроятно. У Гуттера нѣтъ Бога, или по крайней мѣрѣ, такого Бога, котораго подобаешь имѣть каждому бѣлому и даже краснокожему. Эти предметы — идола.

Юдиѣ вскопчила, и одну минуту, казалось, серьезно разсердилась на Звѣробоя за его предположеніе. Но потомъ неудовольствіе ея исчезло, и она разразилась смѣхомъ.

— Такъ вы думаете, что эти фигуры боги моего отца? спросила она.

— Да, я того мнѣнія, серьезно возразилъ молодой человекъ. Во всякомъ случаѣ это идола, и для чего отцу вашему прятать ихъ такъ заботливо, еслибъ онъ имъ не молился?

— Помилуйте, Звѣробой! да развѣ онъ сунулъ бы ихъ въ мѣшокъ и спряталъ бы въ шкафъ, еслибъ молился имъ? Конечно, нѣтъ. У отца моего, быть можетъ, есть свои особенныя понятія о Богѣ, но это его дѣло и до насъ не касается. Если, впрочемъ, это идола, что я почти и сама думаю, то они все-таки происходятъ изъ далекихъ странъ, и попали въ руки Гуттера, когда онъ еще былъ морякомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Юднѣ, сказала Звѣробой облегченный: — это меня отъ души радуеть, ибо я боюсь, что не могъ бы даже рѣшиться помочь въ нуждѣ явному идолопоклоннику изъ бѣлыхъ. — Ну, Змѣй, обратился онъ къ Чингахгоку: — звѣрь этотъ, кажется, доставляетъ вамъ большое удовольствіе, хотя это предметъ и языческій.

— Это словъ, перебила его Юднѣ. — Я ужъ часто видѣла изображенія подобныхъ животныхъ въ книгахъ моей матери, и я показала бы ихъ вамъ, еслибъ отецъ не сжегъ всѣхъ книгъ.

— Словъ или не словъ, сказала Звѣробой, а это идолъ и не долженъ оставаться въ рукахъ христианина.

— Это хорошо для Ирокезовъ, сказалъ Чингахгокъ, неохотно разставаясь съ однимъ изъ слоновъ, котораго Звѣробой отнялъ у него и снова сунулъ въ мѣшокъ. — Слономъ можно подкупить цѣлое племя, даже Делаваровъ.

— Да, это быть можетъ и правда, продолжалъ Звѣробой. — но человѣкъ, который пускаетъ такую монету въ обращеніе, такъ же виновенъ, какъ и тотъ, который ее чеканитъ. Я знаю, что, быть можетъ, одного изъ этихъ слоновъ было бы достаточно, чтобъ купить свободу бѣднаго Тома Гуттера, но пускать такіа деньги въ обращеніе, это противъ моего убѣжденія. Быть можетъ, ни одно изъ окружающихъ племенъ не, идолопоклонническое; но многія слишкомъ близки къ

этому, и бѣлому слѣдуетъ заботиться, чтобъ не укрѣплять ихъ въ заблужденіяхъ.

— Но, Звѣробой, вѣдь, наконецъ, эти вещи не идолы, сказала Юднѣ. Я помню, что видѣла разъ офицеровъ гарнизона, игравшихъ въ «гуса и лисцу», и тогда они употребляли такіа же фигуры, какъ эти. Посмотрите, тутъ также что-то твердое завернуто; это, можетъ быть, также принадлежитъ къ фигурамъ.

Звѣробой взялъ пакетъ, открылъ его и нашелъ въ немъ шахматную доску. Соотвѣтствуя фигурамъ, она была большая и великолѣпно выложена слоновой костью. Это побудило его отказаться отъ своего мнѣнія и оставить свои подозрѣнія, хотя, впрочемъ, не безъ долгаго сопротивленія.

Теперь скоро разъяснился вопросъ о выкупѣ плѣнныхъ, такъ какъ единогласно призвано было, что нитго на свѣтѣ не возбудитъ большей жадности Мингосовъ, какъ именно слоны. Къ счастью, въ игрѣ нашлись всѣ четыре, и рѣшили сперва предложить ихъ однимъ за выкупъ. Остальные же фигуры, равно какъ и все прочее, содержавшееся въ шкафу, должно было оставаться резервомъ, и снова убрано было въ шкафъ.

Это сдѣлано было такъ аккуратно, что старый Гуттеръ едва ли могъ бы подозрѣвать вторженіе въ его владѣнія, еслибъ Гетти не предупредила уже его объ этомъ. Куски разорвавшагося пистолета были собраны, сложены вмѣстѣ, завернуты и тоже спрятаны въ шкафъ. Потомъ закрыли крышку, заперли замокъ, а ключъ положили на прежнее мѣсто.

Прошло около часа въ совѣщаніяхъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ. Юдиѣ и Звѣробой перешли въ жилой покой, между тѣмъ какъ Чингахгокъ остался въ каморкѣ, разсматривая слоновъ все съ большимъ и большимъ любопытствомъ.

— Впередъ, Юдиѣ, сказалъ Звѣробой, вставая: — отецъ вашъ и Гурри, равно какъ и добрая Гетти, должны быть освобождены, и это можетъ случиться, когда....

Въ эту минуту слова замерли на его устахъ; на платформѣ послышались легкіе шаги и человѣческое существо открыло дверь. Тихое восклицаніе, вырвавшееся у Звѣробоя, и слабый крикъ Юдиѣ едва успѣли смолкнуть, какъ предъ ними стоялъ молодой индѣецъ пятнадцати или шестнадцати лѣтъ. Гетти сопровождала его. Звѣробой тотчасъ крикнулъ своему другу Чингахгоку, на языкѣ Делаваровъ, чтобъ онъ не показывался и былъ на-сторожѣ, а затѣмъ быстро пошелъ къ двери, чтобъ посмотрѣть, угрожаетъ ли имъ опасность, и какая именно. Онъ однако не замѣтилъ ничего подозрительнаго; никто не пріѣзжалъ кромѣ двухъ названныхъ лицъ, да и тѣ приплыли на еловыхъ стволахъ, связанныхъ наподобіе парома, и покрытыхъ небольшою платформой изъ каштановаго дерева. Какъ только Звѣробой увидалъ этотъ плотъ, и убѣдился, что не предстояло никакой опасности, онъ съ досадою покачалъ головой и проворчалъ что-то про себя съ недовольнымъ видомъ.

— Это происходитъ отъ того, ворчалъ онъ, что за-

нимаешься пересмотромъ чужихъ шкафовъ, и до того забываешь бдительность, что индѣйскій мальчикъ можетъ сыграть съ нами штуку и исполнѣ озадачить насъ. Впрочемъ, это хорошо. Мальчикъ откроетъ намъ дорогу къ соглашенію, и надо послушать, что новаго скажетъ намъ Гетти.

Пока Звѣробой такимъ образомъ рассуждалъ, Юдиѣ не выказывала ничего, кромѣ радости о возвращеніи своей сестры. Она прижимала ее къ груди, цѣловала и осыпала ее словами, исполненными любви и родственной нѣжности. Гетти отвѣчала на ея ласки, и наконецъ сѣла, чтобъ рассказать о своихъ приключеніяхъ. Въ эту минуту Звѣробой снова вошелъ въ комнату, и внимательно слушалъ, между тѣмъ какъ молодой индѣецъ холодно и равнодушно прислонился къ косяку двери.

— Ну, Гетти, сказалъ Звѣробой, когда дѣвушка кончила свой рассказъ: — скажите же мнѣ, этотъ плотъ, на которомъ вы пріѣхали, былъ уже готовъ, или его построили только тогда, когда вы хотѣли ѣхать?

— О, нѣтъ, Звѣробой, — онъ былъ уже готовъ и спущенъ на воду.

— Совершенно готовъ? на водѣ и ожидалъ васъ?

— Да, онъ находился близъ лагеря; индѣйцы посадили меня на него, посредствомъ канатовъ перетянули его къ тому мѣсту, которое лежитъ прямо противъ замка, а потомъ приказали этому молодому человѣку грести и перевезти меня сюда.

— Да, и лѣса полны этихъ бродягъ, которые жи-

даютъ конца всего этого дѣла. Я теперь все это принимаю, и сперва отправлю этого молодого пса, дабы мы могли спокойно обо всемъ условиться. Оставьте насъ вдвоемъ; принесите мнѣ только слоновъ, которыми Чингахгокъ столько любовался.

Юднѣ послушалась, принесла слоновъ, и удалилась вмѣстѣ съ Гетти изъ комнаты. Затѣмъ Звѣробой, который понималъ по-прокезски достаточно, чтобъ вести разговоръ съ молодымъ индѣйцемъ, сдѣлалъ ему знакъ сѣсть на шкафъ и вдругъ поставилъ передъ нимъ двухъ слоновъ.

До сего времени дикій не обнаруживалъ ни внутренняго движенія, ни удовольствія, хотя, впрочемъ, многие изъ находившихся въ замкѣ предметовъ должны были казаться ему новыми и неизвѣстными. Но въ ту минуту, когда взглядъ его упалъ на прекрасно выдѣланныя изображенія чудныхъ, неизвѣстныхъ звѣрей, имъ овладѣли удивленіе и неожиданность въ такой степени, что у него тотчасъ вырвалось восклицаніе сильнѣйшаго восторга. Но вслѣдъ за тѣмъ онъ опять пришелъ въ себя, какъ будто чувствуя, что онъ виновенъ въ нарушеніи приличія, неподвижно вперилъ глаза свои въ слоновъ, и даже, послѣ недолгаго размышленія, рискнулъ оцупать одного изъ нихъ рукою. Звѣробой въ теченіе болѣе десяти минутъ не развлекалъ его ничѣмъ, зная, что юноша такъ вѣрно вникнетъ въ увидѣнное имъ чудо, что, по возвращеніи своемъ, будетъ въ состояніи сдѣлать старѣйшинамъ точное описаніе. Наконецъ, онъ тронулъ паль-

цемъ голое колѣно юноши, и вызвалъ этимъ его вниманіе.

— Послушайте, сказалъ онъ: — я хотѣлъ бы переговорить съ моимъ молодымъ другомъ изъ Канады; пусть онъ забудетъ на время свое удивленіе.

— Гдѣ же другой бѣлый? спросилъ юноша, поднявъ глаза, и невольно обнаружилъ ту мысль, которая болѣе всего занимала его прежде, чѣмъ онъ увидѣлъ шахматы.

— Онъ спитъ, или, по крайней мѣрѣ, находится въ спальнѣ, холодно отвѣчалъ Звѣробой. — Откуда мой молодой другъ знаетъ, что здѣсь есть еще одинъ?

— Я его видѣлъ. Прокезы дальновидны, они видятъ за облаками.

— Ладно. Прокезы правы; два блѣднотлицыхъ въ плѣну у васъ?

Молодой человѣкъ кивнулъ и засмѣялся, какъ будто радуясь признанной ловкости его племени.

— Можете ли вы сообщить, чѣмъ рѣшена ихъ участь?

Молодой индѣецъ нѣсколько времени смотрѣлъ съ изумленіемъ на охотника, потомъ поднялъ свою руку, и хладнокровно провелъ указательнымъ пальцемъ вѣкругъ черепа, что было для опытнаго Звѣробоя достаточно понятно.

— Такъ ихъ будутъ скальпировать? спросилъ онъ. — Зачѣмъ вы не берете ихъ съ собой въ ваши жилища?

— Дорога слишком далека и изобилует бѣлыми скальпъ продается дорого, маленькій скальпъ—больше деньги.

— Хорошо, этимъ все объясняется. Но одинъ изъ вашихъ плѣнныхъ отецъ обѣихъ двухъ дѣвухекъ а другой—другъ ихъ. Они хотятъ ихъ освобождения и потому предлагаютъ двѣ фигуры изъ слоновой кости по одной за каждый скальпъ. Идите, скажите это вашимъ начальникамъ, и принесите мнѣ отвѣтъ до захождения солнца.

Мальчикъ съ такимъ рвеніемъ и прямою принявъ это предложеніе, что Звѣробой былъ убѣжденъ, что онъ быстро и обдуманно исполнилъ порученіе. Но когда онъ сдѣлалъ предложеніе, что возьметъ одного изъ слоновъ для пробы, то Звѣробой уклонился отъ этого, зная, что если игрушка попадетъ разъ въ руки Мингосамъ, то онъ никогда болѣе не увидитъ ея. Это небольшое затрудненіе было скоро устранено, и затѣмъ мальчикъ приготовился къ отплытію. — Когда уже онъ стоялъ на платформѣ и хотѣлъ взойти на плотъ, онъ вдругъ обернулся и просилъ одолжить ему челнокъ, чтобъ этимъ сократить время переговоровъ. Но и въ этомъ требованіи Звѣробой спокойно отказалъ, и тогда наконецъ мальчикъ отплылъ отъ замка по направленію къ чащѣ лѣса на берегу, отстоявшейся не болѣе полумили. Звѣробой наблюдалъ за нимъ, и сѣвъ на стулъ, бросалъ по временамъ испугующіе взгляды на весь окрестный берегъ, куда достигало его зрѣніе.

Пока Звѣробой велъ переговоры съ мальчикомъ, Гетти спросила о Делаварѣ, пошла къ нему и устылась противъ него.

— Не правда ли, вы Чингахгокъ, Большой Змѣй? просто спросила она.

— Чингахгокъ! съ твердымъ достоинствомъ отвѣчалъ Делаваръ. Это значитъ Большой Змѣй на языкѣ Звѣробоя.

— Хорошо. Такъ называла васъ Ватава, и вы должно быть предводитель.

— Что сказала Ватава? воскликнулъ съ живостію Чингахгокъ. Какъ она выглядитъ? часто ли смѣется?

— Ватава поручила мнѣ потихоньку сказать вамъ, чтобъ вы ни въ чемъ не довѣряли Мингосамъ, такъ какъ они хитры, чѣмъ все индѣйцы, которыхъ она изучила. Потомъ она сказала, что есть большая блестящая звѣзда, которая, спустя часъ послѣ наступленія темноты, восходитъ надъ холмомъ. Въ ту самую минуту, когда звѣзда сдѣлается видимою, Ватава будетъ на мысу, гдѣ я въ прошлую ночь причалила, и вы должны принять ее въ челнокъ.

— Хорошо. Чингахгокъ все прекрасно понялъ. Но все-таки повторите еще разъ.

Гетти повторила свои слова, прибавила еще кое-что, весьма важное для Чингахгока, и точно объяснила ему взаимное положеніе непріятеля и движеній Ватавы, которая провожала ее и разсталась съ ней не прежде, какъ когда плотъ отчалилъ отъ берега. Теперь она должна была находиться гдѣ-либо въ лѣ-

сахъ, насупротивъ замка, и до наступленія ночи будетъ держаться тамъ, въ надеждѣ, что ей удастся скрыться отъ своихъ товарокъ и спрятаться на мысу. Все это Ватава объяснила Гетти, и послѣдняя имѣла довольно твердую память, чтобы припомнить все сказанное.

Чингахгокъ сидѣлъ задумавшись, и всталъ только тогда, когда услышалъ голосъ зовущаго его Звѣробоя, звучащій изъ сосѣдней комнаты. Онъ пошелъ на этотъ зовъ, а Гетти отправилась къ сестрѣ.

Первое, что сдѣлалъ Делаваръ, придя къ своему другу, было снять съ себя одежду Гуттера и преобразовать себя снова въ индѣйскаго воина. На замѣчаніе Звѣробоя онъ отвѣтилъ, что невѣста его находится въ лѣсу, и что онъ хочетъ показаться ей въ обыкновенномъ видѣ. — Его дѣйствія были такъ рѣшительны, что Звѣробой долженъ былъ оставить его въ покоѣ пока онъ переодѣлся, и наконецъ пригласилъ его на военное совѣщаніе, въ которомъ они должны были обсудить и опредѣлить свои будущія дѣйствія. Оба сообщили другъ другу то, что узнали изъ переговоровъ, и Звѣробой съ великодушнымъ участіемъ услышалъ надежды своего друга, обѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ оказать ему помощь по мѣрѣ силъ своихъ.

— А теперь, садитесь ко мнѣ, Чингахгокъ, — сказалъ онъ, — и поговоримъ основательно, такъ какъ скоро будетъ у насъ миръ или перемиріе, если не дойдетъ до жестокой и кровавой войны. Вы видите, что бродяги умѣютъ пользоваться стволами деревьевъ

и имъ было бы пріятно напасть на насъ цѣлой толпой. Я думаю о томъ, не умѣе ли будетъ перенести все имущество стараго Тома на пловучій домъ, запереть и завалить замокъ, и оставить его совсѣмъ. Пловучій домъ подвижной, и, если мы поставимъ парусъ и постоянно будемъ мѣнять мѣсто, то можемъ продержаться нѣсколько ночей безъ того, чтобы волки изъ Канады нашли къ намъ слѣдъ.

Чингахгокъ выслушалъ этотъ планъ съ знаками одобренія, ибо подобная мѣра предосторожности представлялась полезною. Теперь, когда была извѣстна многочисленность Мингосовъ, нельзя было надѣяться оказать успѣшное сопротивленіе ночной атакѣ. Казалось невозможнымъ воспрепятствовать врагу овладѣть челноками и пловучимъ домомъ, и послѣдній тогда далъ бы атакующимъ убѣжище, гдѣ бы они столь же хорошо были защищены отъ пуль, какъ и находившіеся въ замкѣ. Нѣсколько минутъ оба думали о томъ, чтобы потопить пловучій домъ на глубокомъ мѣстѣ, завладѣть челноками, и потомъ совершенно предоставить себя защитѣ, которой можно было ждать въ замкѣ. Но ближайшее обсужденіе убѣдило ихъ, что наконецъ это средство должно было лопнуть, ибо индѣйцамъ легко было устроить большое число плотовъ. Поэтому молодые воины согласились въ томъ, чтобы смотрѣть на пловучій домъ, какъ на единственно примѣнимое средство къ спасенію, и это рѣшеніе сообщено было Юдиен. Она не имѣла противъ этого никакихъ серьезныхъ возраженій, и по-

тому всё приготовились принять нужные меры къ исполненію плана.

Земное достояніе Гуттера было невелико: пара кроватей, нѣсколько одежды, оружіе и снаряды, немного кухонной посуды и большой шкафъ — вотъ, какія были главныя статьи. Онѣ скоро и были перенесены изъ замка. Только-что это было исполнено, какъ снова показался плотъ дикихъ, отчаливавшій отъ берега. Звѣробой разсмотрѣлъ его въ подозрную трубу, въ которую и увидѣлъ, что на плоту находились два, повидимому, безоружные воина. Плотъ приближался очень медленно, и потому друзья наши имѣли достаточно времени сдѣлать необходимыя приготовления къ приему опасныхъ гостей. Чингахокъ и обѣ дѣвушки ушли въ домъ, гдѣ первый сталъ по близости двери, снабженный оружіемъ, между тѣмъ какъ Юднѣя наблюдала сквозь щелку за дальнѣйшимъ ходомъ дѣла. Звѣробой же поставилъ стулъ на борть платформы, сѣлъ на него, безопасно положилъ ружье между ногами, и въ такой позиціи ожидалъ прибытія индѣйскихъ начальниковъ.

Пока плотъ медленно приближался, ожидавшіе въ замкѣ старались всеми мерами открыть присутствіе на немъ какого нибудь оружія. Звѣробой и Чингахокъ не видѣли никакого, но не то было съ Юднѣю, которая при столь вѣрномъ обстоятельстве была достаточно благоразумна, чтобъ не довѣрять однимъ глазамъ своимъ. Она просунула въ щель подозрную трубу, направила ее на сучья, которые ле-

жали сверхъ стволовъ, изъ которыхъ составленъ былъ плотъ, и образовали родъ дна, а также сидѣнье для гребцовъ.

Когда тяжеловѣсное судно приблизилось на разстояніе пятидесяти футовъ, то Звѣробой закричалъ Гуронамъ, чтобъ они перестали грести, такъ какъ онъ не расположенъ былъ допустить ихъ такимъ образомъ къ замку. Немедленно оба лютые воина оставили весла и плотъ двигался впередъ очень медленно, такъ какъ удары веселъ не ускорали уже его хода.

— Вы предводители? съ достоинствомъ спросилъ Звѣробой, — или Мингосы послали къ намъ только воиновъ безъ имени для столь важныхъ переговоровъ? Если послѣднее вѣрно, то гребите скорѣй назадъ, чтобы могъ пріѣхать другой, съ которымъ можетъ имѣть дѣло такой воинъ, какъ я.

— Хугъ! воскликнулъ старшій изъ двухъ находившихся на плоту. — Братъ мой очень гордъ, но Ривеноакъ такое имя, отъ котораго Делавары блѣднеютъ.

— Это можетъ быть правда, или нѣтъ, смотря по тому, въ какомъ случаѣ, возразилъ Звѣробой. Что до меня касается, то я не легко поблѣднѣю, ибо я такъ рожденъ блѣднолицымъ. Что значитъ ваше посланіе, Ривеноакъ? и зачѣмъ вы, вмѣсто челноковъ, приближаетесь къ нашему укрѣпленію на негодныхъ стволахъ деревьевъ?

— Мингосы не утки, чтобъ ходить по водѣ. Дай имъ челнокъ, и они въ немъ пріѣдутъ.

— Ну, это едва ли случится, ибо у насъ только четыре челнока, и всѣ намъ нужны. Впрочемъ, добро пожаловать, Мингосы, на вашемъ плоту.

— Благодарю, молодой бѣлый воинъ. Имѣеть ли онъ уже имя? какъ называютъ его начальники?

Звѣробой съ минуту подумалъ, и его юношеская гордость боролась съ излишнею скромностію, которую онъ считалъ за необходимое качество каждаго бѣлаго. Онъ улыбнулся, прошепталъ нѣсколько словъ сквозь зубы и, гордо поднявъ глаза, сказалъ:

— Мингосъ! я, какъ и всѣ, которые молоды и крѣпки, былъ извѣстенъ въ разные времена подъ различными именами. Одинъ изъ вашихъ воиновъ, который только вчера утромъ отправился къ своимъ предкамъ, полагалъ, что я заслуживаю имени: «Соколинъ Глазъ», собственно потому, что мой взглядъ былъ быстрѣе, чѣмъ его, въ такую минуту, когда жизнь или смерть висѣли на волоскѣ.

Мингосъ былъ не особенно пораженъ хвастливымъ объясненіемъ бѣлаго, ибо зналъ о смерти своего товарища, и поэтому безъ затрудненія понялъ намекъ Звѣробоя. Онъ вѣжливо улыбнулся, съ достоинствомъ сдѣлалъ знакъ рукой и вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ сталъ на ближайшемъ къ замку краю плота.

— Братъ мой послалъ Гуронамъ извѣстіе, наполнившее ихъ сердца радостью, сказалъ Ривеноакъ. Они слышали, что у него есть звѣри съ двумя хвостами. Желаетъ онъ показать ихъ?

— Да, отвѣчалъ Звѣробой: вотъ одинъ изъ нихъ, и я перебросу его вамъ, полагаясь на вашу честность. Если вы его не возвратите, то ружье покончитъ нашъ расчетъ; имѣйте это въ виду.

Мингосы согласились на это условіе, и Звѣробой осторожно бросилъ одного изъ слоновъ на плотъ, гдѣ Ривеноакъ счастливо поймалъ его. Удивленіе и восторгъ отъ невиданнаго доселѣ предмета пересилили невозмутимое индѣйское равнодушіе: оба закаленные воина выказали даже еще больше горячности, чѣмъ мальчикъ ихъ племени, ибо у этого еще дѣйствовало свѣжее впечатлѣніе полученныхъ уроковъ и наставленій, тогда какъ мужчины, какъ всѣ, которые могутъ положиться на доблестно заслуженную славу, не принимали никакихъ мѣръ, чтобы обнаружить свои ощущенія только частію. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, они совершенно потеряли сознаніе своего положенія, занявшись исключительно точнымъ и живымъ обзоромъ, которому подвергали драгоценный матеріалъ, превосходную работу и необыкновенный видъ животнаго. Морда лоса имѣеть, быть можетъ, нѣкоторое сходство съ хоботомъ слона, но это сходство было слишкомъ слабо и незначительно, чтобъ помѣстить совсѣмъ новое для нихъ существо въ кругъ ихъ обыкновенныхъ представленій, и чѣмъ дальше они разсматривали его, тѣмъ сильнѣе становилось ихъ удивленіе и восторгъ. Впрочемъ, эти дѣти лѣсовъ отнюдь не принимали ошибочно строеніе на спинѣ слона за часть самого звѣря; ибо

лошади и быки были имъ извѣстны, они видали въ Канадѣ башни и не находили ничего необыкновеннаго въ вьючныхъ животныхъ. Однако, они пришли къ тому мнѣнію, которое впрочемъ вытекало изъ башенъ, что слонъ имѣетъ достаточно силы, чтобъ вынести тяжесть цѣлаго форта, и это было обстоятельство, которое по крайней мѣрѣ не уменьшило ихъ изумленія.

— Мой бѣлый другъ имѣетъ еще много такихъ животныхъ? робко спросилъ наконецъ Ривеноакъ.

— Да, еще много ихъ въ готовности, отвѣчалъ Звѣробой, — но одного довольно, чтобъ выкупить пятьдесятъ скальповъ.

— Одинъ изъ моихъ плѣнныхъ доблестный воинъ! Высокъ, какъ ель, силенъ какъ лось, ловокъ, какъ барсъ. Онъ будетъ знатнымъ начальникомъ и предводителемъ королевскихъ войскъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! въ этомъ вы сильно ошибаетесь. Гурри Гарри всегда и останется тѣмъ же, и едва ли сбѣлаете изъ него капрала. Скальпъ его больше ничего какъ хорошая голова, покрытая кудрявыми волосами и треснувшимъ черепомъ подъ ними.

— Но, мой старый плѣнникъ очень уменъ! Царь озера, доблестный воинъ, мудрый совѣтникъ.

— Ну, есть люди, которые не безъ основанія поспорили бы объ этомъ. Бѣлый не далъ бы поймать себя, и когда онъ атаковалъ васъ, то не послушался лучшаго совѣта. Одинъ двуххвостый звѣрь вполне стоитъ двухъ такихъ скальповъ.

— Но у моего брата есть еще такой звѣрь, онъ дастъ пару за стараго отца.

— Томъ Гуттеръ мнѣ не отецъ, хотя поэтому ему не должно быть хуже. Но дать за одинъ скальпъ двухъ животныхъ, изъ которыхъ каждое съ двумя хвостами, это превышаетъ мѣру благоразумія. Вы можете считать себя счастливыми, Мингость, если заключите худшую сдѣлку.

Между тѣмъ Ривеноакъ снова пришелъ въ себя пересиливъ свое изумленіе, и онъ употреблялъ всевозможныя индѣйскія хитрости и коварство, чтобъ заключить возможно выгоднѣйшій торгъ. Во время дальнѣйшихъ переговоровъ онъ выказалъ не мало твердости при стремленіи вернуть выгодное положеніе, потерянное неожиданно; но Звѣробой всѣ доводы и прикрасы своего хитраго и опытнаго противника встрѣчалъ со свойственною ему хладнокровною разсудительностію и непреодолимою любовью къ правдѣ. Онъ зналъ, что фигуры изъ слоновой кости имѣютъ въ глазахъ Ирокезовъ столь же высокое достоинство, какъ мѣшокъ золота или куча бобровыхъ шкуръ въ глазахъ купца, и при такихъ обстоятельствахъ остерегался дѣлать воинамъ уступки.

Наконецъ дикарь объявилъ, что дальнѣйшій торгъ будетъ безплоденъ, такъ какъ онъ не можетъ противъ своего племени выказаться столь несправедливымъ, чтобъ отдать два славные скальпа за бѣдную цѣну двухъ игрушекъ. Онъ приготовился къ разрыву, и обѣ стороны испытывали теперь тѣ же ощущенія,

какъ обыкновенно люди, когда торгъ, заключение котораго одинаково желательно и тѣмъ и другимъ, доходить до того, что грозятъ разрывомъ вслѣдствіе слишкомъ большаго упрямства. Звѣробой былъ пораженъ и полонъ болѣзненнаго сожалѣнія, такъ какъ чувствовалъ глубокое состраданіе не только къ плѣнникамъ, но и къ обѣимъ дѣвушкамъ. Индѣецъ же былъ полонъ злобы и жажды мщенія; въ горячности онъ высказалъ рѣшимость не говорить болѣе ни слова, и теперь одинаково бѣсился, какъ на самого себя, такъ и на своего хладнокровнаго противника, который далеко превзошелъ его въ управленіи собою и равнодушіи. Когда онъ началъ отталкивать свой плотъ отъ платформы, глаза его сверкали и лицо сдѣлалось мрачно, хотя онъ и принудилъ себя при разставаніи выказать дружескую улыбку и вѣжливую наружность.

Прошло нѣсколько времени, пока тяжелые стволы пришли въ движеніе, и когда нѣмой спутникъ Ривеноака началъ грести, то начальникъ переступилъ черезъ сучья, лежавшіе между стволами, и острымъ глазомъ осмотрѣлъ замокъ, платформу и своего хладнокровнаго противника. Одинъ разъ онъ сказалъ тихо нѣсколько словъ своему спутнику, и затопалъ ногами въ сучьяхъ, какъ нетерпѣливый, упрямый звѣрь. Именно въ эту минуту Звѣробой не смотрѣлъ на своихъ враговъ, размышляя о лучшемъ способѣ возобновить переговоры, не предоставляя про-

тивнику большихъ выгодъ. Но Юдиень оставалась внимательною и предостерегла Звѣробоя.

— Берегитесь, другъ, сказала она. Я вижу въ подозрительную трубу ружья подъ сучьями, и Мингось раздвигаетъ ихъ ногами.

Дикарь, вѣроятно, понялъ эти слова, ибо онъ вдругъ оставилъ свое предательское намѣреніе, измѣнивъ тотчасъ выраженіе злобной лютой улыбки на вѣжливую улыбку. Сдѣлавъ своему спутнику знакъ перестать грести, онъ приблизился къ платформѣ, взойдя на самый край плота.

— Для чего Ривеноакъ и братъ его оставить между собою облако? сказалъ онъ. Они оба умны, оба храбры, оба великодушны и должны бы разстаться друзьями. Одинъ звѣрь будетъ цѣною каждаго плѣнника.

— Хорошо, Мингось! возразилъ снаружи хладнокровный, но внутренно полный радости Звѣробой: вы увидите, что блѣднлицый можетъ быть щедръ, когда имѣетъ дѣло съ открытой рукой и открытымъ сердцемъ. Оставьте у себя звѣря, котораго забыли возвратити мнѣ, и покажите его вашимъ начальникамъ. Когда вы привезете намъ нашихъ друзей, то получите еще двухъ и, и...., — онъ медлилъ нѣсколько, въ сомнѣніи, благоразумно ли будетъ сдѣлать столь большую уступку, какую онъ предполагалъ, — и.... ну, да, когда они будутъ здѣсь до заката солнца, то, быть можетъ, вы получите и четвертаго, для равнаго числа.

Это рѣшило все дѣло. Всякое неудовольствіе исчезло съ темнаго лица Мингоса, и онъ радостно и весело улыбнулся. Находившаяся въ его руках фигура была вновь осмотрѣна, и радостное восклицаніе доказало, какъ онъ былъ доволенъ неожиданнымъ исходомъ торга. На самомъ дѣлѣ, какъ онъ, такъ и Звѣробой, забыли, что стало съ фигурою; но не то было со спутникомъ Ривеноака, который держалъ слона въ рукахъ съ твердою рѣшимостію скорѣе бросить его въ озеро, чѣмъ возвратитъ, когда бы такой возвратъ былъ потребованъ. Этотъ рѣшительный поступокъ сдѣлался ненужнымъ, и индѣйцы, давъ увѣреніе, что понимаютъ условія обмѣна и принимаютъ ихъ, отчалили, и тихо стали грести къ берегу.

— Можно ли довѣрять этимъ жалкимъ твореніямъ? спросила Юднѣ, выйдя съ Гетти на платформу и наблюдая съ Звѣробоемъ за тяжелыми движеніями плота. Они, пожалуй, оставятъ у себя игрушку и пришлютъ намъ за нее кровавый скальпъ, чтобы наругаться надъ нами и показать, что они насъ перехитрили?

— Нѣтъ, нѣтъ, Юднѣ, возразилъ Звѣробой. Я нѣсколько понимаю натуру индѣйцевъ, и знаю, что двухвостыя существа приведутъ все племя въ движеніе. Вѣдь даже Змѣй, человекъ съ желѣзными нервами, былъ такъ пораженъ этимъ звѣремъ, что я почти внутренно стыдился за него. Это уже ихъ прайва, и противъ нихъ нельзя спорить, пока они

законны. Мингосы не успокоятся, пока не будутъ владѣть всѣми слонами, которые найдутся между имуществомъ Гуттера. Они, навѣрно, выдадутъ плѣнныхъ, въ надеждѣ вернуть ихъ въ свои руки хитростію и коварствомъ, ихъ и насъ всѣхъ вмѣстѣ съ замкомъ. При всемъ томъ намъ необходимо поддерживать негодяевъ въ хорошемъ расположеніи духа, дабы вырвать изъ ихъ когтей сперва Гуттера и Гурри, а потомъ и Ватаву, невѣсту Чингахгока.

Виды на благополучный исходъ были теперь такъ основательны, что всѣ почувствовали себя не мало облегченными, хотя нельзя было пренебрегать необходимымъ, бдительнымъ наблюденіемъ за всѣми движеніями непріятелей. Между тѣмъ, часъ летѣлъ за часомъ, и солнце уже наклонялось къ западному холму, а ожидаемаго плота еще не было видно. Наконецъ, Звѣробой, осматривавшій окрестность въ трубу, замѣтилъ въ темныхъ, нѣмыхъ лѣсахъ, одно мѣсто, гдѣ, безъ сомнѣнія, Мингосы собраны были въ большомъ числѣ. Тамъ, вѣроятно, они держали совѣщаніе и обсуживали заключеніе, которое должно было рѣшить жизнь или смерть плѣнниковъ.

Незадолго предъ тѣмъ, какъ солнце совершенно исчезло, показался наконецъ плотъ, выплывавшій изъ чащи, и когда онъ приблизился на извѣстное разстояніе, то Юднѣ объявила, что отецъ ея и Гурри, оба связанные, лежатъ посерединѣ на сучьяхъ. — Вскорѣ послѣ того индѣйцы поспѣшно достигли платформы.

Теперь, хотя условія были договорены, и дѣло дошло до благополучнаго исхода, представлялось еще не малое затрудненіе, заключавшееся въ дѣйствительной выдачѣ плѣнныхъ. Какъ только Гуттеръ и Гурри были бы освобождены, то ихъ было бы двое противъ одного, и послѣшное бѣгство вичего не пособило бы индѣйцамъ, такъ какъ бѣлые имѣли въ своемъ распоряженіи три прекрасные челнока. Поэтому, соглашеніе было бы весьма затруднительно. Еслибъ благородное лицо и обращеніе Звѣробоя произвели и на Ривеноака своего обычнаго впечатлѣнія.

— Братъ мой видитъ, что я имѣю къ нему дѣло, вѣрие, сказалъ Мингосъ, приближаясь съ Гуттеромъ котораго ноги были развязаны, чтобъ взойти на платформу. Одинъ скальпъ — еще одного звѣря.

— Подождите, Мингосъ, перебилъ его Звѣробой, сохраните пока вашего плѣнника; мнѣ нужно еще сперва прискаты средства къ уплатѣ.

Это извиненіе, хотя частію вѣроятное, было въ основаніи своимъ только хитростію, клонившеюся къ извѣстной цѣли. Звѣробой оставилъ платформу, вошелъ въ домъ, и приказалъ Юдиои собрать все оружіе и спрятать въ ея комнату. Потомъ онъ серьезно переговорилъ съ Делаваромъ, который караулилъ самаго входа, положилъ трехъ слоновъ въ карманъ и вернулся на платформу.

— Добро пожаловать въ ваше прежнее жилище! Томъ Гуттеръ, сказалъ онъ, помогая освобожденному

выбраться на платформу, и сунувъ въ то же время одного слона въ руку Ривеноака. Добро пожаловать! дочери ваши будутъ рады снова увидать васъ, какъ засвидѣтельствуетъ вамъ сама приближающаяся Гетти.

Теперь охотникъ смолкъ и разразился своимъ обычнымъ нешумнымъ смѣхомъ. Гурри также былъ развязанъ и его также поставили на ноги. Веревка была, однако, такъ крѣпко затянута, что онъ не могъ тотчасъ пріобрѣсть свободное движеніе своими членами, и молодой великанъ въ своей слабости, представлялъ рѣдкое и на самомъ дѣлѣ весьма комическое зрѣлище, невольно вызвавшее смѣхъ Звѣробоя.

— Вы качаетесь изъ стороны въ сторону, какъ ель во время бури, сказалъ онъ. Меня только радуетъ, что ваши чудные волосы еще крѣпко держатся на головѣ и не обрты Мингосами. Они очень сплыны въ этомъ дѣлѣ.

— Послушайте, Звѣробой, грозно возразилъ Гурри; было бы лучше, еслибъ при теперешнемъ случаѣ вы были менѣе веселы и болѣе дружественны. Сдѣлайте мнѣ по крайней мѣрѣ одолженіе и скажите, есть ли ступни тамъ на концѣ моихъ ногъ? Мнѣ кажется, что я ихъ вижу, но что касается того, чтобъ ихъ чувствовать, то онѣ точно такъ же могли бы быть на берегу океана, какъ и здѣсь.

— Ну, ну, Гурри, вы совершенно цѣлы и невредимы, и это ужъ много значить, отвѣчалъ Звѣробой, скрытно передавъ индѣйцу остальную плату и сдѣлавъ ему серьезный знакъ отправиться обратно.

Вы вернулись оттуда цѣлы, Гурри, и только немног окоченѣли. Впрочемъ, вы скоро будете имѣть возможность плясать, чтобы отпраздновать освобожденіе ст о изъ волчьей ямы.

Звѣробой освободилъ отъ веревокъ руки своихъ товарищей, и они начали бѣгать, прыгать и толкать по платформѣ, ворча и бранясь, чтобы помочь воз становленію кровеобращенія. Но они были связаны слишкомъ долгое время, чтобы приобрѣсти въ одну минуту свободное употребленіе своихъ членовъ, такъ какъ индѣйцы спѣшили отплытіемъ, то плоть былъ уже на разстояніи ста шаговъ отъ замка когда Гурри случайно замѣтилъ, какъ скоро врагъ удалялся отъ его мщенія. Онъ впрочемъ въ это время хотя былъ еще неповоротливъ, но могъ уже двигаться съ достаточной легкостью. Не думая о своемъ положеніи, сорвалъ онъ ружье Звѣробой съ плеча его, стараясь взвести курокъ и приложить ся прежде, чѣмъ могли ему въ томъ воспрепятствовать. Звѣробой же былъ быстрѣе его; онъ схватилъ оружіе и вырвалъ его изъ рукъ великана. Тѣмъ не менѣе оно выстрѣлило, хотя, къ счастію, въ ту минуту, когда дуло было обращено кверху. Тогда Гурри выпустилъ ружье и бросился бѣжать къ дому, подымая высоко отъ полу ноги при каждомъ шагѣ и не чувствуя почти вовсе, какъ онъ ихъ перестав ляетъ. Онъ имѣлъ злое намѣреніе, но Юднѣй предупредила его. Она, согласно указанію Звѣробой, удалила и спрятала весь запасъ оружія стараго Гут

тера, и потому Гурри не доставало средствъ къ выполненію его мстительныхъ плановъ.

Обманутый такимъ образомъ въ своихъ надеждахъ, онъ сѣлъ, и въ теченіе получаса такъ старательно занять былъ оттираніемъ своихъ окоченѣвшихъ членовъ, что забылъ при этомъ все остальное. По истеченіи этого времени, плоть окончательно скрылся изъ виду, и ночь начала распространять свои мрачныя тѣни на озеро и лѣса. Тогда дѣвушки приготовили ужинъ, а въ это время Звѣробой рассказалъ Гуттеру, какія мѣры онъ принималъ для безопасности его дѣтей и вму щества, а также сообщилъ ему все, что со всѣми ими случилось въ продолженіе его отсутствія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Солнце уже закатилось, и лучи его не золотили болѣе краевъ облаковъ, которыя мрачно неслись по голубому небосклону, предвѣщая темную ночь. Дулъ слабый вѣтеръ; но такъ какъ онъ былъ зноенъ и сыръ, то и казался сильнѣе обыкновеннаго. Общество въ замкѣ было молчаливо и въ грустномъ настроеніи. Освобожденные плѣнники чувствовали себя спокойнѣе, но стыдъ ихъ перемѣшивался съ чувствомъ горести и жаждою мщенія. Они болѣе досадовали на недостойное обращеніе, которому подвергались въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ часовъ своего плѣна, и не чувствовали никакой признательности за оказанное имъ прежде снисхожденіе. Къ этому подстрекала ихъ совѣсть, говорившая, что они вполнѣ заслужили претерпѣнныя невзгоды; но этотъ голосъ совѣсти еще усиливалъ ихъ досаду, а не наводилъ на лучшія мысли. Прочіе были задумчивы, одинъ отъ

горя, другіе отъ радости. Звѣробой и Юднѣе болѣе отдавались первому чувству, тогда какъ Гетти была счастлива по случаю освобожденія отца и Гурри, а Делаваръ утѣшался мыслию скоро возвратитъ свою невѣсту. При такихъ обстоятельствахъ и въ такомъ настроеніи, сѣли за ужинъ.

— Старый Томъ! наконецъ вскрикнулъ Гурри, разражаясь громкимъ, судорожнымъ смѣхомъ:—вы право были похожи на связаннаго медвѣдя, когда лежали на еловыхъ вѣтвяхъ, и я удивлялся, какъ вы еще громче не ворчали. Ну, да слава Богу, что все это прошло. А что, Юднѣе, вы очень горевали, пока мы были въ рукахъ краснокожихъ?

Юднѣе не отвѣчала на этотъ грубый вопросъ; Гетти же сказала просто:

— Да, мы были въ постоянномъ горѣ и заботѣ по отцѣ и о васъ.

— Ну, это мнѣ очень пріятно, смѣсь возразилъ Гурри. Мнѣ только хотѣлось бы знать, Звѣробой, какъ вамъ удалось насъ выручить. Расскажите намъ эту тайну, чтобы при случаѣ и мы могли оказать вамъ такую же услугу. Какъ вы это устроили, обманомъ или лестью?

— Ни тѣмъ, ни другимъ, а просто честною покупкою. Мы заплатили выкупъ, и притомъ столь дорогой, что вамъ надо беречься, чтобы опять не попасть въ руки Мингосовъ, а то нашего запаса пожалуй не хватитъ.

При этихъ словахъ Гуттеръ всталъ, отозвалъ Звѣ-

робоя въ сосѣдній покой, и тамъ узналъ отъ него цѣну, которую заплатили за его освобожденіе. Онъ не выразилъ при этомъ никакого неудовольствія, и разговоръ окончился тѣмъ, что оба снова возвратились въ комнату, которая служила вмѣстѣ и жилимъ покоемъ, и кухню.

— Меня только одно удивляетъ, что теперь между нами и дикими ни мѣръ, ни война, сказали Гурри, какъ разъ въ ту минуту, когда Звѣробой внимательно прислушивался, и вдругъ, не останавливаясь и не отвѣчая на вопросъ Гурри, вышелъ въ наружную дверь.

— Наше освобожденіе имѣло пріятельскій видъ, и когда люди однажды честно обошлись между собою и по-торговали, то слѣдовало бы хоть на этотъ разъ разстаться друзьями. Возвратитесь сюда, Звѣробой, и скажите ваше мнѣніе по этому предмету, ибо по послѣднимъ дѣйствіямъ вашимъ я имѣю о васъ болѣе высокое понятіе, чѣмъ прежде.

— Вотъ отвѣтъ на вашъ вопросъ, Гурри, возразилъ Звѣробой, входя въ комнату, вотъ онъ! и вѣроятно понравится, если у васъ есть охота къ новымъ битвамъ и сраженіямъ.

При этихъ словахъ, Звѣробой бросилъ на столъ небольшую связку, состоящую изъ дюжины палочекъ, крѣпко перетянутыхъ кожаными ремнемъ. Гурри поспѣшно схватилъ ее, поднесъ ближе къ горѣвшему полѣну, и съ перваго же взгляда увидѣлъ, что концы каждой палочки обмокнуты были въ кровь.

— Ну, это совершенно по-индѣйски, если не по-англійски, дерзко сказалъ Гурри; это формальное объявленіе войны. Гдѣ вы нашли эту связку?

— Весьма близко она, минутой тому назадъ лежала на платформѣ.

— Какъ же она туда попала! вѣдь не свалилась же съ неба! Объясните это, Звѣробой, иначе мы должны думать, что вы хотите настрашать такихъ людей, которые давно бы лишились разсудка, если бы боязнь могла изгнать его изъ головы.

Между тѣмъ Звѣробой приблизился къ окну, изъ котораго бросилъ взглядъ на темное озеро, и казался, былъ доволенъ тѣмъ, что увидѣлъ. Онъ снова подошелъ къ Гурри, взялъ въ руки связку палочекъ и разсматривалъ ее съ особеннымъ вниманіемъ.

— Да, сказалъ онъ,—это объявленіе войны индѣйцами, хотя вы и не можете понять, какъ оно сюда попало. Дикіе оставили вамъ черепъ, но вѣрно не уши, если вы не слышали плеска воды, когда индѣйскій мальчикъ пріѣзжалъ сюда на плоту. Ему было поручено бросить эту связку у нашей двери, и индѣйцы хотѣтъ сказать этимъ: со времени нашей мѣны, мы испробовали боевое оружіе и въ скоромъ времени нападѣмъ на васъ.

— Экіе негодяи! вскрикнулъ Гурри; — дайте-ко мнѣ ружье, Юдиень, я пошлю въ слѣдъ ихъ посланному отвѣтъ, который едва ли имъ понравится.

— Путь, вѣтъ, хладнокровно сказала Звѣробой и сдѣлала Юдию знакъ, чтобы она не вставала: — вѣтъ, не въ моемъ присутствіи. Мальчикъ перебралъ къ намъ открыто съ ярко горѣвшимъ факеломъ, и потому никто не сдѣлаетъ ему зла, пока я могу этому воспрепятствовать. Впрочемъ, онъ слишкомъ хитеръ, чтобы на обратномъ пути оставить огненный слѣдъ, такъ что въ эту темную ночь нѣтъ никакой возможности вѣрно прицѣлиться.

— Совершенно справедливо, замѣтилъ Гурри, шагая по комнатѣ съ ружьемъ въ рукахъ: — но у насъ есть челноки, которые могутъ намъ служить, и никто изъ насъ не помѣшаетъ ѣхать вслѣдъ за ними и добыть его черепъ. Чѣмъ больше раздавить ихъ въ колодахъ лѣтахъ, тѣмъ меньше будутъ они впоследствии наполнять лѣса своими завываніями.

Обѣ дѣвушки, особенно Юдию, вздрогнули при этихъ словахъ, обѣщавшихъ не много хорошаго. Гурри выказывалъ себя дерзкимъ и заносчивымъ въ сознаніи своей силы; Звѣробой же напротивъ обладалъ болѣе спокойною твердостью, при которой скорѣе можно достигнуть цѣли, чѣмъ при горячей вспышкѣ. Гурри скоро подошелъ къ мѣсту, гдѣ привязаны были челноки; но въ это время Звѣробой переглянулся съ Делаваромъ, и они перебросились нѣсколько словами на языкѣ дикихъ. Чингахгокъ пер-
платформу и удостовѣрился по горѣвшему факелу, что къ нимъ приближается посланный. Такимъ об-

разомъ, когда мальчикъ бросилъ ему подъ ноги связку палочекъ, то это не удивило и не разсердило его; онъ стоялъ спокойно, съ ружьемъ въ рукахъ, чтобы убѣдиться, что никакого обмана не скрывается за этимъ посланіемъ. Теперь, переговоривъ съ Звѣробоемъ, онъ вскочилъ въ челнокъ и убралъ весла.

Гурри пришелъ въ бѣшенство, когда увидѣлъ что лишены средства исполнить свое намѣреніе. Сжавъ громадные кулаки, онъ направился къ Делавару; всѣ ожидали, что онъ постарается повалить его на землю; знали, что послѣдствіемъ такой попытки будетъ неминуемо пролитіе крови, и потому въ смертельной боязни ожидали исхода. Мрачный видъ Делавара остановилъ Гурри; онъ понялъ, что такой человекъ не дастъ безнаказанно наступить себѣ на ногу. Отвернувшись отъ индѣйца, онъ хотѣлъ излить свою злость на Звѣробою, отъ котораго не ожидалъ страшнаго отпора; но прежде, чѣмъ сказалъ слово, раздался близъ него нѣжный голосъ.

— Гурри, говорила Гетти, стараясь воспрепятствовать грозившей битвѣ: — грѣшно такъ злиться, и Богъ васъ за это накажетъ. Ирокезы оставили вамъ и отцу ваши черепы и хорошо съ вами обошлись, хотя вы имѣли противъ нихъ весьма дурныя намѣренія.

Кроткій, нѣжный голосъ Гетти произвелъ чарующее дѣйствіе на разсвирѣпѣвшаго охотника. Онъ отвернулся отъ Звѣробоя и, вмѣсто всякихъ насильствен-

ныхъ поступковъ, излилъ свою злость и досаду въ рѣзкихъ словахъ.

— Досадно, Гетти, сказалъ онъ, — выпустить изъ рукъ свободнымъ то, что почти попало въ западню. Его черепъ стоялъ по крайней мѣрѣ шесть бобрowychъ кожъ, хотя мальчикъ самъ по себѣ ничего не стоитъ. Вы дурно поступили съ вашими друзьями, Звѣробой, лишивъ ихъ такой выгоды.

— Нѣтъ, спокойно и твердо возразилъ Звѣробой, — я бы поступилъ противъ правилъ чести, если бы дѣйствовалъ иначе, и никто не можетъ требовать отъ меня отступленія отъ моихъ мыслей и понятій. Мальчикъ пріѣзжалъ съ правильнымъ порученіемъ, и даже самый жалкій краснокожій постыдился бы сдѣлать ему какое либо зло.

При этихъ словахъ молодой человекъ отошелъ между тѣмъ какъ Гуттеръ взялъ Гурри за руку и пригласилъ его для тайнаго совѣщанія. Пока тѣ шептались, Звѣробой съ Чингахгокомъ также вели тихій разговоръ, при чемъ послѣдній совѣтовался съ другомъ своимъ о средствахъ къ освобожденію Ватавы.

Спустя нѣкоторое время, Гуттеръ снова вышелъ на платформу и, собравъ вокругъ себя всю компанію, сообщилъ ей свои намѣренія, на столько, сколько считалъ это удобнымъ. Онъ вполне одобрилъ мысль Звѣробоя покинуть жилище въ теченіе ночи и переселиться на пловучій домъ; ибо какъ ему, такъ и всѣмъ было ясно, что въ этомъ заключалось един-

ственное средство избѣгнуть грозившей гибели. Не подлежало сомнѣнію, что дикіе, обративъ разъ вниманіе на постройку плота, неминуемо попытаются сдѣлать нападеніе на замокъ, и посылка ими кровавой связки достаточно показывала, какъ много они рассчитываютъ на успѣхъ предпріятія. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, Гуттеръ пригласилъ всѣхъ приготовиться немедленно оставить замокъ, если не навсегда, то хотя на нѣкоторое время.

Послѣ такого рѣшенія, закипѣла работа. Замокъ былъ запертъ и заложенъ, челноки вытянуты изъ дока и привязаны къ пловучему дому, все нужнѣйшее, что оставалось въ замкѣ, перенесено въ каюту, огни потушены, и всѣ перебрались на судно.

Ночь была чрезвычайно темная, хотя посерединѣ озера тянулась свѣтлая полоса; въ этой полосѣ стоялъ пловучій домъ, но его нельзя было видѣть съ берега, отъ котораго онъ былъ заслоненъ мрачными прибрежными холмами. Вѣтеръ былъ слабый и отрывистый, такъ что самъ Гуттеръ, снявшися съ якоря, не могъ положительно опредѣлить, съ какой стороны вѣтеръ. Обыкновенно можно было разрѣшить сомнѣніе наблюденіемъ за теченіемъ облаковъ, но въ эту ночь весь небесный сводъ имѣлъ видъ темной, непроницаемой стѣны; нигдѣ не было видно ни малѣйшаго отверстія, и Чингахгокъ началъ опасаться, что сокрытіе звѣздъ остановитъ его невѣсту исполнить въ точности данное обѣщаніе. Такимъ образомъ Гуттеръ поставилъ парусъ исключи-

тельно съ тою цѣлю, чтобы удалиться отъ замка. Потому что становилось опаснымъ оставаться долѣе вблизи его. Тутъ оказалось, что направленіе вѣтра южное съ легкимъ наклоненіемъ къ восточному берегу. Это вполне соответствовало видамъ всего общества, и потому судно болѣе часа плыло по этому направленію, пока внезапная переменна вѣтра не направила его въ ту сторону, гдѣ находились лагери дикихъ.

Звѣрбой съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми движеніями Гуттера и Гурри. Сначала онъ недоумѣвалъ, чему приписать принятое пловучимъ дельфиномъ направленіе, случаю ли или намѣренію; но скоро убѣдился, что послѣднему, потому что, не прошло и двухъ часовъ времени, судно уже находилось въ разстояніи не болѣе ста шаговъ отъ берега и прямо противъ индѣйскаго лагеря. Между тѣмъ Гурри имѣлъ съ Чингахгокомъ совѣщаніе, результатъ котораго послѣдній сообщилъ Звѣрбою.

— Старикъ и его товарищъ хотѣтъ украсить свой поясъ скальпами, сказалъ онъ; на поясѣ моемъ есть тоже мѣсто для нѣсколькихъ, и когда я ворочусь домой, то будутъ спрашивать у меня скальповъ. У моего друга бѣлыя руки и мысли; онъ будетъ насъ ждать и не будетъ стыдиться своего друга. Большой Звѣрбой Могиканъ долженъ быть достоинъ идти въ бой рядомъ съ «Соколинымъ Глазомъ».

— Да, я уже вижу, въ чемъ дѣло. Если васъ та

тянетъ къ скальпамъ, то я не осуждаю этого, такъ какъ это входитъ въ ваши понятія и обычаи. Но будьте милосердны; я прошу васъ объ этомъ потому, что даже краснокожему не послужить въ укоръ, если онъ выкажетъ чувство состраданія. Не начинайте вашихъ подвиговъ рыданіями женщинъ и плачемъ дѣтей. Дѣйствуйте такъ, чтобы Ватава улыбнулась, когда васъ увидитъ. Затѣмъ, добрый путь и будьте счастливы.

— Я отправляюсь. Братъ мой будетъ здѣсь ожидать съ судномъ. Ватава скоро будетъ на берегу, и Чингахгоку надо торопиться.

Послѣ этихъ словъ индѣецъ присоединился къ своимъ товарищамъ; они спустились въ одинъ изъ челноковъ и отчалили.

Ни Гуттеръ, ни Гурри не сообщили Звѣрбою о своихъ предположеніяхъ, такъ какъ боялись его замѣчаній и упрековъ. Они шли на враговъ, чтобы удовлетворить свою жадность, и планъ ихъ былъ на этотъ разъ такъ составленъ, что они могли рассчитывать на обильную добычу. Они знали, что большая часть воиновъ на ночь перешли въ лагерь противъ самаго замка, и потому рассчитывали напасть на беззащитныхъ женъ и дѣтей. Особенно рассчитывалъ на это Гуттеръ, но не сообщалъ мысли своей Чингахгоку.

Старый Томъ управлялъ челнокомъ, Гурри помѣстился въ передней части его, а Чингахгокъ въ срединѣ. Осторожно приблизились они къ берегу и

причалили; затѣмъ, выйдя изъ челнока, держа ружья наготовѣ, направились, какъ тигры, къ лагерю. Впереди шелъ индѣецъ, а другіе шли слѣдомъ съ такою крайнею осторожностію, что ни малѣйшій шорохъ не выдавалъ шаговъ ихъ. По временамъ, впрочемъ, хрустѣли сухія вѣтки подъ тяжелою стопою Гурри или неловкими шагами стараго Тома, но шаги индѣйца были такъ тихи, какъ будто онъ шелъ на воздуху.

Главная задача заключалась въ томъ, чтобы открыть мѣсто, гдѣ разведенъ огонь, потому что это всегда дѣлалось въ самой серединѣ лагеря; острый глазъ Чингахгока скоро увидалъ желаемое. Огонь мелькалъ въ нѣкоторомъ разстояніи между деревьями, но весьма слабо, что впрочемъ и сообразно было съ позднимъ часомъ ночи.

Какъ только огонь сталъ видѣнъ, наши искатели приключеній пошли впередъ смѣлѣе и скорѣе, и чрезъ нѣсколько минутъ были уже вблизи первыхъ шалашей. Здѣсь они остановились, чтобъ изслѣдовать мѣстность и условиться въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Было такъ темно, что едва можно было различить что либо, кромѣ догорающаго костра. Чингахгокъ попытался изслѣдовать внутренность ближайшаго шалаша; онъ приблизился къ нему такъ тихо и осторожно, какъ кошка, крадущаяся къ птичкѣ. Когда онъ подошелъ совсѣмъ близко, то опустился на землю и долго прислушивался у низкаго входа, не слышать ли въ шалашѣ дыханій спящихъ. Не было ничего слышно.

Чингахгокъ просунулъ голову въ дверь, но этотъ смѣлый и опасный поступокъ остался безъ вознагражденія, потому что, пошаривъ кругомъ руками, онъ убѣдился, что шалашъ совершенно пустъ.

Осторожно прокрался Делаваръ къ другимъ шалашамъ, но и тѣ оказались въ такомъ же состояніи; наконецъ, воротившись къ своимъ спутникамъ, онъ объявилъ, что Мингосы оставили свой лагерь. Дальнѣйшія розысканія подтвердили это, и затѣмъ ничего болѣе не оставалось, какъ возвратиться къ челноку безъ всякаго успѣха.

Гуттеръ и Гурри страшно досадовали на такое разрушеніе своего плана. Бѣснуясь, шмыгали они между шалашами, какъ бы надѣясь найти гдѣнибудь забытаго ребенка или безопасно спящаго, и нѣсколько разъ вымѣщали злобу свою на безчувственныхъ шалашахъ, изъ которыхъ нѣкоторые были буквально разорваны на куски и разбросаны. Делаваръ же все время оставался спокойнымъ, и наконецъ, напомнилъ своимъ товарищамъ объ опасности дальнѣйшей неосторожности и о необходимости возвратиться къ судну.

Онъ былъ спокоенъ, такъ какъ его привело только желаніе пріобрѣсть славу; спутники же его досадовали потому, что рассчитывали на удовлетвореніе своей жадной жадности и такъ сильно обманулись въ своихъ надеждахъ. Въ такомъ состояніи духа, они налегли на весла, и направились въ ту сторону, гдѣ надѣялись найти пловучій домъ.

Нѣсколько минутъ спустя, Звѣробой услыхала голосъ Чингахгока, и вскорѣ челнокъ причалилъ, и путники взошли на палубу. Ни Гуттеръ, ни Гурри не говорили ни слова о случившемся. Чингахгокъ же, проходя мимо своего друга, сказалъ только: «огонь погасъ» и изъ этихъ двухъ словъ Звѣробой поняла въ чемъ было дѣло.

Теперь, конечно, представлялся вопросъ, въ какую сторону направить судно, и Гуттеръ разрѣшилъ ея, тѣмъ, что всего умнѣе будетъ остаться въ постоянномъ движеніи. Пловучій домъ подвели подъ вѣтеръ.

Гуттеръ и Гурри легли, а Звѣробой и Чингахгокъ наблюдали за направленіемъ судна.

Нѣсколько времени оно двигалось вдоль западнаго берега. Юдиень и Гетти присоединились къ молодымъ людямъ, и между ними завязался разговоръ, который впрочемъ не клеился. Индѣецъ, по мѣрѣ приближенія минуты, когда онъ надѣялся увидѣть Ватаву, становился все болѣе и болѣе безпокойнѣе, а Звѣробой былъ такъ занятъ управленіемъ судна, что не имѣла времени заниматься пустой болтовней. Такимъ образомъ они спокойно обогнули мысъ и достигли залива, на сѣверной оконечности котораго надѣялись найти Ватаву; тогда Чингахгокъ молча подошелъ къ своему другу и указалъ на свѣтящуюся прямо передъ ними точку. Тамъ, на краю кустовъ, виднѣлся огонекъ, и не оставалось сомнѣнія, что индѣйцы перенесли лагерь именно на то мѣсто, гдѣ Чингахгокъ назначилъ свѣ-

даніе своей невѣстѣ. Это открытіе показалось Звѣробой и его другу немалозначительнымъ. Прежде всего предстояла та опасность, что Гуттеръ и Гурри, если проснутся, предпримутъ новую попытку противъ этого новаго лагеря, и тогда опасно было причалить къ берегу, чтобъ освободить Ватаву изъ плѣна. Тѣмъ не менѣе, рѣшено было попробовать послѣднее, и судно было такъ близко подведено къ берегу, какъ только позволяла необходимая осторожность. Тутъ бросили якорь и спустили парусъ.

Положеніе пловучаго дома имѣло свои выгоды и неудобства; огонь скрылся изъ глазъ за покрывавшимъ судно кустарникомъ, но съ другой стороны деревья такъ нависли надъ пловучимъ домомъ, что представлялась возможность спрыгнуть на него съ земли, не прибѣгая къ помощи лодки или парома. Тѣмъ не менѣе, густая темнота служила дѣйствительной защитой, пока старались избѣгать всякаго шума, и Звѣробой, обративъ на это вниманіе Юдиень, указалъ ей, что дѣлать, если поднимется какой либо шумъ. Преимущественно же онъ внушилъ ей, чтобы ни въ какомъ случаѣ не будить спавшихъ, кромѣ лишь въ случаѣ сильной опасности.

— А теперь, Юдиень, заключилъ Звѣробой свое наставленіе, настало время намъ съ Чингахгокомъ сѣсть въ челнокъ и отправиться за его невѣстой. Звѣзды еще не видать, но она скоро покажется, и хотя за облаками ее трудно будетъ видѣть, я все-таки увѣренъ, что Ватава въ назначенное время будетъ на

условленномъ пунктѣ, если только Мингосы насильно не удержатъ ее.

Не теряя времени, оба пріятеля приступили къ исполненію своего плава, послѣ того какъ Юдвѣ общала исполнить въ точности всѣ полученныя ею наставленія. Чингахгокъ занялъ передній конецъ челнока, между тѣмъ какъ другъ его взялъ на себя управленіе рудемъ. Съ того времени, какъ они покинули пловучій домъ, всѣ движенія ихъ походили на приемы хорошо выученныхъ солдатъ, которымъ не впервые приходится встрѣтиться съ непріателемъ, и они чувствовали только гордость и мужество, соединенныя съ намѣреніемъ, во что бы то ни стало, достигнуть желаемой цѣли.

Вмѣсто того, чтобы прямо двинуться къ мысу, который находился на разстояніи не болѣе четверти часа отъ пловучаго дома, Звѣробой направилъ челнокъ круто на середину озера, чтобы оттуда приблизиться къ берегу и имѣть такимъ образомъ непріятеля лишь съ одной стороны. Чингахгокъ понялъ необходимость этой мѣры и безъ всякаго возраженія сталъ гребти впередъ. Черезъ нѣсколько минутъ челнокъ проплылъ значительное разстояніе, молодые люди перестали гребти, и судно остановилось.

Тогда они шепотомъ держали между собою сообщаніе; по мнѣнію Звѣробой, оставалось еще нѣсколько минутъ до восхода звѣзды, Чингахгокъ же полагалъ, что время это уже прошло, и что невѣста уже ждетъ на берегу его прибытія. Его мнѣніе одержало

верхъ, и Звѣробой приготовился направиться на условленное мѣсто.

Теперь, конечно, необходима была особенная осторожность и ловкость при управленіи челнокомъ; весла опускались въ воду, по возможности, безъ всякаго шума, и когда приблизились къ берегу на двѣсти шаговъ, Чингахгокъ положилъ весло и взялъ вмѣсто него ружье. Челнокъ казался живымъ существомъ, такъ осторожны и обдуманно были всѣ его движенія; онъ тихо двигался впередъ, пока его передняя часть уперлась въ песчаный берегъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, берегъ былъ узокъ и окаймленъ кустами, которые во многихъ мѣстахъ повисли надъ водою. Чингахгокъ вышелъ изъ челнока и внимательно осмотрѣлъ берегъ, потомъ возвратился и шепотомъ выразилъ опасеніе, что они ошиблись въ условленномъ пунктѣ; Звѣробой же не согласился съ этимъ, полагая съ своей стороны, что они ошиблись во времени и слишкомъ рано пріѣхали. Высказывая это мнѣніе, онъ вдругъ схватилъ руку Делавара, обернулся къ озеру и указалъ на вершины лежавшихъ на востокъ горъ. Облака въ той сторонѣ не много раздвоились, и сквозь вѣтви высокой сосны свѣтло блестѣла вечерняя звѣзда.

Оба принявъ это за хорошее предзнаменованіе; облокотившись на ружья, они въ напряженномъ ожиданіи прислушивались къ шуму приближавшихся шаговъ.

Часто слышались имъ голоса, перемѣшанные съ сдержаннымъ плачемъ дѣтей и тихимъ, но пріятнымъ

смѣхомъ индѣйскихъ женщинъ; изъ этого заключили они, что находятся очень близко отъ лагеря. Кромѣ того замѣтили они, что въ лѣсу долженъ горѣть огонь, такъ какъ многія изъ верхнихъ вѣтвей казались освѣщенными; но съ того мѣста, гдѣ они стояли, нельзя было съ достовѣрностію опредѣлить, какъ близко отъ огня они могли находиться. Не разъ казалось, что отъ мѣста, гдѣ горѣлъ огонь, кто-то приближался къ условленному пункту свиданія; но это была или ошибка, или же приближавшійся возвращался назадъ, не достигнувъ берега. Такимъ образомъ прошло четверть часа въ напряженномъ ожиданіи; наконецъ, Звѣробой предложилъ объѣхать въ челнокѣ кругомъ мыса и избрать пунктъ, съ котораго можно было бы осмотрѣть лагерь индѣйцевъ; но Чингахгока нельзя было убѣдить покинуть это мѣсто, и онъ приводилъ въ основаніе своей нерѣшительности страхъ и затрудненіе дѣвушки, если она придетъ въ его отсутствіе. Тогда Звѣробой вызвалъ одинъ совершить поѣздку съ тѣмъ, чтобы Чингахгокъ остался въ кустахъ ожидать благопріятныхъ обстоятельствъ. Съ такимъ уговоромъ они разстались, и Звѣробой покинулъ берегъ съ тою же осторожностію и въ такой же тишинѣ, какъ и приближался къ нему, но удалился не далеко отъ берега, потому что кусты служили самую лучшую защиту. Онъ почти достигъ прямой линіи между лагеремъ и пловучимъ домомъ, какъ увидѣлъ огонь, который такъ внезапно

бросился ему въ глаза, что онъ вообразилъ, не захлѣлъ ли нечаянно слишкомъ далеко въ свѣтлое пространство. При второмъ же взглядѣ онъ убѣдился, что можетъ быть совершенно покоенъ, пока индѣйцы держались вблизи огня, и потому остановилъ челнокъ въ выгоднѣйшемъ положеніи, какое могъ избрать, и началъ производить свои наблюденія.

Челнокъ какъ разъ находился противъ природнаго промежутка изъ кустовъ и деревьевъ, который дѣлалъ возможнымъ безпрепятственный осмотръ лагеря. По случаю перемѣщенія лагеря, индѣйцы еще не удалились въ свои шалаши и запоздали, вслѣдствіе устройства послѣднихъ и приготовленія пищи. Они зажгли большой костеръ частію для освѣщенія, частію для варки пищи, и именно теперь огонь пылалъ съ большею силою, такъ какъ въ него подбросили нѣсколько пучковъ хворосту. Сводъ лѣса и все занятое лагеремъ пространство освѣщались такъ ярко, какъ будто горѣли тутъ сотни свѣчей. Главнѣйшія работы были окончены и голодъ утоленъ; охотники и рыбаки пріобрѣли хорошую добычу, и исчезла всякая забота при удовольствіи, ощущаемомъ всѣми въ этихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Съ перваго же взгляда Звѣробой замѣтилъ, что многіе изъ воиновъ должны находиться въ отсутствіи, но знакомый его Ривеноакъ былъ налицо. Онъ сидѣлъ около самаго огня, показывая одному изъ своихъ соплеменниковъ слона, который возбудилъ въ ихъ племенѣ сильное удивленіе. За нимъ

стоялъ мальчикъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ черезъ его плечо. Болѣе назадъ лежало отъ осми до десяти воиновъ, иные растянувшись на землѣ, иные прислонившись спиною къ деревьямъ, въ полномъ спокойствіи и беззаботности. Ружья ихъ находились поблизости, одни прислонены были къ деревьямъ, другія лежали у нихъ на колѣняхъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи стояла группа женщинъ и дѣтей; первыя болтали и смѣялись, хотя знающій обычай этого племени легко замѣтилъ бы, что въ пріемахъ ихъ было что-то особенное; большая часть молодыхъ женщинъ казались веселыми, но въ сторонѣ сидѣла одна старуха, которой, какъ угадалъ Звѣробой, дано было начальниками какое-то непріятное порученіе, сущность котораго онъ не могъ скоро разгадать.

Съ величайшимъ стараніемъ Звѣробой искалъ Ватаву; но ея не было видно, хотя неоднократно ему слышался ея звонкій, пріятный смѣхъ. Наконецъ старуха заговорила громко и гнѣвно, и тотчасъ показали на заднемъ планѣ двѣ темныя личности, которыя, слѣдуя приглашенію, приблизились къ горящему костру. Сперва показалось лицо молодого воина, а за нимъ слѣдовали двѣ дѣвушки, и въ одной изъ нихъ Звѣробой тотчасъ узналъ Ватаву. Теперь ему сдѣлалось ясно, что она находится подъ надзоромъ старухи и не такъ легко можетъ скрыться, чтобы явиться къ берегу озера на условленное свиданіе. Звѣробой замѣтилъ ея неудовольствіе преимущественно

потому, что она часто смотрѣла на небо въ надеждѣ увидать звѣзду, которой восходъ сама назначила часомъ свиданія. Наконецъ, она подѣла съ своею спутницею къ прочимъ женщинамъ, и старая карачульщица также перемѣнила свое мѣсто на болѣе удобное, чѣмъ еще болѣе убѣждала, что она до сихъ поръ наблюдала за плѣнницей.

Звѣробой находился теперь въ недоумѣніи, что ему предпринять; онъ зналъ, что Чингахгокъ ни въ какомъ случаѣ не возвратится на пловучій домъ, не сдѣлавъ опасной попытки къ освобожденію дѣвушки, и онъ самъ считалъ своею обязанностію оказать въ этомъ случаѣ другу своему все возможное содѣйствіе. Наконецъ онъ рѣшился вернуться къ Чингахгоку, чтобы хотя нѣсколько умѣрить его горячность своимъ хладнокровіемъ и благоразуміемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ подошелъ къ своему другу, который неподвижно оставался на своемъ посту. Онъ сообщилъ ему о положеніи дѣлъ въ лагерѣ, и послѣ кратковременнаго, обдуманнаго совѣщанія, принять былъ ими планъ совокупнаго дѣйствія. Они поставили челнокъ на такое мѣсто, чтобы Ватава, если явится на условленный пунктъ, тотчасъ увидала его, и потомъ, осмотрѣвъ свое оружіе, смѣло двинулись въ середину лѣса.

За лагеремъ Мингосовъ находилось небольшое возвышеніе, которое немало способствовало невидимому приближенію нашихъ искателей приключеній. Они осторожно туда направились, и Звѣробой пошелъ

впередъ, чтобы Делаваръ не увлекся, подъ влияніемъ своихъ ощущений. Двигаясь шагъ за шагомъ съ необычайною ловкостью и осторожностью, Звѣробой поднялся на столько, чтобъ имѣть возможность смотрѣть вдаль чрезъ вершину холма. Чингахгокъ помѣстился съ нимъ рядомъ, и оба остановились, чтобы еще разъ подробно осмотрѣть представлявшійся ихъ глазамъ лагерь. Дабы обезопасить себя отъ всякаго нападенія сзади, они стали за стволомъ громаднаго дуба, повернувъ лицо прямо къ огню.

Теперешній видъ лагеря вовсе не походилъ на тотъ, который представился Звѣробоею со стороны озера. Мелькавшіе образы, которые онъ замѣтилъ съ того мѣста, должны были находиться на верхушкѣ задней части горы на нѣсколько шаговъ разстоянія отъ него. Костеръ горѣлъ еще ярко, и тринадцать воиновъ окружали его, оживленно разговаривая о фигурѣ слона, которая переходила изъ рукъ въ руки. Занятые этимъ интереснымъ предметомъ, они забыли все остальное, и Звѣробой съ Чингахгокомъ не могли избрать удобнѣйшаго времени, чтобы приблизиться къ лагерю.

Женщины были еще всѣ вмѣстѣ и на томъ же пунктѣ, гдѣ Звѣробой ихъ раньше видѣлъ, и находились на срединѣ между огнемъ и мѣстомъ ихъ наблюденія. Отъ дуба, за которымъ стояли охотники, до стоянки воиновъ было не болѣе тридцати шаговъ, женщины же помѣщались на половину ближе, такъ что обоимъ товарищамъ приходилось соблюдать крайнюю осторожность, чтобъ не произвести какого либо

шума. Они слышали тихій разговоръ женщинъ и, при царствовавшей въ лѣсу тишинѣ, могли даже разобрать многія слова ихъ. Нагнувшись впередъ, они стали слушать.

— У Гуроновъ есть звѣри, еще болѣе необыкновенные, чѣмъ эти, говорила одна дѣвушка, показывая на слоновъ: — Делавары могутъ считать ихъ за сверхъестественное, но ни одинъ Гуронъ завтра и говорить о нихъ не будетъ. Наша молодежь сумѣла бы убить ихъ, если бы они показались вблизи нашихъ селеній.

— А Делавары не допустили бы ихъ даже до своей страны, отвѣчала Ватава, къ которой видимо обращалась рѣчь: — ихъ охотники разогнали бы, какъ самыхъ животныхъ, такъ и фигуры ихъ.

— Делавары сущія бабы, возразилъ первый голосъ, — даже олень не бѣжитъ при приближеніи ихъ охотниковъ. Никто никогда и не слышалъ ни объ одномъ воинѣ изъ Делаваровъ.

— Неправда! съ нѣкоторымъ одушевленіемъ отвѣчала Ватава. — Тамелундъ теперь уже старикъ, но былъ прежде молодецъ, и имя его звучало отъ береговъ солянаго озера до прѣсныхъ водъ востока. А семейство Ункасъ? гдѣ найдется ему подобное, хотя бѣлые перевернули гробницы ихъ и попрали ногами ихъ кости. Летаетъ ли такъ высоко орелъ? бѣжитъ ли такъ быстро олень? показываетъ ли барсъ столько мужества? Развѣ нѣтъ молодыхъ воиновъ изъ этого

племени? Откройте глаза и вы увидите Чингахгога, молодого воина, статного, какъ молодой ясень.

При словахъ Ватавы, которыми она совѣтовала своимъ собесѣдницамъ открыть глаза, чтобъ увидѣть молодого Делавара, Звѣробой потихоньку толкнулъ своего друга и отъ души засмѣялся. Чингахгогъ же только улыбнулся и ни на секунду не прерывалъ своего наблюденія за разговоромъ женщинъ, которыхъ споръ дѣлался все оживленнѣе и горячѣе. Вдругъ Делаваръ сдѣлалъ своему другу знакъ присѣсть, чтобъ быть совсѣмъ спрятаннымъ, и затѣмъ издалъ звукъ, до того похожій на свистъ мелкой породы американскихъ бѣлокъ, что самъ Звѣробой, хотя сотни разъ слышалъ подражаніе этому свисту, но на этотъ разъ былъ убѣжденъ, что онъ происходитъ отъ прыгающаго надъ его головою звѣрька. Ни одна изъ женщинъ не обратила вниманія на этотъ звукъ, столь обыкновенный въ этихъ лѣсахъ; только Ватава вдругъ остановилась на полусловѣ и осталась неподвижною, какъ статуя, узнавъ голосъ своего жениха; впрочемъ, она сохранила довольно силы воли, чтобъ не повернуть головы.

Съ этой минуты Чингахгогъ былъ убѣжденъ, что Ватавѣ извѣстно его присутствіе, и потому надѣялся, что она будетъ дѣйствовать рѣшительнѣе, чѣмъ если бы не имѣла достовѣрныхъ свѣдѣній о его мѣстопробываніи. Затѣмъ не подлежало сомнѣнію, что и она съ своей стороны будетъ содѣйствовать

тѣмъ мѣрамъ, какія могутъ быть приняты для ея освобожденія.

Звѣробой снова выпрямился и при первомъ взглядѣ увидѣлъ, что въ фигурѣ и обращеніи Ватавы произошло большая перемѣна. Она еще спорила съ своими собесѣдницами, но не съ прежнимъ безпристрастіемъ, и все, что она говорила, имѣло какъ бы цѣлю заманить ихъ на легкую побѣду. Наконецъ, спорившія утомились и встали, чтобъ разойтись. Теперь лишь рискнула Ватава обернуться лицомъ къ дубу, отъ котораго данъ былъ ей сигналъ; она сдѣлала это, по возможности, осторожно и остоженно вытянувъ руки и потянувшись, какъ будто утомленная. Въ эту минуту снова раздался рѣзкій свистъ, и Ватава уже положительно знала ту точку, гдѣ стоялъ женихъ ея, хотя по причинѣ глубокой темноты ей не видна была голова его, которая одна возвышалась надъ холмомъ. Притомъ же дерево, къ которому прислонились пріатели, окружено было глубокою тѣнью, падашею отъ громадной сосны, стоявшей между ними и огнемъ, и это было одно изъ основаній, побудившихъ Звѣробоя избрать ту мѣстность наблюдательнымъ пунктомъ.

Уже приближалось время, когда Ватава необходимо должна была дѣйствовать. Она должна была спастись въ небольшомъ шалашѣ изъ вѣтвей, устроенномъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ она стояла, и упомянутая уже нами старуха должна была быть съ нею неразлучно. Войдя разъ въ шалашъ, ей уже трудно было

бы уйти, потому что старуха имѣла обыкновеніе ложиться поперекъ входа; но, къ счастью, въ это время одинъ изъ воиновъ кликнулъ старуху и приказалъ ей принести ему воды напиться.

На сѣверной сторонѣ мыса находился прекрасный источникъ; старуха взяла кожаный стаканъ, позвала къ себѣ Ватаву и направилась чрезъ вершину холма къ источнику. Все это видѣли спрятавшіеся охотники: они отступили въ самую темноту и скрылись за деревьями, пока обѣ женщины прошли мимо, причемъ старуха держала Ватаву крѣпко за руку. Когда онѣ поравнялись съ деревомъ, за которымъ стояли Звѣробой и Чингахгокъ, послѣдній схватилъ свой томагукъ, чтобъ раздробить черепъ старухи, но Звѣробой повялъ опасность подобнаго поступка, который, при одномъ восклицаніи жертвы, могъ напустить на нихъ весь лагерь, и потому воспрепятствовалъ исполненію намѣренія своего друга. Но когда онѣ прошли мимо дерева, снова повторился крикъ бѣлки; старуха остановилась, стала глядѣть на дерево, съ котораго слышались звуки, и стояла такимъ образомъ на разстояніи не болѣе шести футовъ отъ своихъ враговъ. Она выразила удивленіе, что бѣлка въ такой поздній часъ еще бодрствуетъ, и полагала, что это не къ добру; Ватава успокоила ее, утверждая, что въ послѣднія десять минутъ она слышала крикъ бѣлки уже три раза, и что, вѣроятно, вся ея цѣль заключается въ томъ, чтобы попользоваться оставшимися отъ ужина крохами. Старуха нашла это объясненіе успокоитель-

нымъ и продолжала путь къ источнику, скрытно преслѣдуемая обоими мужчинами. Стаканъ былъ наполненъ водой, и старуха все еще, опираясь костлявою рукою на руку Ватавы, спѣшила обратно, когда вдругъ такъ крѣпко была схвачена за горло, что должна была выпустить руку своей плѣнницы и не могла даже вскрикнуть, а только издала сдавленное хрипѣніе. Въ этотъ моментъ Чингахгокъ обнялъ свою невѣсту, поднялъ ее на руки и бросился съ ней черезъ кусты къ сѣверной сторонѣ мыса. Здѣсь онъ повернулъ къ берегу, побѣжалъ вдоль его и направился къ челноку.

Между тѣмъ Звѣробой крѣпко держалъ старуху и своими желѣзными пальцами такъ сильно сжималъ ей горло, что чуть не задушилъ ее; тѣмъ не менѣе ей удалось испустить нѣсколько провзительныхъ криковъ, которые всполошили весь лагерь. Топаніе воиновъ, вскакивавшихъ съ земли было явственно слышно, и вслѣдъ за тѣмъ трое или четверо показались на вершинѣ холма, такъ что Звѣробой увидалъ, что ему пора отступить. Онъ далъ старухѣ подъ ножку, сдвинулъ на прощаніе ей горло, еще разъ бросилъ ее на спину и потомъ съ ружьемъ въ рукѣ, обернувшись головою къ своимъ врагамъ, бросился въ кусты, подобно разяренному льву.

Чтобы не набѣжать прямо на огонь и попасть въ челнокъ, ему приходилось сдѣлать порядочный обходъ. При такихъ невыгодныхъ условіяхъ началъ онъ отступленіе, и положеніе его затруднялось еще болѣе тѣмъ, что дикіе, слѣдуя общепринятому въ

подобныхъ случаяхъ обыкновенію, вѣроятно, разосла- во всѣ стороны часовыхъ. Поэтому быстрота пре- ставлялась ему крайне необходимою, чтобы избѣгнуть риска быть отрѣзаннымъ отъ челнока.

Тѣмъ не менѣе Звѣробой медлилъ нѣсколько минутъ прежде чѣмъ бросился въ кусты, окаймлявшіе берегъ. Его дикія чувства пробудились при только-что пре- терпѣнномъ имъ нападеніи, и имъ овладѣла тверд- рѣшимость, какой онъ еще никогда не испытывалъ. Четыре темныя личности показались на холмѣ, рѣз- отгнываясь отъ огня, и однимъ движеніемъ пальца о- могъ привести въ жертву своей страсти одного врага. Но, къ счастью Мингосовъ, онъ вспомнилъ о другомъ и хотя направилъ уже дуло ружья противъ одного изъ своихъ преслѣдователей, но не прицѣлился и не выстрѣлилъ, а скрылся въ кустахъ. Въ одну минуту онъ достигъ берега и побѣжалъ быстро къ тому пу- ту, гдѣ Чингахгокъ съ челнокомъ ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Бросивъ ружье свое въ челнокъ, Звѣ- робой нагнулся, чтобы дать лодкѣ сильный толчокъ отъ берега и потомъ самому вскочить въ нее; но въ ту самую минуту выскочилъ громадный индѣецъ въ кустовъ и, какъ барсъ, вскочилъ на спину Звѣробой. Все спасеніе было теперь на волоскѣ, и одна- велокій шагъ могъ все уничтожить. Съ истинно воз- вышеннымъ великодушіемъ Звѣробой, чтобы спасти друга и его невѣсту, собралъ всѣ силы свои въ на- пряженномъ движеніи, оттолкнулъ челнокъ съ та- кою силою, что тотъ отплылъ футовъ на сто отъ

берега въ озеро, и затѣмъ самъ головою впередъ бросился въ волны, а за нимъ и его преслѣдова- тель.

Здѣсь начался страшный бой. Руки Звѣробоя были свободны, а индѣецъ, чтобы не утонуть, прину- женъ былъ освободить горло своего противника, ко- торое сжималъ крѣпко руками; бой продолжался не болѣе полуминуты. Оба стояли въ водѣ по грудь, и каждый старался поймать другаго за руки, чтобы воспрепятствовать употребленію убійственнаго ножа. Исходъ оставался нерѣшительнымъ, пока одинъ былъ противъ одного, но когда на помощь своему то- варищу соскочило въ воду еще подлюжины дикихъ, то Звѣробой волею или неволею долженъ былъ сдаться плѣннымъ. Онъ исполнилъ это съ достоинствомъ, которое заслуживало вниманія не менѣе его рыцарскаго самопожертвованія.

Достаточно было нѣсколькихъ минутъ, чтобы поки- нуть озеро и привести къ огню новаго плѣннаго; въ жару боя никто не видалъ челнока, хотя онъ еще былъ такъ близко отъ берега, что Чингахгокъ и его невѣста слышали каждое слово, которое тамъ говорилось.

Когда вся толпа Мингосовъ покинула мѣсто, то нѣкоторые продолжали искать Ватаву на берегу, но большая часть возвратилась къ огню. Здѣсь только могъ вздохнуть противникъ Звѣробоя, который почти былъ задушенъ имъ, и рассказалъ, какимъ именно способомъ могла уйти дѣвушка; но уже было поздно продолжать преслѣдованіе, потому что Делаваръ уже

давно направилъ свой челнокъ къ срединѣ озера чтобы отыскать судно.

Когда Звѣробой приблизился къ огню, то увидѣлъ себя окруженнымъ осемью свирѣпыми дикарями, мекоторыми былъ и его старый знакомый Ривеноа; когда этотъ посмотрѣлъ плѣнному въ лицо, то перговорилъ тихо съ своими товарищами, которые тогда же стали издавать радостные крики неожиданнаго удовольствія. Они узнали, что побѣдитель и друга, павшаго на другомъ берегу, находится въ ихъ рукахъ и преданъ ихъ мщенію или милосердію. Но при этомъ въ яростныхъ взглядахъ, которые перебрасали на плѣннаго, проявлялось не мало удивленія, которое имѣло основаніемъ, какъ теперешнее его спокойствіе и твердость, такъ и прежніе его доблестные поступки.

Руки Звѣробоя не были связаны и оставались свободны послѣ того, какъ у него отнять былъ ноже единственная, принятая въ отношеніи его, предосторожности заключались въ неусыпномъ надзорѣ и тѣснѣ крѣпкомъ канатѣ, которымъ опутали его ноги настолько, чтобы мѣшать ходить, сколько для того чтобы лишить его возможности сдѣлать попытку бѣгству посредствомъ внезапнаго прыжка. Эта послѣдняя мѣра была впрочемъ принята лишь тогда когда узнали личность плѣннаго, и Звѣробой гордился этимъ, какъ особымъ знакомъ отличія; онъ конечно, ожидалъ, что его свяжутъ, когда дикари уйдутъ спать, но что его связывали въ самый моментъ

плѣна, это служило явнымъ доказательствомъ, что онъ уже ранѣе приобрѣлъ славное имя.

Извѣстность молодаго человѣка происходила не только отъ успѣшнаго исхода его прежняго боя, но и зависѣла также отъ обстоятельствъ этой ночи. Такъ какъ Мингосамъ не извѣстны были движенія плывучаго дома и случай, доставившій ихъ врагамъ возможность увидѣть ихъ костеръ, то они приписывали открытіе ихъ новаго лагеря искусной наблюдательности Звѣробоя. Кромѣ того образъ дѣйствій его при высадкѣ на мысъ, похищеніе Ватавы, а въ особенности самопожертвованіе плѣнника, въ соединеніи съ доказанною обдуманностію, составляли замѣчательный рядъ дѣяній, на которыхъ основывалась его возроставшая слава. Нѣкоторыя изъ этихъ обстоятельствъ индѣйцы видѣли сами, нѣкоторыя были имъ объяснены, и всѣ вообще могли быть оцѣнены ими по достоинству.

Пока это происходило, приблизилась къ Звѣробоемъ съ поднятыми кулаками и пылавшими отъ гнѣва глазами старая колдунья, которой имя по-индѣйски значило медвѣдица; до того времени она только кричала, теперь же она обратила вниманіе на многія неприятности, претерпѣнныя ею во время боя, и начала осыпать Звѣробоя всевозможными ругательствами.

— Жалкій блѣднолицый! вскрикнула она:—ты даже не баба; твои друзья Делавары бабы, а ты овца; твое собственное племя тебя не признаетъ, в ни одно племя краснокожихъ не потерпятъ тебя въ сво-

ихъ хижинахъ; развѣ ты убилъ нашего храбраго друга? Нѣтъ, его душа стыдилась сражаться съ тобою и лучше покинула тѣло, чѣмъ взять на себя стыдъ умертвить тебя. Ты собака, вонючка, лисий хорекъ, дикобразъ, поросенокъ, жаба, паукъ...

Здѣсь старуха должна была замолчать, какъ и того, чтобы перевести духъ, такъ и потому, что запасъ словъ ея истощился. Звѣробой же между тѣмъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ смотрѣлъ на эти попытки взбѣсить его, чувствуя, что языкъ старой бабы никогда не можетъ обезславить воина. Впрочемъ, давнѣйшіе нападки были устранены Ривенаокомъ, который оттолкнулъ старуху, приказавъ ей удалиться и смирался усѣсться подлѣ плѣнника. Послѣ краткаго молчанія онъ дружески вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Добро пожаловать, мой блѣднолицый другъ! Сказавъ онъ съ дружескимъ киваніемъ и улыбкою. — Гуроны поддерживаютъ сильный огонь, чтобы высушить платье бѣлаго.

— Очень вамъ благодаренъ, Гуроны, Мингосы и такъ иначе, какъ васъ звать, не знаю, возразилъ Звѣробой: — спасибо какъ за привѣтствіе, такъ и за огонь и то и другое имѣеть свою хорошую сторону, въ особенности послѣднее, такъ какъ я только-что вышелъ изъ холодной ванны.

— Развѣ у моего брата нѣтъ имени? Не можетъ быть, чтобъ такой доблестный воинъ жилъ безъ имени.

— Мингось, отвѣтилъ Звѣробой покраснѣвъ, — одинъ

изъ храбрыхъ вашего племени прозвалъ меня «Соколиный Глазь», вѣроятно за мой быстрый и вѣрный прицѣлъ.

— Это хорошее имя; соколъ всегда увѣренъ въ своей добычѣ. Соколиный Глазь не баба, но зачѣмъ живетъ онъ между Делаварами?

— Провидѣніе привело меня къ Делаварамъ еще въ юности, и потому я надѣюсь жить и умереть въ ихъ племени, не измѣняя никогда и ни въ чемъ своимъ понятіямъ бѣлага. Я стремлюсь къ одному, чтобы исполнять обязанности блѣднолицаго въ обществѣ краснокожихъ.

— Хорошо; Гуронъ такой же краснокожій, какъ и Делаваръ; Соколиный Глазь скорѣй Гуронъ, чѣмъ баба.

— Ваши намѣренія вамъ вѣроятно извѣстны, а если вы хотите, чтобъ и я ихъ понялъ, то выражайтесь нѣсколько яснѣе, такъ какъ нельзя заключить никакой сдѣлки съ завязанными глазами и безъ языка.

— Ладно. У Соколинаго Глаза прямой языкъ, и онъ говоритъ откровенно то, что думаетъ. Онъ знакомый Выхохола и жилъ подъ его кровлею, но онъ не другъ его; онъ не сражается изъ за скальповъ, какъ бѣдный пидѣецъ, а дерется какъ мужественный блѣднолицый. Выхохолъ не бѣлый, не красный, не звѣрь и не рыба, онъ морской змѣи и жаждетъ скальповъ, какъ разбойникъ. Соколиный Глазь можетъ идти и сказать ему, что онъ перехитрилъ Гуроновъ и спасся отъ нихъ; если тогда его глаза помрачатся, и онъ не будетъ имѣть возможности смотрѣть изъ

каюты въ лѣсъ, тогда Соколиный Глазь можетъ открыть двери Гуромамъ; и тогда добыча раздѣлится такимъ образомъ, что Соколиный Глазь возьметъ, что захочетъ, а остальное отдастъ Гуромамъ. Тогда скальпы должны быть отправлены въ Канаду, такъ какъ блѣднлицы не видятъ въ нихъ ни надобности ни удовольствія.

— Прекрасно, Ривеноакъ, это если не по-ирекезски, то по крайней мѣрѣ ясно сказано. Я понимаю все, что вы говорили, и сознаю, что эта черговина превосходить даже мингосскую. Дѣйствительно было бы легко отправиться къ Гуттеру, котораго вы называете Выхоломъ, и сказать ему, что я освобожденъ! это было бы легко, и такой поступокъ принесъ бы еще честь и уваженіе.

— Хорошо, это все, что я желаю отъ блѣднлицы.

— И я безъ дальнѣйшаго разговора знаю, чего вы отъ меня хотите. Пока я въ домѣ Гуттера буду сидѣть и ѣсть его хлѣбъ, я могъ бы такъ затуманить глаза старика и дочерей его, что они не стали бы искать не только землю, но и дверь.

— Да, Соколиный Глазь долженъ бы родиться Гурономъ, его кровь красная, а не блѣдая.

— Ну, въ этомъ вы ошибаетесь и такъ сильно, какъ если бы принимали волка за барса. Я блѣднлицы по крови, душѣ, природѣ, и понятіямъ хотя сознаю, что вѣскольکو краснокожъ по чувствамъ и образу жизни. Ну, Мингосъ, когда такимъ образомъ глазь

старога Гуттера будутъ отумачены, а дочери его погрузятся въ крѣпкій сонъ, Гурри же не будетъ и подозревать никакой бѣды, и все понадѣются на то, что въ Соколиномъ Глазѣ имѣютъ вѣрнаго караульщика, тогда мнѣ, конечно, слѣдуетъ гдѣ нибудь выставить факель для сигнала, открыть двери и впустить Гуроновъ, чтобъ все были истреблены?

— Навѣрно мой братъ ошибается; онъ не можетъ быть блѣлымъ. Онъ достоинъ быть главнымъ начальникомъ между Гуромами.

— Это было бы справедливо, еслибы я сдѣлалъ то, что сейчасъ сказалъ. Нѣтъ, нѣтъ, Гуронъ, будьте внимательны и выслушайте нѣскольکو словъ изъ устъ примаго и честнаго человѣка. Знайте, что я рожденъ христіанномъ, а тѣ, которые происходятъ изъ этого поколѣнія и получили христіанское образованіе, никогда не рѣшатся на такую измѣну, какой вы требуете. Хитрости могутъ быть во время войны законны и допускаются, но обманъ и хитрость между друзьями годится только для дьяволовъ и мошенниковъ. Есть, конечно, блѣлые, которые измѣняютъ своей крови и своимъ понятіямъ, но это должны быть отверженные и бродяги. Ни одинъ прямодушный блѣднлицы и ни одинъ прямодушный Делаваръ не исполнитъ никогда вашего предложенія, хотя у Мингосовъ можетъ быть совершенно противное.

Гуронъ выслушалъ этотъ отказъ, конечно, не безъ неудовольствія, но былъ слишкомъ твердъ въ своихъ намѣреніяхъ и слишкомъ хитеръ, чтобъ потерять вся-

кую надежду достигнуть цѣли, выказавъ открыто свое неудовольствіе. Онъ принужденно улыбулся и сдѣлать видъ, что старается обдумать сказанное ему.

— Любить ли Соколиный Глазь Гуттера или его дочерей? спросилъ онъ вдругъ.

— Ни то, ни другое, хотя, впрочемъ, я уважаю Юднѣя и Гетти, какъ добрыхъ дѣвушекъ. Но бросьте ваши попытки, потому что я вамъ прямо говорю, что я никогда не поддамся на хитрыя слова, чтобы чьибудь сдѣлать противъ моихъ правилъ. Оставьте меня въ покоѣ.

Ривеноакъ, удостовѣрившись, что не будетъ имѣть съ Звѣробоемъ никакого успѣха, всталъ и вернулся къ своимъ товарищамъ, чтобы сообщить имъ о своихъ переговорахъ съ плѣннымъ. Между тѣмъ къ этому послѣднему приблизился другой молодой индѣецъ, ударилъ себя хвастливо по голой груди и гордо воскликнулъ.

— Это Барсовая Кошка!

— А это Соколиный Глазь, спокойно возразилъ Звѣробой. — Мой глазъ зорокъ, а прыжокъ моего брата далеко хватаетъ?

— Откуда до селеній Делаваровъ. Соколиный Глазь украдъ мою жену, онъ долженъ привести ее назадъ или его скальпъ будетъ посаженъ на колы и высушится въ моей хижинѣ.

— Гуронъ! Соколиный Глазь происходитъ не изъ воровскаго племени и ничего не украдъ. Называя Ватаву своею женою, вы ошибаетесь, потому что

она никогда не будетъ женою Гурона; ея душа въ хижинѣ Делавара, и когти Барсовой Кошки не достанутъ ея.

— Большой Змѣй Делаваровъ просто пещь, несчастная лягушка, скрывающаяся въ водѣ. Онъ боится стать на твердой землѣ, какъ храбрый индѣецъ.

— Ну, это уже безстыдная ложь, потому что еще не прошло часу, какъ онъ былъ отъ васъ на разстояніи только ста футовъ. Вы, можетъ быть, похищаете дѣвушекъ вашими барсовыми кошками, но ухо бѣлаго можетъ различить правду отъ лжи.

— Ватава смѣется надъ нимъ; она видитъ, что онъ хромой и плохой охотникъ, никогда небывшій въ бою.

— Откуда вы это знаете? спросилъ смѣясь Звѣробой; я думаю, она послѣдовала за нимъ добровольно и, быть можетъ, предпочитаетъ змѣя незаконнорожденной кошкѣ. Нѣтъ, ищите себѣ лучше жену между Ирокезками, потому что изъ Делаваровъ вы никогда добровольно ни одной не получите.

Рука индѣйца схватила томагаукъ и судорожно сжала его, какъ будто онъ имѣлъ большую охоту выместить свою злость на противникѣ. Но въ этотъ опасный моментъ вернулся Ривеноакъ и сдѣлалъ молодому индѣйцу повелительный знакъ удалиться. Этотъ повиновался, и Ривеноакъ снова занялъ свое прежнее мѣсто возлѣ Звѣробоя, на древесномъ пнѣ. Нѣсколько времени сидѣлъ онъ важно и молча, съ строгимъ достоинствомъ индѣйскаго начальника.

— Соколиный Глазь правъ, сказалъ онъ наконецъ: глазъ его зорокъ и прозрѣлъ правду, пока наши глаза были слѣпы. Онъ какъ сова видитъ въ темнотѣ; онъ не можетъ измѣнить своимъ друзьямъ и умертвить ихъ. Онъ правъ.

— Ну, я очень радъ, что вы такъ думаете, возразилъ Звѣробой. Хотя я мало забочусь о старомъ Гуттерѣ, но все-таки никогда не буду предателемъ его, такъ какъ, по моему мнѣнiю, всякая хитрость кромѣ военной, несогласна съ справедливостью и даже противна Евангелiю.

— Да, мой бѣлый братъ правъ, и тотъ не знаетъ, кто забываетъ своего Бога и свой цвѣтъ кожи. Гуроны знаютъ, что плѣнникъ ихъ доблестный воинъ и сообразно тому будутъ обращаться съ нимъ. Если его будутъ пытать, то средства пытки будутъ такія, которыя не примѣнялись ни къ одному обыкновенному человѣку; если же съ нимъ будутъ поступать какъ съ другомъ, то оказанная ему дружба будетъ дружба начальниковъ.

Выражая такія страшныя увѣренiя своего уваженiя, коварный Ирокезь исподлобья глядѣлъ на лицо Звѣробоя, чтобы увидать на немъ впечатлѣнiе своихъ словъ; но этотъ, зная, въ чемъ именно по индiйскимъ обычаямъ заключается уваженiе къ плѣннымъ, почувствовалъ легкую дрожь при мысли объ ожидавшихъ его мукахъ; при всемъ томъ онъ сохранилъ столько твердости и спокойствiя, что хитрый

врагъ не замѣтилъ на лицѣ его никакихъ слѣдовъ слабости.

— Ну, Гуронъ, продолжалъ онъ послѣ краткаго молчанiя:—Богъ предалъ меня въ ваши руки, и я не сомнѣваюсь, что вы поступите со мною по вашему усмотрѣнiю. Я не знаю, какъ перенесу муки, потому что еще не случалось подвергаться имъ, но я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы быть достойнымъ того племени, которому принадлежу и которое меня воспитало. При всемъ томъ я бѣлой крови, и если мучительныя боли переселятъ меня, то я надѣюсь, что вы припишете это цвѣту моей кожи, а никакъ не обычаямъ Делабаровъ и союзниковъ ихъ Могибанъ. Мы всѣ рождены съ большими или меньшими слабостями, но я боюсь, что блѣднолицый можетъ умереть отъ мукъ, между тѣмъ какъ краснокожiй будетъ пренебрегать ими и прямо въ лицо врагу хватать своими дѣянiями.

— Это мы увидимъ; у Соколинаго Глаза храбрый и твердый видъ; но зачѣмъ же мучить его, если онъ Гуронамъ нравится; онъ не рожденъ врагомъ ихъ, и смерть одного воина не навсегда поставитъ между нами непреодолимую преграду.

— Я очень радъ, что вы не злопамятны за то, что я умертвилъ одного изъ вашихъ въ правильномъ бою; но ужъ это неправда, что между нами нѣтъ никакой вражды. Что касается до меня, то я имѣю чувства Делавара, и можете судить, въ какой степени они дружелюбны въ отношенiи къ Мингосамъ.

Вдругъ Звѣробой остановился, потому что перенить внезапно показалась у огня, подобно привидѣнію, Гетти и Гуттеръ. Никѣмъ незамѣченная, приблизилась она прямо къ костру безъ всякой боязни, что можно было объяснить какъ ея образомъ мыслей такъ и прежнимъ обхожденіемъ съ нею индѣйцевъ. Какъ только Ривеноакъ увидалъ ее, онъ тотчасъ отшелъ, кликнувъ нѣсколько молодыхъ воиновъ и поручилъ имъ осмотрѣть окрестности, боясь, что появленіе Гетти могло служить признакомъ новой атаки.

— Я надѣюсь, вашъ приходъ служить доказательствомъ, что Чингахгокъ и его невѣста въ безопастности, сказала между тѣмъ Звѣробой Гетти. — Зачѣмъ вы сюда пришли?

— Юдвѣ, послала меня, возразила Гетти: — Она довезла меня въ челнокъ до берега, какъ только возвратились Чингахгокъ съ Ватавой и рассказали все дѣло.

— Такъ это Юдвѣ васъ послала; а зачѣмъ?

— Чтобы убѣдить Ирокезовъ взять еще болѣе слоновъ за вашъ выкупъ. Но я думаю, что Библия, которую я захватила съ собой, произведетъ на нихъ болѣе дѣйствія, чѣмъ всѣ слоны моего отца.

— А отецъ вашъ и Гурри знали о вашемъ намѣреніи?

— Нѣтъ, они оба спали, и мы нарочно не будили ихъ, чтобы они опять не вздумали идти на добычу.

— Въ такомъ случаѣ, Гетти, выслушайте со вниманіемъ, что я вамъ скажу. Ривеноакъ сейчасъ ото-

шелъ отъ насъ и говоритъ тамъ съ молодыми людьми; хотя я не слышу его словъ, но знаю его намѣренія. Онъ отдаетъ приказаніе наблюдать за вами и отыскать мѣсто, гдѣ долженъ ожидать васъ челнокъ. Потомъ онъ хочетъ овладѣть имъ, отвезти васъ къ ковчегу и захватить тамъ все, что можетъ. Поэтому мнѣ очень жаль, что Юдвѣ послала васъ, ибо ей придется напрасно ждать вашего возвращенія.

— Нѣтъ, Звѣробой, это уже все предусмотрено, и мнѣ не трудно будетъ обмануть бдительность индѣйцевъ. Я, правда, слабоумна, но на столько еще имѣю разсудка, чтобы сумѣть воротиться къ Юдвѣ, когда окончу здѣсь свое дѣло.

— Ахъ, милая дѣвушка, я боюсь, что все это легче сказать, чѣмъ сдѣлать, потому что Мингосы— это самое ядовитое порожденіе червей. Я только радъ, что Чингахгокъ и Ватава спасены; покрайней мѣрѣ двое счастливы, а сонной пусть будетъ что будетъ.

— Вы мнѣ еще что-то напомнили. Юдвѣ велѣла спросить васъ, что хотятъ съ вами дѣлать Гуроны, если не согласятся на вашъ выкупъ, и чѣмъ она можетъ быть вамъ полезна?

— Что до меня касается, то ничего особеннаго случиться не можетъ, отвѣчалъ Звѣробой. Берегитесь только сами, чтобы бродяги не овладѣли челнокомъ. Когда вернетесь на судно, то скажите всѣмъ, чтобы всегда были на-сторожѣ, въ особенности ночью, и не оставались на одномъ и томъ же мѣстѣ. Не много пройдетъ времени, пока войска въ фортѣ услышатъ

объ этой шайкѣ, а такъ какъ отъ форта сюда тамъ одинъ день перехода, какъ говорили мнѣ Гуттеръ то можно ожидать скорой помощи. Отцу вашему Гурри передайте, чтобы они пока отложили охоту скальпани, потому что Мингосы на ногахъ, и они вѣрно погибнуть, если не постараются поставить между собою и ими большое пространство воды.

— Но что же мнѣ передать Юдини о васъ? Она опять пошлетъ меня сюда, если я не принесу ей новыхъ извѣстій.

— Такъ скажите ей всю правду, что я въ мѣсяцѣ у дикихъ, и что одному Богу извѣстно, чѣмъ кончится. Дикари пробовали склонить меня на мѣну и предательство, но это имъ не удалось, и когда не удастся совратить меня съ пути истиннаго. Теперь они, вѣроятно, приступаютъ къ мукамъ, чтобы ослабить меня и отомстить за павшаго товарища. Я знаю, что мнѣ придется плохо, но скажите Юдини, чтобы она обо мнѣ не беспокоилась; я надѣюсь пережить мученія и ни въ какомъ случаѣ не доведу того, чтобы измѣнить друзьямъ. Если мнѣ будутъ прокалывать тѣло раскаленнымъ желѣзомъ, разбивать кости и вырывать волосы съ корнями, ну, тогда, быть можетъ, слабая природа возьметъ верхъ и вызоветъ крики и стоны, но въ этомъ будетъ торжество злодѣевъ, потому что ничто не можетъ заставить меня измѣнить моему цвѣту и мнѣ припадкамъ.

Гетти выслушала слова честнаго Звѣробоя съ бо-

льшимъ вниманіемъ, затѣмъ подала ему руку, простилась съ нимъ и съ такой силой воли и рѣшимостью приблизилась къ группѣ женщинъ, какъ будто была ихъ соплеменницею. Между тѣмъ Ривеноакъ снова помѣстился рядомъ съ плѣнникомъ и съ настойчивымъ коварствомъ индѣйскаго начальника, продолжалъ задавать ему вопросы, на которые тотъ отвѣчалъ съ свойственною ему правдою и откровенностію.

Въ то же время возвратились посланные Ривеноакомъ лазутчики и донесли, что нигдѣ не видно ничего подозрительнаго, изъ чего и заключили, что Гетти пришла одна съ намѣреніемъ попытаться освободить Звѣробоя, какъ уже пробовала разъ во время плѣна отца ея и Гурри. Поэтому только разставили нѣсколькихъ часовыхъ, а остальные беззаботно улеглись спать.

На счетъ плѣнника считали себя достаточно обезпеченными, чтобъ не дѣлать ему боли сильнымъ связываніемъ, а бѣдной Гетти приказали безъ дальнѣйшихъ разговоровъ лечь между индѣйскими дѣвушками. Ей дали звѣриную шкуру, она сама устроила себѣ ложе изъ хвороста нѣсколько въ отдаленіи отъ шалашей, и скоро заснула, какъ и всѣ прочія.

Была уже полночь, когда Гетти проснулась, какъ и было ея намѣреніе. Она встала, покинула лагерь, безъ боязни приблизилась къ костру, поглядѣла на него и взглянула на лицо карауливаго Звѣробоя Гурона, котораго глаза сверкали въ темнотѣ, какъ глаза преслѣдуемаго огнемъ барса. Гетти сказала ему по-англий-

ски нѣсколько словъ, которыя впрочемъ не были по-
няты, потомъ смотрѣла нѣсколько минутъ на спа-
щаго плѣнника и наконецъ, удалилась съ видимою
горестью и печалью.

Она нисколько не старалась скрывать свои движенія,
но прямо направилась къ концу мыса. Индѣецъ же
дѣлъ ей уходъ безъ всякой заботы; зная, что вездѣ
разставлены часовые, онъ не думалъ, чтобы дѣвушка
попыталась убѣжать. Гетти между тѣмъ нашла
рогу къ берегу и шла вдоль его, пока наткнулась на
часоваго, который ходилъ по берегу взадъ и впередъ.
Молодой воинъ, услыжавъ ея шаги, быстро приблизился,
но безъ всякихъ угрожающихъ намѣреній; когда же
онъ узналъ ее, то равнодушно отвернулся, не говоря
ничего особеннаго въ томъ, что молодая дѣвушка
не спитъ въ такой часъ ночи. Гетти спокойно про-
шла далѣе, пока достигла того мѣста, гдѣ знала, что
Юднѣеъ ждетъ ее. Она тотчасъ явилась съ челнокомъ,
на ея зовъ и, немедленно посадивъ ее, отчалила
гребла прямо, пока достигли ста шаговъ разстоянія
отъ берега; потомъ, перемѣнивъ ходъ челнока, она
направилась къ пловучему дому.

— Ну, Гетти, здѣсь мы въ безопасности, сказала
Юднѣеъ послѣ нѣкотораго молчанія, — здѣсь можешь
болтать, не опасаясь быть услышанными; скажи мнѣ,
говорила ли ты съ Звѣробоемъ?

Гетти рассказала подробно все случившееся, и Юднѣеъ
выслушала ее съ напряженнымъ вниманіемъ. Потомъ
тяжело вздохнувъ о вѣроятности горькой судьбы Звѣ-

робоя, осталась нѣсколько минутъ погруженною въ
размышленія.

— Гетти, наконецъ сказала она, — мы всячески
должны придумать средства освободить честнаго охот-
ника изъ плѣна. Шкапъ отца находится на суднѣ,
и мы можемъ сперва попытаться выкупить плѣнника
слонами; но я боюсь, что эти игрушки едва ли бу-
дутъ достаточны для выкупа такого воина, какъ Звѣ-
робой, и потому опасаясь, что отецъ и Гурри не
выкажутъ столько готовности къ освобожденію Звѣ-
робоя, сколько выказалъ онъ когда они находились
въ плѣну.

— Отчего же такъ, Юднѣеъ? Гурри и Звѣробой
друзья, и я думаю, что друзья должны помогать другъ
другу.

— Ты мало знаешь людей, вздохнувъ отвѣчала
Юднѣеъ.— Но не въ томъ дѣло, завтра тебѣ опять надо
отправиться на берегъ, чтобъ разузнать, что можно
сдѣлать для Звѣробоя. Одно вѣрно это, что, пока я
жива, не допущу, чтобы его мучили; найдутся же
средства облегчить судьбу его.

Говоря эти слова, Юднѣеъ старалась отыскать судно;
но это было очень трудно при такой темной ночи,
и послѣ получасовыхъ стараній, дѣвушки дошли до
положительнаго и неожиданнаго убѣжденія въ томъ,
что судно безъ ихъ вѣдома перемѣнило мѣсто.

— Только бы подѣйцы не переѣхали на плотяхъ
и не застали нашихъ друзей спящими, сказала Юднѣеъ
заботливо.

— Нѣтъ, этого я не думаю, возразила Гетти, — Чивагахтокъ и Ватава вѣрно не спали.

— Да, это вѣрно, и мы должны были бы услышать какойнибудь шумъ при тишинѣ ночи. Я думаю, въ случаѣ нападенія, голосъ Гурри слышенъ былъ бы отъ одного берега до другаго.

— Можетъ быть отецъ думалъ, что мы спимъ, и не посмотрѣвъ, направился къ дому.

— Да, Гетти, должно быть, что такъ, согласна Юдиень. — Они, вѣроятно, пользуясь южнымъ вѣтромъ поплыли вверхъ по озеру и...

Юдиень вдругъ смолкла, потому что въ ту же минуту, какъ выговорила послѣднія слова, вся окрестность внезапно освѣтилась на мгновеніе ярко блестящимъ огнемъ. Затѣмъ послѣдовалъ выстрѣлъ, и громовое эхо пронеслось вдоль берега. Въ ту самую минуту раздался раздрающій вопль женщины, наполнившій воздухъ продолжительными криками. Потомъ наступила глубокая, страшная тишина; Юдиень едва дышала, Гетти же спрятала лицо въ руки и дрожала какъ осиновый листъ.

— Это былъ крикъ женщины, прошептала, наконецъ, Юдиень, — и крикъ болѣзненный. Если пловучій домъ удался, то онъ могъ поплыть только на северъ, а оттуда, съ этого мыса, раздавался выстрѣлъ и крикъ. Пожалуй, что нибудь случилось съ Ватавой.

— Поплывемъ туда, Юдиень, и посмотримъ, вскрикнула подъ влияніемъ своего добраго сердца Гетти. Если съ ней что случилось, то она нуждается въ

нашей помощи, потому что кромѣ ея на суднѣ одни мужчины.

Не отвѣчая ни слова, Юдиень исполнила желаніе своей сестры и стала грестъ скоро, но осторожно. Скоро глаза ея замѣтили огонекъ между кустами, она направилась въ ту сторону, но не подбѣжала къ берегу ближе, чѣмъ того требовала надобность и необходимая осмотрительность.

Вотъ что представилось взорамъ обѣихъ дѣвушекъ. Дикари изъ лагеря собрались на мысъ, и нѣсколько факеловъ бросали сильный, но дрожащій свѣтъ на все окружающее. Прислоненная спиною къ дереву и опираясь съ одной стороны на руку молодого часоваго, сидѣла индѣйская женщина; при свѣтѣ факеловъ можно было ясно видѣть, что она боролась со смертью; изъ груди ее текла кровь и показывала причину ея страданій. Притомъ же рѣзкій пороховой запахъ еще слышался въ сыромъ, тяжеломъ ночномъ воздухѣ, и потому не оставалось никакого сомнѣнія, что она была застрѣлена. Блескъ выстрѣла показался недалеко отъ оконечности мыса, и смертельный огонь происходилъ или съ пловучаго дома или съ челнока. Быть можетъ только неосторожный крикъ или смѣхъ послужили поводомъ къ выстрѣлу, потому что при царствовавшей глубокой тьмѣ было невозможно вѣрно прицѣлится. Дѣйствіе выстрѣла было однако очевидно, голова бѣдной жертвы повисла на грудь, а неподвижность членовъ показывала присутствіе смерти. Дикари потушили всѣ факелы, кромѣ одного, и при

мерцающемъ свѣтѣ его, вся печальная толпа направилась обратно къ лагерю.

Юдиень вздыхала и сокрушалась, когда снова опустила весла на воду и стала огибать мышь. При бланномъ свѣтѣ факела, она замѣтила высокую фигуру Звѣробоя, въ которомъ принимала такое участие его честность и мужество. Онъ стоялъ около убитой, полный сожалѣнія и даже негодованія на убійцу. Е при этомъ онъ не выказывалъ ни слабости, ни страха, только изъ взглядовъ, которые бросали на него и дѣйцы, можно было ясно понять, что ему представляется страшная будущность.

Между тѣмъ челнокъ плылъ по водѣ, а слѣдовательно пловучаго дома все-таки не было видно, такъ что Юдиень наконецъ предложила отыскать на срединѣ озера удобное мѣсто для отдыха. Гетти согласилась съ ней; челнокъ былъ направленъ къ сѣверу, и съ обоими дѣвушками предались отдохновенію, на сколько было это возможно при ихъ чувствованіяхъ и томъ положеніи, въ которомъ онѣ находились.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Догадки Юдиень о причинѣ смерти бѣдной индѣйской дѣвушки были въ сущности справедливы. Послѣ нѣсколькихъ часовъ сна, Гуттеръ и Гурри проснулись, и притомъ только спустя нѣсколько минутъ послѣ отъѣзда молодыхъ дѣвушекъ, такъ что на пловучемъ домѣ, кромѣ ихъ, оставались только Чингахокъ и его невѣста. Гуттеръ узналъ отъ Делавара о мѣстѣ расположенія лагеря и объ отсутствіи дочерей; послѣднее, впрочемъ, не очень его заботило, такъ какъ ему достаточно извѣстно было благоразуміе Юдиень. — Плѣнь Звѣробоя не произвелъ на него никакого впечатлѣнія; потому что хотя онъ высоко цѣнилъ его мужество, но не могъ особенно любить молодого охотника, котораго понятія такъ рѣзко отличались отъ правилъ, имъ принятыхъ. Ему было бы пріятно ранѣе узнать о мѣстѣ расположе-

нія лагеря, такъ какъ теперь, когда онъ былъ принятъ на ноги бѣгствомъ Ватавы, нельзя было и думать о высадкѣ на берегъ. Досадуя на это, онъ усѣлся на переднемъ концѣ судна, гдѣ скоро присоединился къ нему и Гурри, между тѣмъ какъ Деваваръ и Ватава остались на другомъ концѣ.

— Звѣробой оказался совершеннымъ мальчишески пустившимся къ дикимъ въ такую пору и попавшимъ въ плѣнъ, какъ звѣрь въ западню, пробормотала старшая любившій видѣть сучекъ въ чужомъ глазу и не замѣчавшій бревна въ своемъ. — Если онъ живъ, платитъ за свою оплошность, то ему не на кого жаловаться, кромѣ какъ на себя.

— Совершенно справедливо, отвѣтилъ Гурри; — каждый долженъ стоять за себя и отвѣчать за свои грѣхи. При всемъ томъ меня удивляетъ, какъ онъ при своей хитрости и бдительности попалъ въ плѣнъ. Вѣрно, я имѣлъ о немъ лучшее мнѣніе, чѣмъ сколько онъ заслуживалъ.

Гуттеръ ничего не возразилъ на это замѣчаніе, направилъ пловучій домъ нѣсколько ближе къ мысу, чтобы увидѣть, въ какомъ положеніи были тамъ дѣла. Онъ приблизился къ берегу на столько, сколько это позволяли нависшія надъ водою вѣтви, но все-таки не могъ ничего разсмотрѣть, такъ какъ весь берегъ покрытъ былъ непроницаемою темнотою. Парусъ судна замѣченъ былъ молодымъ часовымъ, который тотчасъ издалъ обыкновенный индѣйскій крикъ «хутъ». Крикъ былъ услышанъ; съ необдуманнымъ звѣр-

ствомъ Гурри приложилъ ружье къ плечу и выстрѣлилъ на удачу. Судьба руководила пулей, которая попала въ несчастную сестру часового, случайную свидѣвшую съ нимъ. Бѣдная дѣвушка упала, и за тѣмъ послѣдовала описанная уже нами сцена факелами.

Гурри въ одно время былъ озадаченъ и послѣдствіями своего выстрѣла и разнообразными ощущеніями, борющимися въ душѣ его. Сперва онъ громко засмѣялся грубымъ и необдуманнымъ торжествомъ, но потомъ сила совѣсти взяла верхъ и уколола его сердце. Въ теченіе минуты имъ овладѣлъ стыдъ и отвращеніе къ самому себѣ, но послѣ снова взяли верхъ его обыкновенное упрямство и дикая злоба; онъ сильно толкнулъ дуло ружья своего на дно пловучаго дома и съ возмущительнымъ равнодушіемъ сталъ насвистывать какую-то веселую мелодію.

Спутники Гурри смотрѣли на его поступокъ не съ такимъ хладнокровіемъ, какъ онъ самъ, Гуттеръ громко выразилъ свое осужденіе, такъ какъ выстрѣлъ не принесъ ни малѣйшей пользы, и грозилъ только сделать войну болѣе лютою. Чингахгокъ бросалъ на безсмысленнаго убійцу мрачные взгляды, а Ватава бросилась къ Гурри, чтобы, безъ всякой боязни, выскричать ему свои упреки.

— Зачѣмъ вы стрѣляли? сказала она, полная негодованія. — Что вамъ сдѣлали дѣвушки, что вы ихъ убиваете? Что, вы думаете, скажетъ Богъ о такомъ поступкѣ? что будутъ дѣлать Ирокезы? О, вы ниче-

никогда не выиграете, ни почести, ни лагеря, ни плѣнныхъ, ни скальпъ. Вы большая сосна, дѣвушка ижная береза; зачѣмъ же раздроблять ее? Неужели вы думаете, что Гуроны забудутъ это? Нѣтъ, краснокожіе никогда ничего не забываютъ, ни другу, ни врагу!

Гурри былъ потрясенъ сильнымъ и горячимъ паденіемъ индѣйской дѣвушки, имѣвшей вѣрную союзницу въ его совѣсти. Онъ замолчалъ, чувствуя, что поступокъ его запятналъ навсегда его мужество. Вместо того, чтобъ разразиться злыми рѣчами, онъ отошелъ отъ Ватавы, принявъ видъ человѣка, который считаетъ ниже своего достоинства вступать въ споръ съ женщиной.

Между тѣмъ Гурри снова направилъ судно въ средину озера, какъ будто инстинктивно опасаясь кровавой мести, и цѣлый часъ прошелъ въ глубокомъ молчаніи, прервать которое никто не имѣлъ охоты. Ватава удалилась въ каюту, а Чингахгокъ дремалъ лежа на передней части судна. Только Гуттеръ и Гурри бодрствовали, первый стоя у руля, а второй размышляя о своемъ поступкѣ съ упрямствомъ человѣка, который не хочетъ сознаться въ своей ошибкѣ, хотя червь сосетъ его сердце.

Ночь была темна и спокойна, и вѣтеръ дулъ весьма слабо то съ той, то съ другой стороны. Гуттеръ держался болѣе къ сѣверу до тѣхъ поръ, пока стало свѣтать. Тогда онъ направился прямо къ замку, имѣя намѣреніе занять его хотя на одинъ день, обождавъ

тамъ дочерей, и затѣмъ вновь начать дѣйствія противъ индѣйцевъ.

Въ это время Чингахгокъ уже проснулся, а тава хлопотала въ кухнѣ. Замокъ уже отстоялъ болѣе мила, и вѣтеръ сталъ достаточно крѣпко, того, чтобы судно подъ парусомъ могло приблизиться къ нему. Въ эту минуту замѣтили также, въ сѣверномъ направленіи, на самомъ широкомъ мѣстѣ озера, челнокъ Юдиои, который, гонимый теченіемъ, плылъ незамѣтно мимо пловучаго дома. Гуттеръ и часть схватили подозрную трубу, чтобы убѣдиться, что дочери его действительно находятся въ челнокѣ, и съ большою радостію увидѣлъ Юдиои и Гетти, коиъ послѣдняя стояла на колѣняхъ и молилась, а первая учила ее тому покойная мать.

Когда Гуттеръ хотѣлъ спрятать трубу, Чингахгокъ взялъ ее у него, и также направилъ на челнокъ. Онъ впервые употреблялъ подобный инструментъ, и въ первый разъ вырвавшася у него восклицанія, Ватава поняла, что онъ увидѣлъ нѣчто особенное, достойное удивленія. Но Чингахгокъ тотчасъ превозмогъ всякое выраженіе удивленія, которое онъ считалъ несоотвѣтствующимъ достоинству индѣйскаго начальника, и передалъ трубу своей невѣстѣ. Когда эта поднесла ее къ своимъ глазамъ, то вдругъ, озадаченная, отступила нѣсколько шаговъ назадъ, но потомъ захопала въ ладоши и радостно засмѣялась въ знакъ совершенно новаго даннаго изумленія. Она направляла трубу на предметъ, представлявшійся предметъ, сперва обозрѣла о

потомъ берегъ, горы, наконецъ самый замокъ, и все съ большимъ вниманіемъ. Вдругъ она отвела глаза, и тихо сказала нѣсколько словъ своему жениху, который тотчасъ взялъ трубу, и сталъ долго и внимательно смотрѣть вдаль. Послѣ того они обмѣнялись еще нѣсколькими словами, сообщили другъ другу свое заключеніе, положили трубу въ сторону, и Чингахгокъ оставилъ каяту, чтобъ отыскать Гурри и Гуттера.

Пловучій домъ уже значительно приблизился къ замку, и находился отъ него въ разстояніи не болѣе полумили, когда Чингахгокъ подошелъ къ обоимъ пріятелямъ на заднюю часть судна. Хотя онъ казался совершенно спокойнымъ, но оба тотчасъ замѣтили, что онъ имѣетъ имъ что-то сообщить, и Гурри пошелъ прямо къ цѣли, встрѣтивъ его слѣдующими словами.

— Сообщите намъ ваши извѣстія, краснокожіе! увидѣли ли вы дыкую кошку или случилось съ вами что нибудь необыкновенное? говорите прямо.

— Неблагоразумно плыть къ замку, твердо и съ удареніемъ на каждомъ словѣ отвѣчалъ Чингахгокъ, — тамъ Гуроны.

— Чортъ возьми, если это правда, мы бы хороши попали! Гуроны въ замкѣ! можетъ быть это и такъ, но я не вижу около вѣзда ничего кромѣ блоковъ воды и коры.

Прежде чѣмъ, высказать свое мнѣніе, Гуттеръ взялъ подозрительную трубу и осмотрѣлъ жилище свое съ особеннымъ вниманіемъ и заботливостью; потомъ онъ

объявлялъ, что его мнѣніе не сходится вовсе съ мнѣніемъ индѣйца.

— Да, да, вы вѣрно держали трубу вверхъ гамн, вскричалъ Гурри; ни я, ни старый Томъ не димъ на озерѣ никакихъ слѣдовъ.

— На водѣ не остается слѣдовъ, сказала Ва

остановитесь, не плывите дальше, тамъ Гуроны

— Ну, рассказывайте ваши сказки другимъ, рые, можетъ быть, повѣрятъ. Я надѣюсь, Чингахгокъ, что вы то же скажете, когда вернетесь до Гуроны тамъ! Да гдѣ же они могли бы быть? Не вы сильно заблуждаетесь.

— Развѣ вы не видите мокассинъ, сказала Ва откройте глаза и смотрите.

— Дайте сюда трубу, Гурри, сказалъ Гуттеръ спустите парусъ. Индѣянка рѣдко мѣшается въ дѣла, а если ужъ заговорить, то значить дѣйствительно есть опасность. Я вижу мокассинъ, и конечно, служить признакомъ, что Ирокезы во нашего отсутствія посѣщали замокъ.

Гурри прибралъ парусъ, и пловучій домъ близился къ замку на разстояніе около двухъ шаговъ. Еще разъ каждый по очереди бралъ трубу и какъ замокъ, такъ и все его окружавшее, подвергнуто подробному и внимательному изслѣдованію. Мокассинъ замѣтили всѣ, онъ висѣлъ наружной сторонѣ забора; но его присутствіе было объяснено на разные манеры, и нельзя было достовѣрностью признать, что врагъ оброну

тамъ. Онъ могъ свалиться съ платформы въ то время, когда Гуттеръ еще не покидалъ замка; могъ также, плывя издалека по водѣ, подплыть къ замку; наконецъ, могъ быть потерянъ лазутчикомъ или другимъ воиномъ во время ночи, и по причинѣ темноты не отысканъ. Всѣ эти соображенія Гуттеръ высказалъ Гурри, который дѣйствовалъ съ свойственнымъ ему хладнокровіемъ. Чингахгокъ же, напротивъ того, утверждалъ, что на мокассинѣ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на признакъ опасности, подобно тому, какъ еслибъ онъ найденъ былъ въ лѣсу. Ватава сдѣлала предложеніе; она вызвалась переплыть въ челнокѣ къ забору и достать самый мокассинъ, по которому тотчасъ можно судить, приваложить ли онъ Ирокезамъ или нѣтъ. Бѣлые тотчасъ согласились принять это предложеніе, но Чингахгокъ сталъ противорѣчить, и препятствовалъ такому рѣшительному шагу.

— Если необходимо сдѣлать попытку, сказалъ онъ съ достоинствомъ, то это дѣло война, а не слабой женщины.

— Ну, хорошо, такъ идите сами, Делаваръ, рѣзко сказалъ Гурри; — мы должны имѣть мокассинъ, иначе старому Тому придется держаться въ отдаленіи, пока простынетъ очагъ въ его каютѣ. Ну, такъ какъ же, вы отправитесь, или я?

Чингахгокъ, не говоря ни слова, вскочилъ въ челнокъ и опустилъ весла на воду. Ватава молча смо-

трѣта ему въ слѣдъ съ особенною заботливостію, и челнокъ, какъ птица, полетѣлъ къ замку.

Хотя Чингахгокъ наружно не выказывалъ никакаго безпокойства, но тѣмъ не менѣе приступилъ къ своему трудному предпріятію съ большой заботой и вниманіемъ. Если замокъ былъ занятъ врагами, какъ онъ полагалъ почти навѣрное, то прямо рисковалъ попасть подъ ихъ выстрѣлы, не имѣя никакихъ средства къ защитѣ, которая признается необходимою каждымъ индѣйцемъ. Притомъ нельзя было думать оказать какую либо услугу, и еслибы Делаваръ имѣлъ болѣе опытности, или Звѣрбой тут находился, то, вѣроятно, предпріятіе было бы оставлено, такъ какъ даже успѣшный исходъ его не могъ отвратить грозившую опасность.

При такихъ обстоятельствахъ Чингахгокъ направился прямо къ забору, бросая постоянно бдительные взгляды на различныя отверстія строенія. Онъ ежеминутно ожидалъ увидѣть дуло ружья, или услышать шелканіе курка; но тѣмъ не менѣе достигъ забора благополучно и безпрепятственно. Здѣсь уже находился онъ въ меньшей опасности, такъ какъ заборъ отдѣлялъ его отъ замка; но челнокъ направился къ сѣверу, и находился отъ мокассина въ небольшомъ разстояніи. вмѣсто того, чтобы тотчасъ взять его, Делаваръ медленно объѣхалъ кругомъ всего строенія, внимательно осматривая каждый предметъ, который могъ обнаружить присутствіе непріятеля или совершеніе имъ какихъ-либо насилій.

Однако онъ не открылъ никакихъ слѣдовъ, которые бы служили подтвержденіемъ его предположеній. Ташина царствовала по всему зданію, каждая задвижка была на своемъ мѣстѣ, всѣ окна цѣлы, дверь казалась крѣпко запертою, какъ въ то время, когда Гуттеръ покинулъ жилище, даже завалы дока находились въ обыкновенномъ состояніи. Самый зоркій глазъ не могъ замѣтить никакихъ слѣдовъ непріятельскаго посѣщенія, кромѣ только мокассина, который спокойно держался на поверхности воды.

Чингахгокъ оставался въ нерѣшительности; сперва онъ имѣлъ намѣреніе взойти на платформу, чтобы чрезъ отверстіе бросить взглядъ во внутренность зданія, но скоро одумался, вспомнивъ, что при обыкновенныхъ хитростяхъ индѣйцевъ, это была бы съ его стороны, въ настоящемъ случаѣ, большая ошибка. Поэтому онъ отложилъ намѣреніе высадиться, обѣхалъ кругомъ забора, приблизился къ мокассину и незамѣтнымъ ударомъ весла взбросилъ его въ челнокъ, приготовясь опять удалиться отъ замка. Но обратный путь представлялъ еще болѣе опасностей, потому что теперь глаза его не могли постоянно наблюдать за всѣми отверстіями. Если кто нибудь находился внутри замка, то безъ сомнѣнія видѣлъ, что Делаваръ пріѣзжалъ изслѣдовать положеніе дѣла, и поэтому всего благоразумнѣе было удалиться съ полнымъ спокойствіемъ, какъ будто съ обзоромъ строенія исчезло всякое подозрѣніе. Этому и послѣдовалъ Чингахгокъ, и началъ мѣрно грести

по направленію къ судну, не выказавъ внутренняго безпокойства, ни слишкомъ быстрыми взмахами веселъ ни брошенными украдкой взглядами назадъ.

Ватава почти вскрикнула отъ радости, когда увидѣла, что женихъ ея возвратился на пловучій домъ невредимымъ, но все-таки удержала свои шумныя порывы восторга, и удовольствовалась тѣмъ, что встрѣтила Чингахгока съ дружеской, радостной улыбкой.

— Ну, Делаваръ, закричалъ ему на встрѣчу Гурри, — что тамъ новаго? показали вамъ Мингосы зубы, пока вы объѣзжали замокъ?

— Замокъ мнѣ не понравился, коротко отвѣчалъ Чингахгокъ. — Тамъ слишкомъ спокойно; можно молчать и видѣть.

— Ну это совершенно по-индѣйски! Какъ же можетъ быть шумно тамъ, гдѣ никого нѣтъ. Если вы не имѣете другихъ, болѣе основательныхъ, причинъ, то старому Тому остается за лучшее прямо направиться къ замку. А гдѣ же мокассинъ?

— Здѣсь, отвѣчалъ Чингахгокъ, поднявъ вверхъ свою добычу.

Онъ былъ внимательно осмотрѣнъ и единогласно признанъ за собственность Гурона. Изъ этого, впрочемъ, все-таки нельзя было вывести заключенія, что Гуроны находятся въ замкѣ, и обувь ничего не объясняла, хотя возбуждала много заботъ, особенно индѣйца. Между тѣмъ Гурри и Гуттеръ, при такомъ грозившемъ признакѣ, не уклонились отъ своего и

мѣренія, и направились прямо къ замку, внимательно осматривая строеніе по мѣрѣ приближенія къ нему.

Такъ какъ мертвая тишина продолжалась, то и трудно было заключить, чтобы живое существо могло находиться въ замкѣ. Судно пристало къ здавію, парусъ былъ убранъ. Гурри вскочиль тотчасъ на платформу, затопалъ ногами отъ радости, что снова находится на крѣпкомъ днѣ, и, по своему обыкновенію, сталъ выражать въ громкихъ и рѣзкихъ выраженіяхъ презрѣніе свое къ Гуронамъ.

Гуттеръ же въ это время притянулъ одинъ чеднокъ къ оконечности плота, и взошелъ въ него, чтобы устранить завалы доковъ, а Гурри, постуцая съ непонятною хвастливостью въ двери замка, послѣдовалъ за нимъ, чтобы помочь при открытіи входа. Чингахгокъ же снова поднялъ парусъ, задѣлъ конецъ каната за одинъ изъ столбовъ, и далъ судну обратное направленіе, чтобы оно остановилось противъ строенія въ такомъ положеніи, что къ нему нельзя было приблизиться иначе, какъ на лодкѣ. Въ слѣдствіе такой мѣры и тѣ части судна, которыя не закрывались каютой, защищены были заборомъ, и потому Делаваръ съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на трудъ свой. Онъ такимъ образомъ могъ защищать нѣкоторое время свою позицію отъ всякаго нападенія изъ замка, и поэтому не ощущалъ уже столько, какъ прежде, заботъ объ безопасности Ватавы.

Между тѣмъ одинъ толчекъ приблизилъ челнокъ къ входу подъ замкомъ; здѣсь еще все казалось цѣло

ни замокъ, ни цѣпь, ни запоръ не были сдвинуты или повреждены. Гуттеръ досталъ ключъ, снялъ замокъ, отперъ цѣпь, и толкнулъ дверь. Гурри сперва просуну въ отверстіе голову, затѣмъ руки, и наконецъ протѣлъ туда весь. Тотчасъ послышались на верху тяжелые шаги въ томъ проходѣ, который раздѣлялъ комнаты Гуттера и дочерей его, а вслѣдъ за тѣмъ раздался громкій крикъ торжества.

— Идите на верхъ, Томъ, кричалъ Гурри изъ внушенности строенія. — Вашъ домъ здоровъ, хорошо сохранился, и такъ же пусть, какъ орѣхъ, побывавшій въ запахѣ у бѣлки. Идите на верхъ! Делаваръ сказалъ, что можно видѣть молчаніе, пусть же онъ поднимется, тогда можетъ и схватить оное.

— Ну, тамъ, гдѣ вы находитесь, Гурри, нельзя сказать, чтобы молчаніе и тишина не прерывались, возразилъ Гуттеръ, слѣдуя за своимъ товарищемъ. — Въ тамъ рычите точно подстрѣленный левъ.

— Идите, старый товарищъ, раздавался снова голосъ Гурри; подымайтесь, откроемъ окна и двери, чтобы было свѣтлѣе и набралось чистаго воздуха. Отворите это окно, а я попытаюсь сдѣлать то же съ этой дверью.

Наступила минута глубокой тишины, за которою послѣдовало какъ бы паденіе тяжелаго тѣла. Вслѣдъ затѣмъ раздавалось сдавленное проклятіе Гурри, и вслѣдъ за тѣмъ внутренность строенія какъ будто ожила. Этотъ страшный шумъ, котораго не ожидалъ даже Делаваръ, нельзя было не понять, потому что это были звуки

которые едва ли издавались тиграми, сражающимися въ клеткѣ. Нѣсколько разъ раздавался воинскій крикъ индѣйцевъ, но онъ звучалъ слабо, какъ будто выходя изъ крѣпко сжатыхъ гортаней, и тотчасъ послѣ того слышалось сдержанное грозное проклятіе Гурри. Казалось, что человѣческія тѣла безпрерывно стучаются объ полъ, и снова тотчасъ поднимаются, чтобы возобновить бой. Чингахгокъ не зналъ, что начать, и находился въ горестномъ затрудненіи. Правда, что все оружіе было на суднѣ, потому что Гурри и Гуттеръ забыли взять свои ружья, но онъ не имѣлъ возможности дѣйствовать ими или передать ихъ въ руки владѣльцевъ. Сражавшіеся были буквально заперты въ клеткѣ, и казалось, столь же невозможно войти къ нимъ, какъ и выйти оттуда. И притомъ что станетъ съ Ватавой, если онъ ее покинетъ? Чтобы устранить это послѣднее препятствіе, онъ приказалъ Ватавѣ сѣсть въ оставшійся челнокъ и плыть къ деревнямъ Гуттера, но она положительно отказалась, и только силою можно было принудить ее оставить плывучій домъ. Тогда Делаваръ, не видя никакой возможности пособить своимъ товарищамъ, отрѣзалъ канатъ, далъ судну сильный толчекъ и отплылъ шаговымъ на двадцать отъ столбовъ. Потомъ онъ схватилъ широкія весла, и ему удалось отплыть еще на нѣкоторое разстояніе, хотя вѣтеръ былъ очень слабъ. Когда онъ пересталъ грести, то плывучій домъ находился на разстояніи отъ замка около ста шаговъ; притомъ, по направленію къ югу, такъ какъ парусъ

былъ убранъ. Юдиѣ и Гетти, которая еще была довольно далеко отъ судна, замѣтили теперь, что что не ладно, и остановились.

Пока все это происходило, жестокой бой въ дождь продолжался съ прежнею силою, и обстоятельства у нихъ пожеланія Гурри болѣе ослабѣвать, проклятія и пожеланія Гурри болѣе раздавались, и самый бой, казалось, потерялъ у много своей силы и стремительности; вдругъ двѣ распахнулась, и поле сраженія перенесено было свѣтъ и воздухъ.

Одинъ изъ Гуроныхъ сорвалъ запоръ двери, и нѣсколькими товарищами бросился на свободное пространство, какъ бы силою вытолкнутый изъ двери. Наконецъ, показался и Гурри, на минуту освобожденный отъ своего настойчиваго врага и рычавшій какъ подстрѣленный левъ. Гуттеръ же былъ уже по манъ и связанъ.

Наступилъ перерывъ, подобно тишинѣ во время страшной грозы. Всѣ чувствовали необходимость свободно вздохнуть, и такимъ образомъ сражавшіеся стали или другъ противъ друга, какъ бѣшеные псы, которыхъ разогнали, ожидая только возобновленія силъ и удобнаго случая для возобновленія борьбы. Мы воспользуемся этимъ промежуткомъ, чтобы объяснить, какимъ образомъ индѣйцы завладѣли замкомъ, и какъ могло случиться, что бой на столь узкомъ пространствѣ обошелся безъ кровопролитія.

Ривеноакъ и его товарищи во время посѣщенія

замка сдѣлали положительныя наблюденія, которые дополнились и подтвердились свѣдѣніями, сообщенными имъ посланнымъ ими мальчикомъ. Поэтому Гуроны знали довольно вѣрно, какъ расположено и укрѣплено было зданіе, и потому могли нанести на него даже ночью съ надеждою на успѣхъ. Не смотря на старанія Гуттера скрыть отъ враговъ оставленіе замка и бѣгство его обитателей, Гуроны это увидѣли; и не успѣвъ пловучій домъ удалиться, какъ отъ берега отправилась плота, чтобы завладѣть замкомъ. Не далеко отъ строснія оба отдѣленія соединились, сообщили другъ другу свои соображенія, и затѣмъ медля подѣхали къ замку съ обѣихъ сторонъ. Такъ какъ онъ, сообразно ихъ ожиданіямъ, остался пустъ, то плоты были посланы обратно къ берегу за подкрѣпленіями, а на платформѣ осталось только двое дикихъ, чтобы съ возможною выгодною воспользоваться своимъ положеніемъ. Имъ удалось добратъ до крыши, отодвинуть часть коры, и дойти до внутренняго потолка зданія. Здѣсь присоединились къ нимъ ихъ товарищи, и тотчасъ прорубили въ деревянномъ потолкѣ отверстіе, черезъ которое спустились въ комнату восемь сильнѣйшихъ индѣйцевъ. Между тѣмъ какъ остальные снова старательно заделали отверстіе въ крышѣ. Такимъ образомъ остались въ домѣ, снабженные достаточнымъ количествомъ оружія и пищи, и рѣшились или выдерживать осаду, или же сдѣлать вылазку, если представится къ тому удобный случай.

Прошла ночь, и раннимъ утромъ плескъ воды бока строенія обнаружилъ Гуронамъ приближеніе пловучаго дома. Когда такимъ образомъ сдѣлалось явнымъ, что бѣлые намѣревы пристать къ замку, то начальникъ индѣйцевъ тотчасъ принялъ мѣры для исполненія задуманнаго имъ плана. Онъ хотѣлъ непременно захватить враговъ живыми, а потому, зная неограниченную дикость своихъ людей, все оружіе, даже ножи, спряталъ въ разныя мѣста, такъ что нельзя было скоро отыскать ихъ. Потомъ приготовилъ крѣпкіе канаты, и каждый отправился на указанное ему въ одной изъ трехъ комнатъ постѣ, чтобы ожидать сигнала къ нападенію на непріятеля.

Кора на крышѣ была, какъ сказано, уложена въ старое мѣсто, и чрезъ то исчезли всякіе слѣды присутствія Гуроновъ; но при этомъ одинъ изъ нихъ потерялъ свой мокассинъ, и въ темнотѣ не могъ найти, такъ что съ сожалѣніемъ бросилъ его. Онъ выдалъ бы этимъ всѣ хитрости Гуроновъ, если бы слова и совѣты Чингахгока были приняты во вниманіе; но мы знаемъ, что этого не случилось, и вернемся на поле битвы.

Мы оставили сражавшихся въ то время, когда они, сильно утомленные напряженіемъ и боемъ, искали отдыха и возобновленія силъ. Только необычайная сила урри дала ему возможность такъ долго держаться противъ численнаго перевѣса враговъ, при чемъ онъ бѣдился, что на самомъ дѣлѣ индѣйцы нимало не отличаются опытностію и ловкостію въ рукопашныхъ

схваткахъ. До сихъ поръ никто еще не былъ сильно раненъ, хотя нѣкоторые изъ Гуроновъ получили жестокіе удары, и только одинъ, который былъ вытолкнутъ въ дверь, лежалъ на платформѣ, неспособный къ дальнѣйшему бою. Нѣкоторые изъ остальныхъ хромали, и самъ Гурри имѣлъ нѣсколько шишекъ и опухолей. Но вообще обѣ стороны старались только собраться съ новыми силами.

Наступившій перерывъ боя, конечно, не могъ долго длиться при настоящихъ обстоятельствахъ, а потому Гурри не медлилъ снова начать битву. Первое грозное движеніе отогнало отъ него всѣхъ индѣйцевъ. Онъ схватилъ одного въ охапку, поднялъ надъ платформой и съ такою силою швырнулъ его въ воду, какъ будто это былъ ребенокъ. Не прошло и полминуты, какъ еще двое присоединились къ первому, причемъ одинъ, упавшій на своего товарища, получилъ тяжелый ушибъ. Тогда остались только четыре врага съ которыми онъ надѣялся скоро справиться, если не будетъ употреблено другаго оружія.

— Ура, старый Томъ, вскричалъ онъ, канальи летятъ въ озеро, и скоро я имъ всѣмъ выѣсть дамъ урокъ плаванія.

Выговоривъ эти слова, онъ далъ сильный ударъ въ лицо раненаго индѣйца, который старался вылезти изъ воды на край платформы, но отъ удара опять погрузился въ воду. Черезъ нѣсколько времени, трупъ его видѣли лежащимъ съ распростертыми руками на песчаной мели, при чемъ руки безсознательно хва-

тались за песокъ и траву, какъ бы для избежанія смерти.

Между тѣмъ Гурри ударилъ еще одного по жи- этотъ тотчасъ упалъ, согнувшись какъ червь, и перь осталось только два непріятеля. Но одинъ изъ нихъ былъ не только самый высокій и сильный изъ Гуронами, но и опытнѣйшій изъ всѣхъ воиновъ, укрьпившій свои мускулы въ бояхъ и переходахъ полѣ битвы. Этотъ начальникъ умѣлъ цѣнить достоинству своего противника, и потому заботился приберегалъ свои силы до послѣдней минуты. Онъ былъ необыкновенное проворство и ловкость, но не смѣлъ бы свалить его, но Гурри не задумался напасть на этого врага, чтобы сбросить его въ воду, подобно другимъ. Завязавшійся тогда бой былъ действительно ужасенъ; одно время онъ былъ такъ быстро и такъ быстры и измѣнчивы были движенія обоихъ противниковъ, что послѣднему индѣйцу было никакой возможности принять въ борьбѣ участіе. Онъ былъ еще неопытный юноша и, полнаго страха и изумленія, неподвижно стоялъ, смотря на сражавшихся.

Гурри сперва попробовалъ бросить своего противника на землю, и потому, схвативъ его за горло и пытался съ обыкновенною своею ловкостію поддеть ему ногу. Но проворныя движенія Гурона воспрепятствовали этому намѣренію; онъ ухватился за одежду Гурри и, крѣпко держась за нее, уклонялся отъ всѣхъ попытокъ уронить его на землю, при чемъ вы-

валъ почти равную своему противнику ловкость. Затѣмъ начался страшный рукопашный бой, который впрочемъ длился не болѣе одной минуты; Гурри, раздосадованный и разсерженный ловкостью своего врага, схватилъ его съ отчаяннымъ усиленіемъ, оторвалъ отъ себя, и съ такою страшною силою бросилъ на одну изъ свай зданія, что дикарь былъ совершенно оглушенъ потрясеніемъ. Хотя боль вызвала у него сдержанный стонъ, тѣмъ не менѣе онъ снова бросился на встрѣчу своему противнику, зная, что все спасеніе зависитъ только отъ рѣшительности дѣйствій. Теперь Гурри схватилъ его за талію, поднялъ надъ платформой, бросилъ его съ силою на землю, и самъ упалъ на него всею своею тяжестью. Этимъ послѣднимъ потрясеніемъ индѣецъ до того былъ оглушенъ, что совершенно находился во власти своего противника. Гурри схватилъ горло своей жертвы обѣими руками, сжалъ съ необычайною силою, и такъ нагнувъ голову Гурона черезъ бортъ платформы, что видѣнъ былъ только одинъ подбородокъ его. Тотчасъ обнаружился результатъ этого приема: глаза дикаря страшно выпучились, языкъ высунулся, а ноздри раздулись почти до разрыва.

Въ ту самую минуту, когда Гурри уже считалъ побѣду совершенно въ своихъ рукахъ, ловко наброшенъ былъ канатъ на его руки, концы соединены петлею, и локти такъ сильно притянуты за спину, что даже громадная сила его не принесла пользы и не могла противостоять нападенію. Въ то же время та-

кой же канатъ связалъ его ноги, и Гурри, не смотря на свое сопротивленіе, былъ оторванъ отъ своей жертвы и покатился по платформѣ такъ просто и легко, какъ простое полѣно. Тѣмъ не менѣе освобожденный противникъ его еще не поднялся, и хотя онъ снова началъ дышать, но голова его до того висѣла черезъ край платформы, что, казалось, затылокъ его былъ вывернутъ. Только постепенно приходилъ онъ въ себя, и прошло нѣсколько часовъ, пока онъ снова былъ способенъ ходить. Ни тѣло, ни душа его не могли скоро оправиться отъ грозившей смерти, вистѣвшей надъ нимъ на волоскѣ.

Паденіе и плѣнъ Гурри имѣли главною причиною слѣдную лютость, съ которою онъ напрягалъ всѣ свои силы въ борьбѣ съ упавшимъ противникомъ. Пока онъ занимался исключительно имъ, двое изъ брошенныхъ въ воду Гуроновъ успѣли вскарабкаться на платформу, а одинъ изъ нихъ имѣлъ довольно присутствія духа, чтобы принести канаты и связать Гурри, пока тотъ занятъ былъ исполненіемъ своего ужаснаго намѣренія задушить врага.

Такимъ образомъ въ одну секунду дѣло приняло другой оборотъ, и только-что торжествовавшій побѣдитель лежалъ связанный въ постыдномъ плѣну. Тѣмъ не менѣе индѣйцы смотрѣли на него съ уваженіемъ, если не со страхомъ, потому что такъ велико было впечатлѣніе, произведенное необычайною силою блѣднолицаго. Безсильное тѣло ихъ лучшаго и сильнѣйшаго воина лежало почти безжизненное на плат-

формѣ, а въ глубинѣ озера видѣлся трупъ одного изъ ихъ товарищей, ухватившагося за траву въ послѣднихъ предсмертныхъ судорогахъ. Такія обстоятельства отняли у побѣдителей всякое торжество, и сдѣлали побѣду ихъ почти такъ же горькою, какъ бы они были побѣжденные.

Чингахгокъ и невѣста его съ пловучаго дома наблюдали за ходомъ боя. Когда Гуроны стали вязать Гурри сзади, Делаваръ схватилъ ружье, но не успѣлъ выстрѣлить, какъ дѣло уже было кончено, и великанъ связанъ. Онъ, конечно, могъ бы застрѣлить одного врага, но скоро отложилъ это намѣреніе, такъ какъ не могъ добыть его скальпъ, а одинъ взглядъ брошенный на Ватаву, заглушилъ въ немъ всякую жажду мести, при которой она могла бы быть въ опасности. Онъ увидѣлъ теперь себя въ неблагоприятномъ положеніи; если Гуроны найдутъ челнокъ, который запрятанъ былъ подъ замкомъ, и пустятся за нимъ въ погоню, то ему отъ нихъ не уйти, потому что онъ не могъ тотчасъ дать пловучему дому скорый ходъ. Онъ только могъ неловко обращаться съ тяжелыми веслами, а Ватава не была въ состояніи оказать ему какую нибудь помощь. Ему пришло на мысль отвезти свою невѣсту въ челнокъ на восточный берегъ озера, а оттуда попытаться поспѣшнѣе бѣжать, чтобы достигнуть селеній Делаваровъ; но многія соображенія не допустили его до такого недуманнаго шага. Онъ положительно зналъ, что все озеро наблюдается шпионами, и что поэтому онъ ни

въ какомъ случаѣ не можетъ незамѣченный приблизиться къ берегу. Кромѣ того, его отбѣздъ не могъ остаться незамѣченнымъ индѣйцами, а Ватава не имѣла достаточно силы, чтобы предпринять бѣгство, которое должно было быть поспѣшнымъ при преслѣдованіи со стороны опытныхъ воиновъ. Сверхъ того Чингахгокъ принялъ во вниманіе и положеніе Звѣробока такой другъ, какъ этотъ, не могъ быть покинутъ въ бѣдѣ ни въ какомъ случаѣ.

Ватава мало заботилась о своей безопасности, она безпокоилась только о двухъ сестрахъ, которыхъ челнокъ во время боя приблизился къ замку на разстояніи трехъ сотъ шаговъ. Здѣсь Юдиень пересталъ грести, и обѣ стояли полныя желанія узнать происходящее; но не имѣли возможности добиться этого такъ какъ самый замокъ закрывалъ отъ нихъ полубитвы.

Обѣ дѣвушки и Чингахгокъ должны были быть благодарны сильной атакѣ Гурри за свою временную безопасность; потому что при другихъ обстоятельствахъ сестры были бы пойманы тотчасъ, какъ только Гуроны овладѣли бы однимъ челнокомъ. Несмѣлость дикарей не мало сражена была боемъ; прошло много времени, пока они оправились отъ впечатлѣній насильственнаго зрѣлища. При всемъ томъ было время, чтобы Юдиень и Гетти искали убѣжища на пловучемъ домѣ, котораго оборонительныя средства хотя на нѣсколько времени могли защитить отъ опасности, и потому ближайшею задачею было найт

средство растолковать это сестрамъ. Ватава стала на оконечности задней части судна, и начала манить дѣвушекъ, чтобы онѣ приблизились; но ея старанія были напрасны, и знаки ея были или вовсе не замѣчены, или не поняты. Въмѣсто того, чтобы отвѣчать на призывъ Ватавы, Юдиѣ направилъ челнокъ назадъ, на самое широкое мѣсто озера, чтобы имѣть болѣе обширное пространство видимаго мѣста и болѣе обширное поле для бѣгства. Въ эту минуту надъ соснами показалось восходящее солнце, и подулъ легкій южный вѣтеръ, дувшій всегда въ эту пору.

Теперь Чингахгокъ могъ употребить въ дѣло парусъ, чтобы попытаться отплыть отъ замка на болѣе далекое и безопасное разстояніе. Судно поплыло, но къ несчастію не въ томъ направленіи, и приблизилось къ платформѣ на близкую дистанцію. Между тѣмъ пловучій домъ уже обратилъ на себя вниманіе Гуроновъ, и Ватава уговаривала своего жениха не рисковать безплодно собою, становясь подъ выстрѣлы враговъ. Чингахгокъ призналъ справедливость этого совѣта; онъ совершенно предоставилъ судно теченію и вѣтру, самъ же съ невѣстою удалился въ каюту и, заперши немедленно двери, сталъ готовить ружья.

Положеніе всѣхъ сторонъ было теперь особенно замѣчательно. Пловучій домъ находился въ нѣсколько южномъ направленіи, едва въ сорока шагахъ отъ замка, съ поднятымъ парусомъ, но пущеннымъ на волю рулемъ. Вѣтеръ медленно, но прямо гналъ его

впередъ на строеніе. Къ счастью онъ проскользнулъ мимо платформы, но задѣлъ за одну изъ свай, и остановился. Въ эту минуту Чингахгокъ искалъ случая выстрѣлить, пока Гуроны, также на готовѣ, держались спрятанными въ домъ. Наполовину задушенными воинъ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, потому что не успѣли унести его, а Гурри, связанный по рукамъ и ногамъ, лежалъ, какъ пластъ на самой срединѣ платформы. Чингахгокъ могъ бы застрѣлить видѣльца, но такъ какъ скальпъ его добыть было невозможно, то и намѣреніе это, непривосившее ему ни чести, ни выгоды, было отложено.

— Протяните багоръ, закричалъ Гурри, и оттолкните судно, тогда удалитесь отъ насъ. А когда вы себя окажете эту услугу, то сдѣлайте мнѣ одолженіе: покончите этого каналью, едва переводящаго тамъ духъ.

Слова Гурри не имѣли никакого дѣйствія, и обратили только вниманіе Ватавы на его положеніе. Она немного подумала, потомъ поставила ротъ къ отверстію, и сказала громкимъ голосомъ:

— Зачѣмъ вы не перевернетесь, чтобы упасть на плоть; Чингахгокъ выстрѣлитъ, если васъ будутъ преслѣдовать.

— Эге, это славная мысль, и я приведу ее въ исполненіе, если вы немного приблизите судно, но положите подушку на бортъ, чтобы мнѣ не очень ушибиться.

Ватава слышала только нѣсколько словъ Гурри,

потому что, когда онъ еще говорилъ, утомленные ожиданіемъ индѣйцы начали стрѣлять, и гуль выстрѣловъ покрылъ собою все прочіе звуки. Такъ какъ первый залпъ не причинилъ никакого вреда, то дѣвушка открыла задвижку двери, которая вела на заднюю часть плота, но не рисковала сама выйти подъ ружейный огонь. Во все это время конецъ пловучаго дома лежалъ плотно у столбовъ, но все дѣлался болѣе шаткимъ, по мѣрѣ того какъ другой конецъ поворачивался и приближался къ платформѣ. Гурри же между тѣмъ, лежалъ лицомъ къ судну, ворочаясь и сгибаясь какъ человѣкъ, чувствующій сильную боль. При этомъ онъ наблюдалъ всякую перемену, и наконецъ замѣтилъ, что судно совершенно свободно и тихо двигалось мимо столбовъ. Теперь пришло время сдѣлать смѣлый шагъ; успѣхъ былъ, конечно, сомнителенъ, но это было единственное средство избѣжать пытки и смерти, и вполне соответствовало рѣшительной смѣлости Гурри. Подождавъ еще минуту, пока задняя часть судна совершенно терлась о платформу, онъ снова началъ ворочаться и кривляться, какъ бы подъ влияніемъ боли, проклиная въ то же время всехъ индѣйцевъ, и Гуроновъ въ особенности, а потомъ вдругъ быстро покотился по направлею къ судну. Въ сто того, чтобъ упасть на плотъ, онъ рухнулъ въ воду, но Ватава, наблюдавшая за всеми его движеніями, предвидѣла этотъ случай. Она искала средствъ помочь ему и, какъ только индѣйцы дали новый залпъ, она стремглавъ побѣжала къ концу плота, схватила

длинный канатъ и бросила его связанному плѣннику. Канатъ попалъ ему на лицо и животъ, и онъ не только успѣлъ ухватиться за него руками, но и зубами вцѣпился въ одинъ изъ концовъ. Гурри былъ опытный пловецъ и умѣлъ помочь себѣ въ этомъ опасномъ положеніи. Въ сто того, чтобы барахтаться и напрасными напряженіями подвергать себя опасности утонуть, онъ вытянулся надъ поверхностью воды, оставивъ сверху только лицо, и оставался въ этомъ положеніи, пока движеніе пловучаго дома, натанувъ канатъ, не повлекло его за собою. Движеніе это служило къ тому, что помогало ему держаться въ той же позиціи, и человѣкъ, подобный ему, могъ бы цѣлую милю позволить пробуксировать себя такимъ образомъ.

Гуроны не замѣтили исчезновенія Гурри, и теперь онъ не только скрытъ былъ отъ нихъ платформою, но и столбы, по мѣрѣ того какъ судно миновало ихъ, оказывали ему ту же услугу. Гуроны были слишкомъ заняты желаніемъ умертвить пулею врага ихъ Чингахгока, чтобы заботиться о человѣкѣ, котораго считали такъ крѣпко связаннымъ. Только движенія судна озабочивали ихъ, и они перешли на сѣверную часть замка, чтобы оттуда имѣть возможность лучше и вѣрнѣе стрѣлять въ отверстія и щели судна. Чингахгокъ также былъ очень занятъ, и столько же зналъ о судьбѣ Гурри, какъ и Мингосы. Когда пловучій домъ, кряхтя, проплылъ мимо сѣверной части замка, то раздался новый ружейный залпъ, но движенія Чингахгока были такъ быстры и осторожны, что ему нельзя

было нанести никакого вреда. Неприятелю досадно было видѣть, какъ пловучій домъ совсѣмъ освободился отъ столбовъ, и вдругъ, ускоривъ ходъ, направился на сѣверъ. Теперь только Ватава сообщила Чингахгоку объ опасномъ положеніи Гурри; этотъ сталъ тотчасъ тянуть канатъ къ себѣ, и въ то же время, когда судно стало удаляться отъ замка, Гуроны вспомнили о своемъ плѣнникѣ. Замѣтивъ его бѣгство, они подняли страшные вопли и открыли по бѣглецу убійственный огонь, но въ эту самую минуту данъ былъ канату внезапный, крутой поворотъ, который, благодаря присутствію духа и хладнокровію Гурри, вѣроятно спасъ ему жизнь. Дѣйствительно, пуля ударила въ то самое мѣсто, гдѣ только-что лежала на водѣ широкая грудь Гурри, и навѣрное попала бы ему въ самое сердце, еслибы онъ не перемѣнилъ положенія. Теперь же она ударила въ воду, отскочила отъ нея и вонзилась въ бокъ каюты. За первую послѣдовали вторая, третья и четвертая пули, но встрѣтили тотъ же отпоръ воды такъ, что не могли быть смертельными, хотя Гурри и чувствовалъ сотрясеніе отъ близости паденія ихъ около его тѣла. Угадавъ свою ошибку, Гуроны стали цѣлить исключительно въ непокрытое, лежавшее на поверхности воды лицо Гурри, но такъ какъ Ватава поминутно дергала канатъ, то цѣль постоянно измѣнялась, и много выстрѣловъ попали по-прежнему въ воду. Наконецъ удалось притянуть неподвижное тѣло къ заду судна, и такимъ образомъ оно исчезло изъ глазъ неприятелей. Чингахгокъ и

Ватава, дѣйствуя подъ защитою каюты, притянули Гурри къ пункту ихъ нахождения, и первый нагнулся черезъ бортъ, перерѣзалъ канатъ, которымъ связанъ былъ Гурри, и съ большимъ трудомъ помогъ ему взлѣзть на судно. Освобожденный, почувствовалъ подъ собою твердое дно, зашагалъ впередъ, но скоро упалъ на землю, утомленный и безсильный; мало-помалу прежнія силы и проворство стали возвращаться къ нему.

Потерявъ изъ виду тѣло Гурри, индѣйцы испустили дикій вой, и три самыхъ сильныхъ изъ нихъ помчались къ воротамъ и прыгнули въ челнокъ. Но пока они захватили съ собою оружіе, отыскали весла и выбрались изъ дока, прошло довольно времени, въ теченіе котораго Делаваръ успѣлъ приготовиться къ отпору. Между тѣмъ пловучій домъ, плыва по вѣтру подъ парусомъ, отдалился отъ замка уже болѣе двухъ сотъ шаговъ и плылъ, хотя не съ особенной быстротой, все далѣе и далѣе. Челнокъ двухъ сестеръ плылъ на разстояніи отъ пловучаго дома не болѣе четверти мили, и очевидно было, что Юдиень нарочно держится въ сторонѣ, такъ какъ она не знала о случившемся и кто именно находится на суднѣ, друзья или недруги. Она гребла въ восточномъ направленіи, и пыталась попасть между обѣими сторонами. Обѣ дѣвушки умѣли хорошо грести, въ особенности же Юдиень отличалась необыкновенною ловкостію.

Когда три Гуроно выѣхали изъ-за забора и увидѣли себя въ необходимости произвести нападеніе на

пловучій домъ въ открытомъ озерѣ, безъ всякой защиты, то рвеніе ихъ значительно охладѣло, и они предпочли направиться къ восточному берегу, чтобы сколь возможно дальше держаться отъ выстрѣловъ Чингахгока. Такая перемѣна сдѣлала положеніе дѣвушекъ весьма опаснымъ, и потому Юдиень немедленно начала отступать къ югу; чтобы не быть совѣмъ отрѣзанною и не попасться въ плѣнъ, она держалась, по возможности, близко къ берегу, не рискуя однако высадиться.

Когда Гуроны начали гнаться за дѣвушками, то Чингахгокъ убралъ парусъ, чтобы, сколько возможно, быть близкимъ къ мѣсту преслѣдованія и имѣть возможность при случаѣ дать сестрамъ убѣжище. Впрочемъ челнокъ дикарей находился не въ блестящемъ положеніи для гонки, такъ какъ въ немъ было только два весла, и третій человекъ былъ совершенно безъ всякой пользы излишнею тяжестью.

Юдиень сначала не слишкомъ напрягала силы свои, хотя впрочемъ челнокъ продолжалъ плыть быстро, и Гетти слѣдовала ей примѣру, потому что обѣ понимали, что наступитъ долгое и горячее преслѣдованіе. Черезъ нѣсколько минутъ индѣйцы убѣдились, что у дѣвушекъ не было недостатка въ опытности но что для того, чтобы догнать ихъ, придется имъ пустить въ ходъ всѣ свои силы и всю ловкость.

При началѣ преслѣдованія, Юдиень направилась къ западному берегу съ явнымъ намѣреніемъ искать въ крайнемъ случаѣ спасенія въ лѣсахъ. Но скоро, въ

надеждѣ утомить своихъ преслѣдователей, она измѣнила направленіе и снова поплыла къ среднѣму озеру. Это показалось Гуронамъ удобнѣйшею минутою напяркъ своихъ силы, такъ какъ вся ширина воды лежала бы предъ ними, еслибы имъ удалось отрѣзать бѣглянокъ отъ берега.

Челноки летѣли туда съ быстротою птичьяго полета, и Юдиень вознаграждала недостатокъ силы необыкновенною ловкостью и присутствіемъ духа. Цѣлую половину индѣйцы не имѣли никакого преимущества, но сильное напряженіе слишкомъ долго длилось и утомило обѣ стороны. Тогда индѣйцы прибѣгли къ прекрасной мѣрѣ, бывшей въ ихъ распоряженіи. Они стали мѣняться у весель; такъ что постоянно одинъ изъ нихъ отдыхалъ, безъ уменьшенія притомъ скорости плаванія. Юдиень, по временамъ оглядываясь, тотчасъ замѣтила хитрость индѣйцевъ и впервые имѣла мало надежды на благополучный исходъ, она поняла, что ея силы никакъ не могутъ сравниться съ силами мужчинъ, при томъ же поочередно отдыхавшихъ. Тѣмъ неменѣе она казалась твердою и остерегалась, чтобы видимыми знаками не обнаружить своего безпокойства.

При всѣхъ выгодахъ своего положенія индѣйцы могли приблизиться къ дѣвушкамъ только на дистанцію двухсотъ шаговъ, хотя плыли совершенно по слѣду и разсѣкали одну и ту же полосу воды. Тѣмъ не менѣе Юдиень не скрывала отъ себя, что разстояніе между ними и непріателемъ становилось все меньше и

меньше; поэтому она употребила все свои силы с таким напряжением, что в следующие пять минут приобрела некоторый перевес, и еще раз доказала Гуронам, что они должны употребить все свои силы, если хотят избежать стыда быть обманутыми в своих надеждах через действия женщин. Они с сильнейшим рвением плыли по пятнам, но именно в этот момент сломалось одно из весел, и дело было решено без дальнейшего спора. Челнок с тремя мужчинами и одним веслом не был в состоянии догнать таких беглянок, как Юдиень и Гетти. Индейцы вдруг прекратили свое преследование, как корабль, случайно потерявший главный парус. Они вернулись к замку, куда скоро прибыли и высадились.

Девушки между тем продолжали грести, и только тогда остановились, когда были от врага в достаточном отдалении, чтобы избежать его при возобновлении преследования. Дикари не поняли однако этого плана, и спустя час, оставив замок, поплыли к берегу. Тогда Юдиень без опасения приблизилась к замку, так как она наконец заметила, что на плывущем домике должны быть друзья.

Хотя замок и казался совершенно оставленным, но все-таки Юдиень и Гетти приближались к нему с бдительною осторожностью, между тем как плывущий домик лежал на дистанции доброй мили больше на север. Когда они приблизились к замку до ста

шагов, то начали огибать его, чтобы удостовериться, что он действительно пуст. Катер же подполз ближе и ближе, и так как ни одного челнока не было видно, то они решились пристать плотно к платформе.

— Гетти, сказала Юдиень: иди теперь в дом. Тебе дикари не сделают вреда, и если там некоторые из них находятся, то ты успеешь предупредить меня.

Гетти тотчас послушалась, исчезла во внутренность замка и через несколько секунд воротилась с известием; что все пусто.

— Я была во всех комнатах, сказала она, и не нашла никого кроме отца. Он спит в своей комнате, но не так спокойно, как бы того желали.

— Так с ним ничего не случилось? поспешно спросила Юдиень, вскочив на платформу.

— Ничего, ничего! отвечала Гетти шопотом и бояливо оглядываясь, ничуть ли по близости кого, кто мог бы услышать слова ее.— Ничего, ведь ты знаешь, что бывает с отцом: он, кажется, слишком много употребил крепких напитков, и потому не знает, что говорить и делает.

— Это удивительно, выразила Юдиень:— нельзя же предположить, чтобы дикари сперва напились с ним, а потом оставили его. Но пусть будет, как ему угодно; мы не смеем приблизиться к нему, пока он не проснется.

Тяжелый стон, раздавшийся из середины дома, перебил однако это решение, и девушки рискнули

войти въ комнату отца. Они нашли его прислоненнымъ въ углу узкаго покоя, плечи его поддерживались стѣнами, голова же низко повисла на грудь. Страшная мысль блеснула въ головѣ Юдиень! она быстро приблизилась, сняла шерстяную шапочку, которая была налѣта ему на голову до самыхъ глазъ, и увидела зрѣлище, наполнившее ее ужасомъ и вырвавшее у нея восклицанія страха и горести. Дрожащее, сырое мясо, заголенные жилы и мускулы, кровь, которая текла по лицу Гуттера, все это съ перваго же взгляда доказывало, что несчастный былъ скальпированъ, хотя еще жилъ.

Мне беремся описывать первыя чувствованія, первыя выраженія дѣтскаго участія и любви обѣихъ сестеръ, и ограничиваемся разсказомъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя были причиною несчастія Гуттера.

Въ битвѣ съ Гурономъ былъ онъ раненъ ножомъ стараго воина, который имѣлъ предосторожность спрятать все оружіе кромѣ своего. Это случилось въ ту самую минуту, когда дверь открылась и Гурри ринулся на платформу, и это было причиной, почему ни Гуттеръ, ни противникъ его не показывались на платформѣ. Первый сдѣлался совершенно неспособенъ къ бою, а второй стыдился показаться съ кровавыми слѣдами на тѣлѣ, такъ какъ онъ незадолго предъ тѣмъ примѣнялъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить молодыхъ воиновъ захватить враговъ живыми. Когда три Гурона воротились изъ преслѣдованія дѣвушекъ, и рѣшено было, оставивъ замокъ,

перейти снова на твердую землю, то Гуттеръ, съ своимъ собственнымъ дикимъ страшнымъ варварствомъ, былъ скальпированъ и преданъ медленнаго, мучительнаго смерти.

Бываютъ въ жизни минуты, когда строгая справедливость Бога проявляется человѣку во всей своей истинѣ, и такая минута наступила теперь для Юдиень и Гетти, которыя обѣ въ претерпѣваемыхъ ихъ отцомъ мукахъ видѣли справедливое возмездіе судьбы. Онѣ это глубоко чувствовали, и Гетти передала свои чувства словами.

— О, Юдиень! съ сокрушеніемъ воскликнула она, показавъ сперва участіе свое къ страдалицѣ: Отецъ прежде самъ охотился за скальпами, а теперь потерялъ свой. О, если бы онъ читалъ библію, то она раньше предсказала бы ему это страшное наказаніе.

— Тише, тише, Гетти, отвѣчала Юдиень: посмотри, онъ открываетъ глаза и, быть можетъ, слышитъ твои слова. Я чувствую тоже, что и ты, но говорить объ этомъ ужасно.

— Воды! простоналъ Гуттеръ съ отчаяннымъ напряженіемъ, придавшимъ голосу его особенную звучность и силу:—Воды, безумныя дѣвушки! или хотите умерить меня съ жажды?

Дѣвушки посидѣвши принести воды, которая видимо освѣжила изувѣченнаго и оживила на одну минуту потухавшія силы его. Глаза его открылись, и онъ сталъ водить руками въ пространство, какъ будто хотѣлъ говорить.

— Отецъ! вскрикнула Юдиень, въ страшной боязни

и горести о его несчастномъ положеніи: Отецъ! развѣ мы ничѣмъ не можемъ помочь вамъ и уменьшить ваши страданія?

— Отецъ! повторилъ тихо старикъ:—отецъ; нѣтъ, Юдиень, нѣтъ, Гетти, я не отецъ вашъ! Та, мать ваша, была вашей матерью, а я не отецъ вашъ. Я похитилъ ее и васъ, когда еще былъ морскимъ разбойникомъ; вашъ настоящій отецъ уже умеръ, и вы не имѣете никого родныхъ, кромѣ одной сестры вашей матери, живущей въ Бостонѣ. Отыщите ее, когда я умру, въ шкапу вы найдете имя ея! Но теперь воды!... Дайте мнѣ воды!...

Его желаніе было исполнено, и онъ сталъ пить большими глотками, между тѣмъ какъ сестры, озадаченныя, обдумывали слова его. Юдиень нашла поводъ къ успокоенію въ томъ, что Гуттеръ не отецъ ихъ, ибо она никогда не питала къ нему той любви, какую чувствуютъ дѣти къ своимъ родителямъ; Гетти же, напротивъ того, любила его, и почувствовала двойное горе, какъ будто смерть и слова Гуттера вдвойнѣ лишали ее отца. Подъ гнетомъ этихъ чувствъ, бѣдная дѣвушка отошла въ сторону и горько заплакала.

Долгое время обѣ сестры стояли молча, предаваясь вполне своимъ ощущеніямъ. Юдиень часто подавала умирающему воду, но опасалась обременять его вопросами, такъ какъ, быть можетъ, ему больно было отвѣчать на нихъ. Гетти же наконецъ пересилила себя, и стала читать своему нареченному отцу мѣста изъ библіи, которыя, подходя къ настоящимъ обстоятель-

ствамъ, гмо ли служить ему нѣкоторымъ утѣшеніемъ при переселеніи въ вѣчность.

Во все это горестное время никто и не думалъ о Гуронахъ, пока наконецъ Юдиень не услышала удары весель. Тотчасъ поспѣшила она на платформу, увидела пловучій домъ и, къ успокоенію своему, замѣтила стоявшихъ на немъ Чингахгока, Ватаву и Гурри. Пловучій домъ былъ крѣпко привязанъ, и Гурри быстро вошелъ въ замокъ, такъ какъ онъ по наружности Юдиень замѣтилъ, что произошло что-нибудь очень непріятное.

Какъ пораженный остановился онъ, увидѣвъ товарища своего въ томъ страшномъ состояніи, которое мы старались описать. Во время боя онъ слишкомъ занятъ былъ своимъ собственнымъ положеніемъ, чтобы имѣть время заботиться о томъ, что случилось съ его спутникомъ. При всемъ томъ онъ полагалъ, что такъ какъ противъ него не было употреблено никакого смертельнаго оружія, то и Гуттеръ былъ просто переселенъ и подобно ему, взятъ въ плѣнъ. Поэтому кончина его немало поразила его своею неожиданностію.

— Какъ вы себя чувствуете, старый Томъ? вскричалъ онъ:—неужели негодая столько отняли у васъ, что вы никогда не поправитесь?

Гуттеръ медленно открылъ свои стеклянные глаза, и вперилъ ихъ въ Гурри, какъ будто что-то обдумывая.

— Ага! вскрикнулъ онъ наконецъ,—вашъ скальпъ

еще при васъ? Мой же исчезъ. Каково-то тому, кто еще сохранилъ скальпъ. Я знаю, что чувствуютъ, когда теряютъ его: огонь и пламя въ мозгу и сжиманіе въ сердцѣ! Нѣтъ, нѣтъ, Гурри, убивайте сперва, а потомъ скальпируйте.

Гурри не могъ ничего отвѣтить, Гуттеръ снова закрылъ глаза и нѣсколько времени царствовала въ комнатѣ мертвая тишина. Еще разъ Гуттеръ поднялъ свои руки на воздухъ и помахалъ ими, давая этимъ понять, что ничего не видитъ. Минуту спустя, дыханіе его стало прерывисто, и наконецъ онъ испустилъ долгій и глубокій вздохъ, съ которымъ душа его отлетѣла изъ тѣла. Онъ упалъ и лежалъ распростертый, какъ кровавый трупъ.

День прошелъ безъ дальнѣйшихъ приключеній, и къ вечеру приступлено было къ приготовленіямъ для похоронъ Гуттера. Отвезти тѣло его на берегъ было невозможно изъ опасенія дикарей, почему Гетти впожелала, чтобы оно было опущено въ воду, рядомъ съ тѣломъ ея матери. Такъ и было сдѣлано. Съ закатомъ солнца трупъ зашили въ полотняную простыню, привязали къ нему большой камень, перенесли на судно, и поплыли къ тому мѣсту, которое Гетти имѣла обыкновеніе называть гробницею своей матери. Здѣсь Гурри поднялъ тѣло, перенесъ его на оконечность плота, и посредствомъ каната спустилъ потихоньку на дно озера. Слезы сестеръ и тихія молитвы объ упокоеніи души его послѣдовали за тру-

ломъ Гуттера, и затѣмъ въ глубокомъ молчаніи плывучій домъ направился обратно къ замку.

Пока остальные заняты были, по обыкновенію, прикрѣпленіемъ судна къ сваямъ, Юднѣ вскарабкалась на платформу, вошла въ домъ и нашла здѣсь того, кого никакъ не ожидала увидеть.

— Звѣробой! вскрикнула она съ радостнымъ изумленіемъ. Добро пожаловать! о, этотъ день былъ для насъ очень горекъ и ужасенъ, но ваше возвращеніе по крайней мѣрѣ дѣлаетъ однимъ несчастіемъ меньше. Отпустили васъ Гуровы изъ челоуѣколюбія, или вы ушли отъ нихъ, благодаря вашей хитрости и проворству?

— Совсѣмъ не то, Юднѣ, отвѣчалъ храбрый охотникъ: ни то, ни другое. Мингосы всегда останутся Мингосами и умрутъ такими; тутъ нельзя разсчитывать на челоуѣколюбіе. Что же касается того, чтобы перехитрить ихъ, то это дѣйствительно случилось одинъ разъ, когда мы напали на слѣдъ Ватавы, но рѣдко удастся вторично обмануть индѣйца. Нѣтъ, нѣтъ; краснокожій не глупъ, чтобы дать два раза провести себя, хотя между бѣлыми это и бываетъ.

— Но, Звѣробой, съ удивленіемъ спросила Юднѣ: если вы не освободились отъ дикарей, то какъ же вы сюда попали?

— О, это объяснить не такъ трудно, отвѣчалъ Звѣробой; я здѣсь въ отпуску.

— Въ отпуску? Я знаю, что это бываетъ у солдатъ; но какъ же это пригодно къ плѣннику?

— Ну, отпускъ значитъ, если человѣку дозволяется покинуть на опредѣленное время свой лагерь или гарнизонъ, съ тѣмъ, что по истеченіи этого времени онъ обязанъ вернуться, чтобы или снова носить ружье, или подвергнуться мученіямъ, смотря по тому, солдатъ ли онъ или въ плѣну у дикихъ. Мое положеніе послѣднее.

— И Гуроны отпустили васъ безъ всякаго надзора и сопровожденія?

— Да, конечно, иначе я и не могъ бы пріѣхать.

— Но какое же они имѣютъ ручательство въ томъ, что вы опять къ нимъ вернетесь?

— Мое слово, совершенно просто возразилъ честный Звѣробой. Я имъ далъ слово, и они были бы очень глупы, еслибъ отпустили меня, не взявши его. Тогда я, конечно, не былъ бы вынужденъ воротиться къ нимъ и подвергнуться всей ихъ чертовщинѣ, а взбросилъ бы ружье на плечи и направился бы къ селеніямъ Делаваровъ. Но, нѣтъ, они знали это такъ же хорошо, какъ и мы съ вами, и такъ же мало отпустили меня, не взявши съ меня слова, какъ бросили бы кости отцовъ своихъ волкамъ на съѣденіе.

— Но, право, это невозможно, чтобъ вы сдѣлали такой поступокъ самоотверженія и равнодушія къ жизни.

— Что вы хотите этимъ сказать, Юдиовъ?

— Я спрашиваю, возможно ли это, чтобъ вы были въ состояніи, сдержавъ свое слово, снова предать себя въ руки вашихъ враговъ?

Звѣробой взглянулъ на дѣвушку съ удивленіемъ и горькимъ разочарованіемъ. Но скоро выраженіе его благороднаго лица измѣнилось, и, наконецъ, онъ засмѣялся, по обыкновенію, тихо.

— Вотъ что! сказалъ онъ: я не такъ васъ понималъ. Вы думаете, что Чингахгокъ и Гурри меня не отпустить. Но, нѣтъ, въ этомъ вы ошибаетесь. Делаваръ слишкомъ хорошо меня знаетъ, чтобы сдѣлать какую-нибудь попытку отклонить меня отъ исполненія моего долга, а Гурри не заботится ни о комъ на свѣтѣ, кромѣ самого себя. Нѣтъ, Юдиовъ, будьте спокойны; меня отпустить, когда кончатся срокъ моего отпуска, и еслибы даже кто-нибудь захотѣлъ воздвигнуть на моемъ пути препятствія, то я сумѣю преодолѣть ихъ, ибо не даромъ выросъ въ дѣсахъ.

Юдиовъ печально покачала головой при такомъ упрямствѣ Звѣробоя.

— Когда же истекаетъ срокъ вашего отпуска? наконецъ спросила она.

— Завтра въ полдень, отвѣчалъ Звѣробой. Раньше я отъ васъ не уйду. Индѣйцы начинаютъ опасаться посѣщенія изъ форта и потому не согласились дать мнѣ больше времени. Тогда, если я не достигну дѣли моего отпуска, начнутся муки, какъ только зайдетъ солнце, дабы дикіе имѣли потомъ возможность начать въ темнотѣ свое отступленіе.

— Нельзя ли спасти васъ, Звѣробой? спросила Юдиовъ, полная горестной заботы. Развѣ индѣйцы такъ твердо рѣшились отомстить за свои потери?

— Да, если только я хорошо понимаю Мянгосовъ, мало надежды на мое спасеніе; ибо, во-первыхъ, женщины раздражены бѣгствомъ Ватавы, а во-вторыхъ въ послѣднюю ночь произошло въ лагерѣ ужасное убійство, которое довело у индѣйцевъ жажду мщенія до высочайшей степени. Но пусть будетъ, что Богу угодно. Чингахокъ и невѣста его спасены, и это все-таки счастье. А что случилось съ вами во время моего отсутствія?

Юдиень рассказала всѣ подробности, и Звѣробой слушалъ ее внимательно. Между тѣмъ пловучій домъ былъ укрѣпленъ, и всѣ остальные вошли въ комнату.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Встрѣча Звѣробой съ друзьями была весьма натянута и серьезна. Оба индѣйца съ перваго же взгляда поняли, что онъ не освободился отъ плѣна, и нѣсколько словъ его объяснили имъ условія даннаго ему врагами отпуска.

Чингахокъ сдѣлался задумчивымъ. Дѣвушки между тѣмъ стали готовить ужинъ; Гурри при свѣтѣ лучины чинилъ свою обувь, а Звѣробой внимательно разсматривалъ одно изъ прекрасныхъ ружей покойнаго Гуттера, который далъ ему названіе кильдера. Оружіе это было необыкновенной длины и очевидно вышло изъ рукъ искуснаго мастера. Главныя достоинства кильдера заключались въ совершенствѣ всѣхъ отдѣльных частей его и въ особенности ствола, и въ превосходномъ качествѣ металла. Звѣробой неоднократно прикладывалъ ружье къ плечу и пробовалъ

прицѣлъ, чтобы испытать годность его для употребленія на охотѣ. Все это онъ дѣлалъ такъ серьезно и внимательно, какъ будто не находился въ опасномъ плѣну.

— Гурри! воскликнулъ онъ наконецъ: это, право, превосходное ружье, и достойно сожалѣнія, что попало въ руки неопытныхъ дѣвушекъ. По всему, что я вижу, можно положительно сказать, что въ искусныхъ рукахъ оружіе это всегда нанесетъ вѣрную смерть. Прислушайтесь только къ щелканью курка, и никогда въ жизни не случилось мнѣ видѣть лучше высверленного дула.

— Да, да; Гуттеръ весьма дорожилъ этимъ ружьемъ, возразилъ Гурри очень равнодушно, не оставляя своей работы. Я все еще думаю, что Юдиен придетъ благая мысль поднести мнѣ въ подарокъ оружіе это.

— Это вещь возможная; но мнѣ было бы жаль, если бы ружье, столь близкое къ совершенству, не достигло его.

— Что вы этимъ хотите сказать, Звѣробой? Развѣ на моемъ плечѣ ружье это было бы не такъ же на своемъ мѣстѣ, какъ на плечѣ всякаго другаго?

— Этого я не говорю, а только думаю, что вы не сумѣли бы извлечь изъ ружья столько пользы, какъ кто-либо другой. Въ моихъ рукахъ ружье это поразило бы въ одинъ день больше дичи, чѣмъ вы застрѣлили бы въ теченіе недѣли. Я уже видѣлъ васъ на дѣлѣ; вспомните оленя!

— Да вѣдь я и не хотѣлъ попасть въ оленя, а стрѣлялъ мимо, чтобы напугать его.

— Ладно, я съ вами не намѣренъ спорить; я только повторяю, что ружье это можетъ сдѣлать опытнаго охотника царемъ лѣсовъ.

— Такъ возьмите его себѣ, объявила Юдиень:— оно ужь конечно не можетъ попасть въ лучшія руки, и надѣюсь, въ вашихъ останется на долго.

— Какъ, Юдиень, спросилъ Звѣробой, вы говорите серьезно?

— Я никогда не была въ столь серьезномъ расположеніи духа, какъ сегодня вечеромъ.

— Хорошо; мы объ этомъ еще поговоримъ, а вы, Гурри, не дуйтесь, что ружье миновало вашихъ рукъ. Гурри пробормоталъ что-то сквозь зубы, но пожать отвѣтъ его было невозможно.

Скоро готовъ былъ ужинъ, и всѣ молча сѣли за столъ. Послѣ ужина все общество сошлось на платформѣ и усѣлось въ кружокъ, недалеко отъ двери, чтобы выслушать то, что имѣлъ сообщить имъ Звѣробой о цѣли своего прихода.

— Теперь, Звѣробой, начала Юдиень, — скажите намъ, для чего Гуроны дали вамъ отпускъ.

— Ну, приходится исполнить порученіе, какъ оно не неприятно. Видите ли, Мингосы того мнѣнія, что озеро все, что на немъ находится, составляетъ ихъ собственность, вслѣдствіе смерти Гуттера. Они послали меня къ вамъ, говоря: скажите Большому Змѣю, что онъ хорошо выказалъ себя въ первомъ дѣлѣ, и что

затѣмъ онъ можетъ вернуться за горы въ селеніе свои, и никто не будетъ преслѣдовать его. Если онъ завоевалъ скальпъ, то пусть возьметъ его съ собою, но Ватава должна вернуться къ Гуронамъ, которыхъ она тайно покинула.

— Другое порученіе касается васъ, Юдиень, продолжалъ Звѣробой. Они говорятъ, что отецъ вашъ лежитъ на днѣ озера и болѣе не вынырнетъ. Дочери его, вѣроятно, нуждаются въ хижинахъ и пищѣ, и шалаши Гуроновъ къ ихъ услугамъ. Одинъ изъ лучшихъ воиновъ между Мингосами потерялъ недавно жену свою и охотно принялъ бы Юдиень въ подруги свои. Гетти пойдетъ съ вами и ей всегда будетъ оказываемо должное почтеніе и уваженіе. Имущество вашего отца поступитъ въ распоряженіе племени, ваше же собственное останется при васъ, и вы можете взять его въ домъ будущаго мужа вашего.

— Какъ, Звѣробой, вы являетесь съ такимъ предложеніемъ? съ горячностію воскликнула Юдиень: развѣ я такая дѣвушка, которая согласится сдѣлаться рабою индѣйца?

— Я только передаю предложеніе и не говорю, что вы непременно должны принять его, отвѣчала Звѣробой. Я съ своей стороны не думаю, чтобы вы когда-нибудь добровольно послѣдовали за красными кожимъ въ его хижину, — и кажется, это довольно сказано. Теперь ваша очередь, Гурри. Мингосы надѣются, что вы удалитесь въ фортъ къ солдатамъ; они полагаютъ, что вы сегодня были довольно близки

отъ смерти, чтобы сохранить на это лѣто искреннее желаніе избѣгать всякой встрѣчи съ новою опасностью.

— Ну, что меня касается, то мой отвѣтъ готовъ; но какъ вы думаете, что я отвѣчу?

— Ну, Гурри, я на вашемъ мѣстѣ сказалъ бы: Звѣробой, передайте этимъ канальямъ, что они мало знаютъ Гурри Гарри, если думаютъ, что онъ покинетъ въ опасности беззащитныхъ женщинъ своего цѣвта.

— Нѣтъ, Звѣробой, возразилъ Гурри съ грубымъ смѣхомъ, я и не думаю дать такой безразсудный отвѣтъ. Я довольно человѣколюбивъ, чтобы, слѣдуя законамъ природы, не оставить беззащитнаго въ опасности, но я въ то же время вижу, что въ высшей степени глупо, когда одинъ человѣкъ хочетъ бороться противъ цѣлаго племени. Обувь моя починена, сегодня, въ 9 часовъ вечера, я оставляю замокъ, и думаю искать безопасности и защиты въ фортѣ. Если обѣ дѣвушки пожелаютъ отправиться со мной, то я ихъ провожу и защищу всѣми силами, если же не хотять, то пусть будетъ то, чего нельзя избѣгнуть.

— Мы остаемся, твердо сказала Юдиень: — отправляйтесь одни, Гурри, если вамъ у насъ больше не нравится.

— Хорошо, это дѣло рѣшенное, продолжалъ Звѣробой, не выказывая никакой злобы на безчестное поведеніе Гурри. Каждый долженъ дѣйствовать только для себя, и образъ дѣйствій Гурри придастъ ногамъ его болѣе быстроты въ открытомъ полѣ, если хоть и

не дастъ ему легкой и спокойной совѣсти. — Ну, а вы, Ватава, чѣмъ рѣшите: хотите оставаться здѣсь или бросить Чингахгока и вернуться къ Гуронамъ.

— Скажите Гуронамъ, Звѣробой, съ достоинствомъ отвѣчала индѣянка на своемъ нарѣчїи, — что они не образованны, какъ кроты, и не могутъ отличить волка отъ собаки. Дѣвушки Делаваровъ не вѣстницы, которыхъ пересылаютъ изъ одного племени въ другое; онѣ цвѣтки, дорожащїе своими собственными лѣсами. У Ватавы только одно сердце, и никогда она добровольно не покинетъ своего жениха Чингахгока и свой народъ — Делаваровъ.

Звѣробой выслушалъ этотъ отвѣтъ съ нескрывтымъ удовольствїемъ.

— Хорошо, вскричалъ онъ съ тихою усмѣшкою: — это смѣло и честно сказано, и также благородно должно быть исполнено. Какъ же вы, Чингахгокъ, дайте же мнѣ отвѣтъ, хотите ли вернуться въ свое селенїе или нѣтъ?

Делаваръ поднялся съ своего сидѣнья, чтобы дать свой отвѣтъ съ должною силою и ясностью. — Онъ протянулъ руку, и сказалъ:

— Посланїе должно быть отвѣтомъ на посланїе, порученїе на порученїе. Слушайте, что Чингахгокъ велитъ сказать мнимымъ волкамъ большого озера, которые воютъ въ нашихъ лѣсахъ. Они не волки, а собаки, и пришли для того, чтобы Делавары отрѣзали имъ хвосты и уши. Они умѣютъ похищать молодыхъ женщинъ; но не умѣютъ сохранять ихъ и управлять

ими. Чингахгокъ беретъ то, что ему принадлежитъ тамъ, гдѣ найдетъ, не спрашивая позволенїя у дворяшекъ изъ Канады. Скажите этимъ бродягамъ и негодьямъ, чтобы они были громче, дабы Делавары могли найти ихъ въ лѣсу, ибо они крадутся, какъ лисицы, вмѣсто того, чтобы сражаться, какъ воины. Чингахгокъ не призоветъ къ себѣ на помощь товарищей изъ своего племени; онъ одинъ будетъ преслѣдовать ихъ въ бѣгствѣ до самой Канады, если только они не подлѣзутъ въ преисподнюю и не спрячутся, и притомъ не возьметъ съ собою никого, кромѣ Ватавы. Ихъ двоихъ достаточно, чтобы прогнать всѣхъ Гуроновъ въ ихъ страну.

— Вотъ это славный отвѣтъ, съ восторгомъ воскликнулъ Звѣробой. Онъ приведетъ въ движенїе всю кровь Гуроновъ, хотя, къ сожалѣнїю, громкія слова не всегда равны громкимъ дѣянїямъ. Но теперь, Гетти, ваша очередь говорить. Скажите же, что хотите, и оно будетъ вѣрно передано нечестивымъ собакамъ.

— Богъ далъ Гуронамъ и намъ землю, кротко возразила Гетти. — Онъ желалъ, чтобы мы жили врознь. Это озеро принадлежитъ намъ, и мы его оставимъ только добровольно, а не по приказу индѣйца.

— Это вѣрно, Гетти. Я передамъ Мингосамъ ваше мнѣнїе, и увѣренъ, что они останутся имъ довольны. Юдней, теперь ваша очередь; когда вы дадите отвѣтъ, то мое порученїе кончено.

— Вы знаете мой отвѣтъ, съ твердостью отвѣчала

Юдиень. — Никогда не покину я своихъ соплеменниковъ, чтобы сдѣлаться рабою краснокожаго; лучше умереть!

Рѣшимость дѣвушки обрадовала честнаго охотника, и онъ повторилъ свое обѣщаніе передать отвѣтъ въ точности. Затѣмъ совѣщаніе кончилось, и Гурри сообщилъ о своемъ намѣреніи скоро оставить замокъ. Тогда Звѣробой приготовилъ челнокъ; Гурри простился со всѣми, и прощаніе это было, какъ и слѣдовало ожидать, не особенно сердечное и дружеское, потомъ сѣлъ въ челнокъ съ Звѣробоемъ, который и высадилъ его на берегъ.

— Гурри, сказалъ Звѣробой при разставаніи, если вы хотите поступить благородно въ отношеніи къ намъ, то пригласите офицеровъ гарнизона сдѣлать натискъ на Мингосовъ. Это только для Юдиень и Гетти, ибо моя судьба рѣшится прежде, чѣмъ закатится солнце завтрашняго дня.

— Надѣюсь, что вы опять не отдадитесь въ руки этихъ дикихъ злодѣевъ, спросилъ Гурри; это былъ бы безумный поступокъ.

— Быть можетъ, спокойно отвѣчалъ Звѣробой. Я, съ своей стороны, держу данное разъ слово, и завтра до полудня возвращусь къ дикарямъ.

— Ну если вы ничего лучшаго не хотите, то прощайте и идите съ открытыми глазами на вашу гибель, сказалъ Гурри, и удалился большими, скорыми шагами. Скоро онъ исчезъ въ темнотѣ, и Звѣробой, нимало ни огорченный разлукою, воротился въ замокъ.

Когда онъ укрѣпилъ челнокъ и взомель на платформу, то нашелъ всѣхъ крѣпко спящими, кромѣ Юдиень, которая его ожидала. Она рассказала ему, что говорилъ отецъ предъ самой кончиной, и просила его помочь ей отыскать въ шкафу имя сестры ея матери, которая должна находится въ Бостонѣ. Звѣробой тотчасъ былъ къ ея услугамъ, и, послѣ недолгаго исканія, нашли они пачку бумагъ, въ которыхъ заключалось и то, чего они искали. Изъ этихъ бумагъ Юдиень усмотрѣла, что мать ея похищена была Гуттеромъ въ то самое время, когда она вскорѣ послѣ смерти мужа находилась на пути въ свое отечество, Англию. Онъ бросилъ свой промыселъ морскаго разбойника и увелъ несчастную женщину съ ея дѣтми въ дикую пустыню озера, гдѣ она и скончалась послѣ года горестной жизни.

— Значитъ, мнѣ и Гетти есть теперь убѣжище, сказала Юдиень, осушивъ слезы, которыми наполнились глаза ея при чтеніи бумагъ. Моя тетка, сестра моей матери, не оттолкнетъ отъ себя ближайшихъ родныхъ, и все еще можетъ хорошо кончиться, если Богъ намъ поможетъ и будетъ держать дикарей вдали отъ насъ.

— А кто такая ваша тетушка? съ участіемъ спросилъ Звѣробой. — Будетъ ли она имѣть возможность принять и защитить васъ?

— Мужъ ея, какъ видно изъ этихъ бумагъ, богатый негоціантъ; слѣдовательно, она можетъ помочь намъ, если захочетъ.

— И она захочетъ, въ этомъ нечего и сомнѣваться.

Ваша мать была хорошая женщина, и сестра ея, вѣроятно, такова же. Небо доведетъ васъ до ней, какъ я надѣюсь, и всѣ ваши горести окончатся прежде, чѣмъ пройдетъ три мѣсяца.

— Но какъ же съ вами кончится, Звѣробой? спросила Юдиень, которой послѣднія слова напомнили судьбу ея благороднаго друга.

— Какъ Богу угодно! спокойно отвѣчалъ Звѣробой. Ложитесь же теперь спать; уже пора немного отдохнуть, ибо я не сомнѣваюсь, что завтрашній день будетъ для одного или для другаго днемъ горькаго испытанія.

Съ этими словами Звѣробой прервалъ разговоръ и всталъ; его примѣру послѣдовала Юдиень, и оба молча отошли на покой, Юдиень около Гетти и Ватавы, а Звѣробой въ каютѣ судна, рядомъ съ Чингахгокомъ.

На другой день рано утромъ Чингахгокъ и невѣста его уже давно сидѣли на платформѣ, разговаривая о судьбѣ Звѣробоя, когда этотъ подошелъ къ нимъ и дружески поздоровался. Когда онъ бросилъ взглядъ на окрестность и на взшедшее солнце, то Чингахгокъ спросилъ его:

— Гдѣ будетъ мой другъ Звѣробой, когда солнце удетъ стоять надъ вершиною этой сосны?

Звѣробой вскочилъ и взглянулъ на своего друга испытующимъ взоромъ и не безъ безпокойства. Потомъ онъ позвалъ его на переднюю часть судна, чтобы никто не могъ слышать ихъ разговоръ, и спокойно сказалъ:

— Это неблагоразумно съ вашей стороны дѣлать мнѣ такіе вопросы въ присутствіи Ватавы. Притомъ же, легче сдѣлать вопросъ, чѣмъ отвѣчать на него, и ни одинъ смертный не можетъ сказать, гдѣ онъ будетъ завтра, когда сегодня только восходитъ солнце. Я вамъ дѣлаю тотъ же вопросъ, и мнѣ очень любопытно будетъ знать, что вы на него отвѣтите.

— Чингахгокъ будетъ около своего друга Звѣробоя, отвѣчалъ Делававаръ. Если другъ будетъ въ лучшемъ мѣрѣ, то и пріятель его будетъ тамъ же, если же онъ будетъ находиться подъ лучами солнца, то лучи и теплота будутъ падать и согрѣвать обоихъ.

— Да, я понимаю васъ, Делававаръ, возразилъ Звѣробой, тронутый вѣрностію и самоотверженіемъ своего друга. Я понимаю васъ, потому что ваши слова идутъ отъ сердца къ сердцу. Прекрасно думать такимъ образомъ, также хорошо говорить это, но едва ли было бы похвально такъ дѣйствовать. Вы не одни на свѣтѣ, какъ я. Ватава ваша невѣста и не можетъ быть покинута вами потому только, что насъ неожиданно раздѣлила туча.

— Ватава дочь Делававаровъ; я говорилъ съ ней прежде, чѣмъ вы пришли, и она сумѣла повиноваться своему жениху. Куда онъ пойдетъ, туда и она за нимъ послѣдуетъ, и мы оба будемъ около друга нашего, когда солнце станетъ надъ вершиною этой сосны.

— Нѣтъ, нѣтъ! да благословить и сохранить васъ небо, вѣрный другъ; но то, что вы говорите, это со-

вершено безразсудно. Надѣюсь, что вы лучше обдумаете это дѣло, и оставите меня въ рукахъ Всевышняго, не вмѣшиваясь въ мою участь. Еще во всякомъ случаѣ не рѣшено, что негодяи будутъ меня мучить; быть можетъ, они смилуются и поймутъ, что такой образъ дѣйствій большой грѣхъ, хотя, впрочемъ, нельзя особенно на это разсчитывать. Но пусть тогда будетъ, что Богу угодно, а вы не имѣете права рисковать счастьемъ Ватавы. Еслибы вы были одни и совершенно свободны, тогда я, конечно, ожидалъ бы, что вы скрытно и внимательно будете блуждать около лагеря Гуроновъ отъ восхода до заката солнца, чтобы разными ухищреніями изыскать всѣ средства помочь мнѣ и отвлечь отъ меня непріятеля. Но двое иногда слабѣе, чѣмъ одинъ, и всякое дѣло должно быть принимаемо такъ, какъ оно есть, а не такъ, какъ бы оно могло быть.

— Послушайте, Звѣробой, что бы вы сдѣлали, еслибъ Чингахгокъ былъ въ рукахъ Гуроновъ? серьезно спросилъ Делаваръ. Быть можетъ, вы пробрались бы въ селенія Делаваровъ и сказали бы тамъ старымъ и молодымъ волкамъ: смотрите, вотъ Ватава, спасенная и невредимая, только утомленная! А вотъ и Звѣробой, также немного усталый, но все-таки свѣжій и здоровый! Развѣ вы бы такъ сдѣлали и сказали?

— Вотъ это остроумно! Это хитрѣе, чѣмъ можетъ придумать даже Мингосъ, и одному небу известно, какъ могла придти вамъ мысль задать мнѣ такой вопросъ. Что бы я сдѣлалъ? Ну, во первыхъ, Ва-

тава не могла бы быть въ моемъ обществѣ, такъ какъ она осталась бы такъ близко къ вамъ, какъ только возможно; и во вторыхъ, все, что касается утомленія и остальнаго, устранилось бы само собою такъ, что вы, вѣроятно, видите сами, что разсудокъ противъ васъ?

— Мой братъ забылъ, что онъ присутствовалъ при совѣщаніяхъ моего народа. Когда мужчины разговариваютъ, то они не должны говорить ничего такого, что, войдя въ одно ухо, вылетитъ въ другое; слова ихъ должны имѣть болѣе вѣса, чѣмъ перья, ибо вѣтеръ не можетъ развязать ихъ. Вы не отвѣтили на мой вопросъ.

— Я понимаю васъ, Делаваръ, и я бы солгалъ, если бы скрылъ это. При всемъ томъ очень трудно отвѣтить на вашъ вопросъ. Вы требуете, чтобы я сказала, какъ бы я поступилъ, если бы у меня была невѣста, какъ у васъ; но какъ же я могу объ этомъ судить; у меня невѣсты еще никогда не было. Конечно, я знаю, что другъ очень близокъ къ сердцу, и потому прошу васъ, Чингахгокъ, не предпринимать ничего неосторожнаго. Я уже убѣжденъ, что васъ нельзя отклонить отъ вашего намѣренія, и говоря откровенно, нахожу, что вы не совсѣмъ въ этомъ случаѣ неправы. Вы, разумѣется, никогда не почувствуете себя счастливымъ, если ничего не предпримете для спасенія меня отъ угрожающей мнѣ судьбы. Но не начинайте ничего неосторожнаго, и имѣйте въ виду, что никакія мученія Мингосовъ, никакія оскорбленія и угрозы, никакія сжиганія и вырванія ногтей, однимъ словомъ, никакія муки не подѣйствуютъ на

меня такъ сильно, какъ если я увижу, что вы и Ва-тава, вслѣдствіе попытки оказать мнѣ помощь, сами попадете въ руки непріятеля.

— Делавары осторожны. Звѣробой никогда не увидитъ, чтобы они вторглись въ чужой лагерь съ открытыми глазами.

Этими словами окончился разговоръ, и Гетти приблизилась къ нимъ съ извѣстіемъ, что завтракъ готовъ. Всѣ собрались вокругъ большаго стола, но ни одинъ не провзнесъ ни слова во все время завтрака, въ особенности женщины казались упавшими духомъ, и потеряли всякій апетитъ, между тѣмъ какъ у мужчинъ въ этомъ отношеніи незамѣтно было никакой перемѣны.

Такъ какъ еще было рано, когда все общество встало изъ-за стола, то еще оставалось нѣсколько часовъ, которые плѣнникъ могъ провести со своими друзьями. Поэтому всѣ опять собрались на платформѣ, ибо всякій хотѣлъ, пока было возможно, остаться вблизи осужденной жертвы, слушать слова его и всѣми силами выразить ему любовь и участіе. Одинъ Звѣробой казался непоколебимымъ, и говорилъ совершенно весело и беззаботно, причемъ старался избѣгать всякаго даже косвеннаго намека на грозившій исходъ того дня.

Послѣ нѣкотораго времени сдѣлалъ онъ Юдиенъ знакъ послѣдовать за нимъ на пловучій домъ, такъ какъ хотѣлъ сказать ей нѣсколько необходимыхъ словъ. Юдиенъ немедленно послѣдовала за Звѣробоемъ въ

каюту и сѣла, пока молодой человѣкъ досталъ изъ угла подаренное ему ружье кильдеръ и, положивъ его себѣ на колѣни, также опустился на стулъ. Осмотрѣвъ еще разъ сверху донизу превосходное оружіе и обозрѣвъ каждую отдѣльную часть его съ особенно вѣжною заботою, положилъ онъ его наконецъ въ сторону и сказалъ:

— Юдиенъ, если я васъ хорошо понялъ, то вы хотѣли подарить мнѣ ружье, а я съ своей стороны соглашался принять его, такъ какъ молодая дѣвушка не можетъ извлечь настоящей пользы изъ огнестрѣльнаго оружія. У кильдера добрая слава, и онъ ее заслуживаетъ. По справедливости, онъ долженъ бы попасть въ извѣстныя и вѣрныя руки, ибо чрезъ не-любовность и безпечное обхожденіе и лучшая слава можетъ померкнуть.

— Но развѣ ружье можетъ попасть въ лучшія руки, чѣмъ ваши? Гуттеръ рѣдко давалъ изъ него промахъ, а у васъ навѣрно...

— Вѣрная смерть, милая дѣвушка, это не подлежитъ сомнѣнію, смѣясь прервалъ ее Звѣробой. Я зналъ однажды одного охотника за бобрами, который также называлъ свое ружье кильдеромъ, но это было только жалкое хвастовство, такъ какъ Делавары вѣрнѣе стрѣляли своими стрѣлами, чѣмъ онъ изъ своего ружья. Впрочемъ, это не должно побудить меня уклониться отъ моихъ качествъ, и потому я согласенъ, что ружье едва ли могло бы находиться въ лучшихъ рукахъ, чѣмъ мои. Но, милая дѣвушка, — прибавилъ

онъ со вздохомъ, — какъ долго оно у меня останется? Это очень серьезный вопросъ, и если отвѣчать на него прямо и честно, то слѣдуетъ сказать, что кильдеръ скоро опять останется безъ хозяина.

— Что же мнѣ съ этимъ оружіемъ дѣлать, если бы случилось то, что вы ожидаете? спросила Юдиень, пересиливъ глубокое чувство свое изъ вниманія къ Звѣробою.

— Потому-то я и хотѣлъ переговорить съ вами. Смотрите, вотъ Чингахгокъ. Хотя онъ не совсѣмъ твердъ въ стрѣльбѣ, — ибо краснокожій рѣдко или никогда не достигаетъ въ этомъ совершенства, — но все-таки онъ хорошій стрѣлокъ, и вѣроятно еще усовершенствуется. При томъ же онъ мой другъ, и я бы съ удовольствіемъ оставилъ ему ружье, если бы случилось то, что можетъ мнѣ воспрепятствовать воздать должную честь и справедливость вашему драгоценному подарку.

— Оставляйте его кому хотите; ружье ваша собственность, и вы можете распоряжаться имъ по вашему усмотрѣнію. Чингахгокъ получитъ его, если вы сами не вернетесь, чтобы принять его во владѣніе.

— Но, спрошена ли также Гетти по этому предмету? вѣдь она имѣетъ столько же правъ на ружье, какъ и вы.

Юдиень встала, не говоря ни слова, и подобая къ окну кликнула сестру; въ немногихъ словахъ объяснила она ей въ чемъ дѣло, и та съ радостью въ простыхъ словахъ изъяснила свое согласіе передать

Звѣробою право полной собственности на ружье. Это сдѣлало его, по крайней мѣрѣ на эту минуту, мнѣ счастливымъ, и когда онъ снова осмотрѣлъ подарокъ и испыталъ его во всѣхъ частяхъ; то выразилъ желаніе испробовать его еще и на самомъ дѣлѣ, прежде, чѣмъ онъ покинетъ замокъ. Ни одинъ мальчикъ не могъ быть болѣе жаденъ выказать достоинства своего перваго самострѣла, какъ охотникъ, желавшій подвергнуть испытанію качества своего ружья. Онъ вернулся на платформу, прежде всего отозвалъ Делавара въ сторону, чтобы сообщить ему, что знаменитый кильдеръ будетъ принадлежать ему, если съ нимъ самимъ приключится что-нибудь непріятное и потомъ сказалъ:

— Видите, пріятель, это еще одно основаніе быть крайне осторожнымъ и не бросаться смѣло въ опасность. Уже само по себѣ овладѣніе такимъ ружьемъ составляетъ побѣду для вашего племени; Мингосы будутъ блѣднѣть и краснѣть отъ зависти, и, что всего важнѣе, они не рискнутъ отважиться близко подходить къ тому селенію, гдѣ будутъ знать, что находится кильдеръ. И потомъ, что такое мужчина въ лѣсу безъ хорошаго ружья? Ничего болѣе, какъ жалкій становитель западней, какъ метельщикъ и корзинщикъ. Пойдемте, пріятель, я чувствую сильное желаніе испытать это удивительное ружье. Возьмите ваше обыкновенное ружье, а я буду цѣлить этимъ только *поверхностно*, чтобы намъ узнать нѣкоторыя изъ сокровенныхъ его достоинствъ.

Чингахгокъ привялъ это извѣстiе не безъ удовольствiя, и такъ какъ предложенiе Звѣробоя совершенно соответствовало тому, чтобы дать тяжелымъ мыслямъ всего общества болѣе веселое настроенiе, то никто не колебался согласиться на него; дѣвушки принесли ружье даже съ нѣкоторою похвоею на удовольствiе трогательностию. Оружейный шкафъ Гуттера былъ обильно снабженъ, и онъ имѣлъ нѣсколько ружей всегда заряженныхъ на случай могущей представиться надобности. На полки насыпали свѣжаго пороха Звѣробой снова завелъ рѣчь:

— Ну, прiятель, сказалъ онъ, — начнемте совершенно скромно, и попробуемъ сперва обыкновенныя ружья стараго Тома, чтобъ потомъ сдѣлать заключенiе насчетъ ружьемъ и кильдеромъ. Здѣсь птицы въ изобилiи, однѣ на озерѣ, другiя внѣ его, и нѣкоторые на разстоянiи ружейнаго выстрѣла. Отыщите себѣ птицу, которую хотѣли бы испугать. Смотрите, смотрите, вотъ гагара совсѣмъ близко по направленiю къ востоку. Это творенiе, которое при блескѣ выстрѣла тотчасъ прячется и потому можетъ удобно служить для испытанiя оружiя.

Чингахгокъ не любилъ много разговаривать; только что онъ увидѣлъ птицу, тотчасъ приложился, прицѣлился и выстрѣлилъ. Утка тотчасъ нырнула въ воду, и пуля, не причинивъ никакого вреда, ударила нѣсколько линiй отъ того мѣста, гдѣ только что сидѣла птица, и потомъ стала дѣлать вдалѣ безвредныя прыжки по поверхности воды.

Звѣробой радостно и громко засмѣялся, потомъ сталъ въ позицiю и стоялъ неподвижно, наблюдая за гладкою поверхностью воды. Скоро показалось темное пятнышко, и вслѣдъ за тѣмъ утка вынырнула, чтобъ набраться воздуха и отряхнуть крылья. Этого момента и ожидалъ Звѣробой; его ружье щелкнуло и пуля ударила въ самую середину груди птицы, которая тотчасъ упала навзничъ бездыханная. Въ слѣдующую за симъ минуту Звѣробой стоялъ прислонивъ ружье къ платформѣ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, только дружескiй смѣхъ обнаруживалъ его ощущенiя.

— Этимъ, впрочемъ, нельзя испытывать достоинства оружiя, сказалъ онъ послѣ, чтобы предупредить ошибочную оцѣнку его заслуги; я внезапно выстрѣлилъ въ птицу въ самую неблагоприятную для нея минуту, потому что иначе она бы опять нырнула прежде, чѣмъ пуля могла ее достигнуть. Это еще ничего не значить; но вотъ прямо птица, какую намъ нужно. Тамъ, нѣсколько сѣвернѣе, Делаваръ! Вотъ эта примемся, если хотите!

Чингахгокъ взглянулъ по указанному направленiю, и увидѣлъ большую черную утку, которая совершенно спокойно плавала по озеру. Онъ, какъ и прежде, не тратилъ понапрасну словъ, и прямо приступилъ къ выстрѣлу; такъ какъ онъ прицѣлился старательнѣе, чѣмъ первый разъ, то и достигъ лучшаго результата. Когда онъ началъ выстрѣлять, то пуля попала птицѣ въ крыло, она съ крикомъ порхала надъ водой, чтобъ какъ

можно дальше и скорѣе скрыться отъ своихъ неприятелей.

— Надо сократить ея мученія, сказалъ Звѣробой въ ту самую минуту, когда утка пыталась подняться вверхъ, и вотъ ружье и рука, которыя это исполнять.

Утка еще продолжала порхать, какъ вдругъ догнала ее смертельная пуля, и такъ чисто отдѣлила ее голловку отъ шеи, какъ будто это было сдѣлано ударомъ топора. Чингахгокъ тотчасъ надаль восклицаніе удовольствія, и его смѣхъ доказалъ, какъ велико его удивленіе и какъ далека онъ отъ мелочной зависти.

— Ну, вотъ это лучше! сказалъ Звѣробой, а все таки еще недовольно. Тамъ надъ нами вижу я птицу, которая можетъ служить для испытанія нашихъ ружей. Сюда, Чингахгокъ; я вызываю васъ на выстрѣлъ вверхъ на лету. Вотъ настоящая и хорошая проба, требующая вѣрнаго глаза и вѣрнаго ружья.

Это былъ морской орелъ, который на значительной высотѣ леталъ надъ замкомъ, ожидая удобнаго случая, чтобы спуститься; его голодные птенцы высовывали головки изъ гнѣзда, которое видно было на вершинѣ вполовину сгнившей сосны. Чингахгокъ молча приложилъ ружье къ плечу, навелъ его на птицу и переждавъ нѣсколько времени, выстрѣлилъ. Большой кругъ, который описала птица, служилъ доказательствомъ, что пуля просвистала въ угрожающемъ близкомъ разстояніи отъ орла, но не попала въ цѣль.

Звѣробой, котораго прицѣливаніе было столь же быстро, какъ и вѣрно, выстрѣлилъ вслѣдъ за Чингахгокомъ, и тотчасъ замѣченное скорое опусканіе орла оставляло нѣсколько времени сомнительнымъ, попала ли въ него пуля или нѣтъ. Звѣробой, впрочемъ, самъ тотчасъ объявилъ, что онъ не былъ счастливъ, и пригласилъ своего друга взять другое ружье.

— Я его озадачилъ, это правда, и я даже думаю, что его перья пощипало, но кровь его еще не текла, и это старое ружье не годится для быстрого и вѣрнаго прицѣла. Скорѣе, Делаваръ, у васъ теперь лучшее ружье, а вы, Юдвѣ, принесите кильдеръ, это удобный случай, чтобы удостовѣриться въ его достоинствахъ.

Наступило общее движеніе. Оба товарища приготовились, а дѣвушки стояли въ оживленномъ ожиданіи послѣдующаго. Орелъ, нѣсколько спустившись, описалъ дальнюю дугу, и теперь, опять поднявшись, снова плавалъ вокругъ надъ замкомъ, но еще на большей высотѣ, чѣмъ прежде. Чингахгокъ посмотрѣлъ на верхъ, и прямо объявилъ, что онъ признаетъ невозможнымъ попасть въ птицу на такой высотѣ и притомъ находящуюся въ совершенно вертикальномъ положеніи надъ головами стрѣлковъ. Тѣмъ не менѣе онъ выстрѣлилъ, и послѣдствія доказали, что онъ правильно оцѣнилъ свое умѣнье. Орелъ послѣ выстрѣла не измѣнилъ даже своего полета, но продолжалъ описывать круги въ своемъ воздушномъ

волѣ, и какъ бы съ презрѣніемъ смотрѣлъ внизъ на своихъ преслѣдователей.

— Ну, Юдишь, сказала Звѣробой, теперь мы посмотримъ, что можетъ сдѣлать кильдеръ. Дайте мнѣ мѣсто, приятель, и наблюдайте, какъ я буду цѣлить, потому что благоразуміе и обдуманность научать всему.

Затѣмъ послѣдовало заботливое прицѣливаніе, нѣсколько разъ повторенное, между тѣмъ какъ птица подымалась все выше и выше. Потомъ блеснулъ порохъ и раздался выстрѣлъ; пуля полетѣла на верхъ и тотчасъ орелъ свернулся въ сторону и ринулся внизъ. Онъ билъ то однимъ, то другимъ крыломъ, вертѣлся нѣсколько времени въ одномъ кругѣ, потомъ нерѣшительно махалъ крыльями, какъ бы созывая свою гибель, и наконецъ, сдѣлавъ нѣсколько полныхъ круговъ, упалъ съ тяжелымъ звукомъ на одинъ изъ концовъ пловучаго дома. Исслѣдованіе показало, что пуля ударила его между крыломъ и грудною костью.

— Мы поступили необдуманно, совершивъ убійство безъ всякой цѣли, кромѣ удовлетворенія нашего тщеславія, серьезно сказала Звѣробой, между тѣмъ какъ Чингахгокъ за крылья поднялъ громадную птицу, которая какъ бы съ упрекомъ вперила потухавшіе глаза на своего непріятеля. — Да, мы не обдумали, и приличнѣе было двумъ мальчикамъ доставить себѣ удовольствіе такимъ глупымъ и грѣшнымъ поступкомъ, чѣмъ двумъ мужчинамъ, находящимся на полѣ бѣлвы. Ахъ,

Господи! Ну, въ наказаніе, я васъ сейчасъ оставлю и когда буду одинъ у кровожадныхъ Мингосовъ, то буду думать о томъ, что жизнь имѣетъ свою сладость даже для звѣрей въ лѣсахъ и для птицъ въ воздухѣ. Вотъ, Юдишь, возьмите кильдеръ и сохраните его для руки, которая достоинѣе его, чѣмъ моя.

— Ни одна недостойнѣе вашей, отвѣчала Юдишь, — и ни одна не будетъ владѣть имъ.

— Да, что касается ловкости. Но намъ также нужно знать, когда слѣдуетъ употреблять огнестрѣльные оружія, я не только, какъ употреблять ихъ. Видъ этого умирающаго въ мученіяхъ орла возбуждаетъ во мнѣ горькое раскаяніе, и я съ удовольствіемъ пожертвовалъ бы своими суетными чувствами и всею моею гордостью, еслибъ этотъ орелъ могъ снова быть въ своемъ гнѣздѣ у своихъ птенцовъ.

Всѣ присутствующіе были поражены этимъ внезапнымъ выраженіемъ раскаянія о такомъ обыкновенномъ, хотя и необдуманномъ, но умыленномъ поступкѣ. Но никто не отвѣчалъ, а Делаваръ, который очень хорошо понималъ слова Звѣробой, вынулъ острый ножъ и однимъ ударомъ отдѣлилъ голову орла отъ туловища, чтобъ положить конецъ борьбѣ его со смертію.

— Что за жалкая вещь, однако, власть, если забываешь, какъ ею пользоваться. Право, еслибы не срокъ моего отпуска, то я бы четырнадцать дней и болѣе провелъ бы въ лѣсу, чтобъ отыскать гнѣздо этой бѣдной птицы и сократить также страданія птенцовъ.

— Это меня радуешь слышать отъ васъ такіа слова, Звѣробой, сказала Гетти: — навѣрно Богъ будетъ больше видѣть ваше мнѣніе о поступкѣ, чѣмъ самый грѣхъ. Да, я думала о томъ, что должно быть грѣшно убивать безвредныхъ птицъ, и хотѣла сказать вамъ это, — но мнѣ было такъ любопытно увидать, можете ли вы попасть въ орла на такой высотѣ, что я забыла сказать, пока уже было поздно и убійство совершилось.

— Въ томъ-то и дѣло, моя добрая Гетти: мы видимъ наши ошибки и оплошности только тогда, когда уже поздно, и раскаяніе приходитъ вслѣдъ за тѣмъ, поэтому намъ нужно всегда быть осторожными и осмотрительными, прежде чѣмъ дѣйствовать. При всемъ томъ я радъ, что вы ничего не сказали, боясь, что сказанныя въ ту минуту два слова не остановили бы меня совершить грѣхъ, который чрезъ то сдѣлался бы еще больше.

Медленно и покачивая головой, сошелъ Звѣробой съ судна, и съ горестью сѣлъ на платформѣ. Между тѣмъ солнце уже порядочно поднялось, и это побудило приготовиться къ отъѣзду. Какъ только Делававъ узналъ это намѣреніе, онъ привелъ въ порядокъ челнокъ, и Ватава озаботилась о томъ, что могло способствовать его удобству. Все это происходило тихо и спокойно, но съ такимъ любезнымъ видомъ, который Звѣробой тотчасъ замѣтилъ и сумѣлъ оцѣнить. Когда все было готово, индѣйцы вернулись къ Юдию

и Гетти, которыя обѣ были около Звѣробоя; этотъ тогда поднялся.

— Лучшіе друзья должны разстаться, серьезно сказала онъ, — когда на то воля Божія, и потому я прощаюсь съ вами. Будьте счастливы, Юдию! Чингахгокъ, старый пріятель, прощайте! и вы Ватава, и вы, Гетти, — прощайте всѣ! — я долженъ васъ оставить!

— Но я съ вами поѣду, возразила Гетти: — дикари мнѣ ничего не сдѣлаютъ, а быть можетъ, мнѣ удастся, при помощи библіи убѣдить ихъ дать вамъ свободу и избавить васъ отъ мученій.

— Хорошо, Гетти, собирайтесь и садитесь въ челнокъ, отвѣчалъ Звѣробой: — мнѣ пріятно будетъ еще нѣсколько часовъ провести въ вашемъ обществѣ.

Гетти не медлила, принесла свою библію, и вошла въ челнокъ.

— И теперь, да благословитъ васъ Богъ! продолжалъ Звѣробой. Не поминайте меня лихомъ, если больше меня не увидите, и пожмите мнѣ всѣ руку еще разъ. — Такъ! — и теперь, — въ послѣдній разъ — прощайте!

Онъ спрыгнувъ въ челнокъ, и оттолкнувъ его отъ платформы; Юдию и Ватава горько плакали, а Чингахгокъ покрылъ голову платкомъ, спрятавъ лицо свое, какъ римлянинъ, скрывавшій свое горе въ четырехъ стѣнахъ, и медленно отправился на пловучій домъ, чтобы тамъ наединѣ предаться своему горю и своимъ мыслямъ.

Между тѣмъ, челнокъ быстро плылъ во волнахъ в

направлялся къ тому пункту, гдѣ Звѣробой положительно зналъ, что ожидаютъ его враги. Онъ уже боялся, что не успѣетъ явиться въ назначенное время, но Гетти такъ сильно помогала ему грести, что онъ скоро не имѣлъ уже этого опасенія, и съ дружескою любезностію началъ болтать съ своею спутницею.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Солнце находилось уже въ двухъ или трехъ минутахъ разстоянія отъ полудня, когда Звѣробой присталъ къ берегу около лагернаго расположенія индѣйцевъ, почти напротивъ замка. — Мѣсто это было гладко и ровно, и покрыто лишь нѣсколькими деревьями, такъ что почти походило на поле, окаймленное со всѣхъ сторонъ лѣсомъ.

Для индѣйскаго война заключался вопросъ чести въ томъ, чтобъ сдержать свое слово, когда онъ разъ обязался вернуться въ опредѣленную часть, чтобъ итти на встрѣчу смерти; но такой же вопросъ былъ и въ томъ, чтобы не выказать бабьяго нетерпѣнія и сколь возможно точнѣе явиться въ данную минуту. — Хорошо было не пропустить дарованнаго непріателемъ срока, но еще лучше было держаться его съ пунктуальной точностію.

Поэтому Звѣробой, хотя считалъ несомнѣннымъ съ своею гордостью въ чемъ-либо измѣнить своей бѣлой крови и происхожденію, но тѣмъ не менѣе слѣдовалъ тогда безсознательно обычаямъ индѣйцевъ, и теперь съ удовольствіемъ скрылъ всякій видъ лихорадочной послѣдственности, которая бы служила молчаливымъ доказательствомъ, что онъ просилъ для дѣлъ своихъ больше времени, чѣмъ сколько ему нужно было на самомъ дѣлѣ. Случай покровительствовалъ ему, ибо именно въ ту минуту, когда онъ вступилъ на берегъ и направился къ индѣйскимъ начальникамъ, сидѣвшимъ на древесныхъ пняхъ въ серьезныхъ совѣщаніяхъ, — старшій изъ нихъ бросилъ взглядъ на просвѣтъ между деревьями и обратилъ вниманіе своихъ товарищей на то, что солнце какъ вазъ стоитъ въ самомъ зенитѣ. Раздался общій, хотя и на половину сдержанный крикъ изумленія, и лютые воины оглянули другъ друга съ разными чувствованіями. Одни чувствовали зависть и досаду, другіе изумились пунктуальной точности ихъ жертвы, въ третьихъ же, наконецъ, возбудилась склонность къ великодушію и милосердію.

Мнѣнія Гуроновъ на счетъ возвращенія плѣнника были весьма разнообразны. Большая часть ихъ не считали возможнымъ, чтобъ блѣднолицый воротился изъ свободы и подвергнулъ себя страшнымъ мукамъ и индѣйскимъ пыткамъ, и только немногіе изъ старшихъ начальниковъ выказали къ Звѣробой болѣе довѣрія, такъ какъ они на опытѣ убѣдились въ его се-

новательности, мужествѣ и хладнокровіи. Многіе даже желали, чтобъ онъ не возвращался, конечно въ надеждѣ унижить этимъ Делаваровъ; они хотѣли пристыдить цѣлый народъ тѣмъ, что провинился одинъ изъ выросшихъ въ ихъ селеніяхъ. Имъ было бы еще пріятнѣе, еслибъ плѣнникомъ ихъ былъ Чингахгокъ и еслибъ онъ оказался не сдержавшимъ своего слова. Но, при всемъ томъ, молодой бѣлый могъ хорошо замѣнить его для ихъ цѣли, и потому всѣ воины и лазутчики толпы созданы были для произнесенія надъ нимъ суда. Вся шайка: мужчины, женщины и дѣти, собрались на одномъ мѣстѣ, чтобы присутствовать при ожидаемомъ зрѣлищѣ, или же сдѣлать торжество сколько возможно болѣе полнымъ въ томъ случаѣ, если бы охотникъ не показался по истеченіи опредѣленнаго часа.

Это было величественное зрѣлище, на которое попалъ Звѣробой, приближаясь. Какъ сказано выше, старики сидѣли на стволѣ упавшаго дерева и серьезно и съ достоинствомъ ожидали приближенія молодого плѣнника. Правѣ стояли въ полномъ вооруженіи молодые воины, а лѣвѣ женщины и дѣти. По срединѣ оставлено было большое свободное мѣсто, съ котораго заботливо убраны были всѣ вѣтки, свалившіяся деревья и другія препятствія. Гордые вершины ближайшихъ высокихъ деревьевъ бросали на все пространство густую тѣнь, между тѣмъ какъ блестяшіе сквозь листья солнечные лучи обливали ихъ нѣжнымъ свѣтомъ.

Два начальника почти въ равной степени раздѣляли власть надъ этими сынами лѣсовъ. Было, впрочемъ, еще нѣсколько воиновъ того племени, которые имѣли права на званіе начальниковъ, но первые два такъ были выше прочихъ по своему разуму и уваженію, которое внушали, что никто не дерзаль ослушаться ихъ, когда они были согласны между собою. Одинъ изъ нихъ былъ старикъ, и обязанъ былъ своимъ отличіемъ краснорѣчію, мудрости совѣтовъ и умѣнью выбирать подходящія къ каждому случаю мѣры. Другой былъ храбрецъ, отличавшійся на войнѣ, извѣстный своею дикостью и славившійся хитростію и обиліемъ средствъ на военномъ полѣ. Его звали Барсъ; первый же былъ Ривеноакъ, съ которымъ мы уже знакомы по нашему разсказу.

Ривеноакъ и Барсъ сидѣли рядомъ и ожидали приближенія плѣнника, когда Звѣробой ступилъ на берегъ. Никто не тронулся съ мѣста, никто не сказалъ ни слова, пока молодой человекъ не подошелъ на средину и не объявилъ о своемъ прибытіи.

— Вотъ и я, Мингосы, сказалъ онъ просто и твердо на нарѣчій Делаваровъ, понятномъ для большей части присутствовавшихъ. — Вотъ я, а тамъ свѣтитъ солнце! Поступайте теперь со мной по вашему усмотрѣнію; дѣла мои на землѣ кончены, и мнѣ ничего болѣе не остается, какъ предстать предъ лице Всевышняго, какъ приличествуетъ человѣку съ бѣлыми понятіями и обязанностями.

Послѣ этихъ словъ, послышался шопотъ удовольствія, даже въ рядахъ женщинъ, и почти всѣ одну минуту выразили желаніе принять въ племя такого мужественнаго юношу. Только немногіе уклонились отъ этого желанія, и между ними находились Барсъ и сестра его Сумахъ, вдова того воина, который палъ отъ руки Звѣробоя. Одного удерживала природная дикость, другую же—неутолимая жажда мести препятствовала поддаться на минуту болѣе милосердымъ чувствамъ.

Не такъ было съ Ривеноакомъ; онъ поднялся съ своего мѣста, вѣжливо протянулъ свою руку, и привѣтствовалъ плѣнника съ достоинствомъ и ловкостью, которымъ позавидывалъ бы любой князь.

— Блѣднотлицый! сказалъ онъ: — вы благородны, и мой народъ гордится тѣмъ, что взялъ въ плѣнъ человека, а не коварную лису. Мы васъ теперь знаемъ и поступимъ съ вами, какъ съ храбрымъ; правда, что вы умертвили одного изъ нашихъ воиновъ и помогли убіенію другаго; но вы также готовы принести въ возмездіе вашу собственную жизнь. Нѣкоторые изъ моихъ молодыхъ соплеменниковъ думали, что кровь бѣлаго жидка и не рискнетъ течь подъ ножемъ Гурона; но вы покажете имъ, что они ошибаются, и что ваше сердце твердо, какъ и тѣло. Да, это очень пріятно захватить такого плѣнника, и еслибъ мои воины сказали, что смерть ихъ товарища не можетъ быть забыта, и что врагъ долженъ послѣдовать за нимъ въ міръ духовъ, что онъ палъ отъ

руки храброго, то съ такой дружбой отправятъ васъ во слѣдъ ему, что онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ стыдиться вашего общества. Я кончилъ; вы поняли мои слова?

— Совершенно справедливо, такъ же, какъ Евангеліе, отвѣчалъ Звѣробой. — Вы говорили и я понялъ не только ваши слова, но и ваше мнѣніе. Я охотно вѣрю, что вашъ товарищъ, Рысь, какъ вы его называете, былъ храбрый воинъ, но я нисколько не считаю себя недостойнымъ его общества, даже безъ пропускнаго листа изъ вашихъ рукъ. Но, во всякомъ случаѣ, я на-лицо, и ожидаю рѣшенія моей участи отъ предстоящаго суда, если, впрочемъ, рѣшеніе не состоялось уже до моего прихода.

— Нѣтъ; старѣйшины наши не хотѣли произнести сужденія о бѣломъ прежде, чѣмъ онъ былъ между нами, возразилъ Ривеноакъ, оглядывая всѣхъ нѣсколько презрительнымъ окомъ. Только одинъ голосъ говорилъ въ вашу пользу, но онъ былъ одинокъ, какъ пѣніе крапивника, котораго самка разорвана когтями сокола.

— Благодарю этотъ голосъ, кому бы онъ ни принадлежалъ, ибо онъ говорилъ правду, отвѣчалъ Звѣробой. Никогда не навлекъ бы я стыда на Делава-ровъ, просрочивъ мой отпускъ, такъ какъ между ними воспитывался. Но слова бесполезны, ибо ведутъ лишь къ хвастливымъ рѣчамъ. Я здѣсь, дѣлайте со мной, что хотите!

Ривеноакъ обратился къ старѣйшинамъ, и между ними послѣдовалъ краткій и тихій разговоръ. Когда

онъ окончился, то трое или четверо воиновъ удалились и исчезли въ кустахъ; плѣнному же было объявлено, что онъ можетъ свободно прохаживаться по гѣсу, пока участь его рѣшится.

Въ этомъ мнимои великодушій заключалось однако мало истиннаго довѣрія, такъ какъ упомянутые молодые воины образовали цѣль часовыхъ во всю ширину мыса, и бѣгство на другой берегъ дѣлалось немыслимо. Даже челнокъ былъ перетянутъ на такое мѣсто, гдѣ можно было считать его въ безопасности отъ каждой видимой попытки. Эти мѣры предосторожности были необходимы, потому что плѣнникъ исполнилъ всѣ условія и былъ свободенъ отъ даннаго имъ слова, — такъ что теперь ему бы послужило за честь, еслибъ онъ успѣлъ обмануть бдительность своихъ враговъ.

Звѣробой зналъ свои права въ этомъ отношеніи и не былъ къ нимъ равнодушенъ; если бы онъ видѣлъ малѣйшую возможность къ бѣгству, то, конечно, не медлилъ бы ни минуты исполненіемъ. Но въ настоящемъ случаѣ успѣхъ былъ сомнителенъ; онъ зналъ расположеніе цѣли часовыхъ и не скрывалъ себѣ трудности прорвать ее невредимымъ. Озеро ничего не могло помочь ему, ибо если бы онъ, какъ отличный пловецъ, захотѣлъ переплыть къ замку, то ему никакъ не удалось бы достигнуть его, пока враги владѣли челнокомъ какъ средствомъ преслѣдованія.

Бродя по мысу, онъ осматривалъ внимательно каждое мѣстечко, чтобы отыскать, гдѣ спрятаться, но нигдѣ

не находилъ ничего такого, что соотвѣствовало бы его цѣли. Поэтому онъ медлилъ сдѣлать попытку бѣгства, чувствуя, что необходимо было видѣть хотя возможность успѣха, прежде чѣмъ приступить къ такому дѣлу.

Между тѣмъ въ лагерѣ дикихъ дѣла шли своимъ чередомъ. Начальники совѣтовались въ особой кучкѣ, а изъ женщинъ допустили къ участию въ совѣщаніи только Сумахъ, которая, какъ вдова павшаго воина, имѣла право быть выслушанною при такомъ случаѣ. Молодые индѣйцы бродили кругомъ, спокойно ожидая результатовъ совѣщанія, а женщины приготовляли паршество, которое должно было завершить собою дѣло. Каково бы ни было рѣшеніе участи Звѣробоя. Никто не выказывалъ особенной горячности, и прѣшель цѣлый часъ въ непрерывномъ теченіи сихъ обстоятельствъ.

Мучительная неизвѣстность, во всѣхъ случаяхъ, невыносимое чувство. Когда Звѣробой вышелъ на берегъ, онъ рѣшился чрезъ нѣсколько минутъ терпѣть муки индѣйской мести, и былъ совершенно готовъ спокойно встрѣтить свою страшную судьбу; отсрочка же была для него гораздо сильнѣйшимъ испытаніемъ, чѣмъ приближеніе мученій, и онъ уже начиналъ серьезно помышлять о сомнительной попыткѣ къ бѣгству, когда вдругъ былъ потребованъ предъ лице своихъ судей, чтобы выслушать ихъ приговоръ.

— Звѣробой! началъ Ривеноакъ, когда плѣнникъ остановился передъ нимъ: — мой старые войны выслу-

шали слова ваши и готовы къ отвѣту. Знайте, что одинъ изъ лучшихъ нашихъ шалашей опустѣлъ на дняхъ чрезъ смерть его хозяина, и пройдетъ много времени, пока сынъ его подрастетъ, чтобъ занять его мѣсто. Вотъ стоитъ вдова; она будетъ терпѣть недостатокъ въ дичи для питанія себя и дѣтей ея, и это ваша рука, которая поставила ее въ столь горестное положеніе. Ей предстоитъ исполнить два долга: одинъ къ павшему супругу, другой къ своимъ дѣтямъ. Одинъ законъ гласитъ: скальпъ за скальпъ, кровь за кровь, жизнь за жизнь; другой научаетъ кормить и воспитывать своихъ дѣтей. Звѣробой! мы васъ знаемъ, вы благородны и вашему слову можно вѣрить; у васъ только одинъ языкъ и тотъ правдивый. Вы также справедливы, и если совершите несправедливость, то скоро постараетесь загладить ее. Вотъ Сумахъ и дѣти ея, просящія крикомъ хлѣба; вотъ заряженное ружье. Возьмите его, удалитесь, застрѣлите штуку дичи, принесите ее вдовѣ Рыси, накормите дѣтей ея и назовите себя ея супругомъ. Тогда сердце ваше изъ Делавара сдѣлается Гурономъ, уши Сумахъ не услышатъ болѣе плача дѣтей ея, и мой народъ пополнится и будетъ имѣть необходимое число воиновъ.

— Ривеноакъ! отвѣчалъ Звѣробой.—я боялся этого; зналъ, что къ этому придетъ дѣло, и мнѣ больно, что такъ вышло. При всемъ томъ, высказать правду не долго, и она положитъ рѣшительный конецъ неизвѣстности. Я бѣлый и рожденъ христіаниномъ, а поэтому не приходится мнѣ брать жену изъ язычницъ

и соблюдающую обычаи краснокожихъ. Я бы готовъ былъ кормить дѣтей вашего павшаго товарища, еслибъ это могло быть сдѣлано съ честью; но это не возможно, ибо я никогда не могу жить въ селеніи Гуроновъ. Ваши собственные молодые люди обязаны кормить дѣтей Сумахъ, и если она опять выйдетъ замужъ, то имѣйте наблюденіе, чтобъ мужъ ея не заходилъ въ чужія владѣнія. Рысь палъ въ честномъ бою, и это участь, которой долженъ ожидать каждый храбрый. Принимая во вниманіи все это, вмѣстѣ взятое, я не могу сдѣлаться Мингосомъ, а хочу остаться Делаваромъ, пока имѣю дѣло съ индѣйцами. Это мое рѣшеніе, Мингосъ, — честное и прямое.

Всеобщій ропотъ обнаружилъ неудовольствіе, которое произвели на всю толпу слова Звѣробоя. — Особенно много неудовольствія выказали женщины, и Сумахъ не была умѣреннѣйшая въ брани и проклятіяхъ. Но дикая досада Барса превзошла всякую мѣру. Лютый начальникъ уже смотрѣлъ, какъ на униженіе, что его сестра должна сдѣлаться женою блѣднолицаго, а теперь его грызло, что происхожденіе его не оцѣнено и презрѣно. Съ страшною злобою впередъ онъ сверкающей взоръ на плѣнника и поднималъ руку, чтобы въ быстромъ дѣяніи излить всю досаду и злобу свою.

— Блѣднолицая собака! дико вскричалъ онъ: — иди и твѣкай между дворяшками твоей презрѣнной своры.

Съ этими словами онъ направилъ свой томагавкъ на Звѣробоя, который, къ счастью, замѣтилъ его убій-

ственный замыселъ. Такъ велика была ловкость, съ которою пущено было это опасное оружіе, что оно, безъ сомнѣнія, разсѣкло бы черепъ плѣнника, еслибъ тотъ не протянулъ руки, и съ необычайнымъ проворствомъ не схватилъ летящій топорикъ. Полетъ его былъ такъ силенъ, что рука Звѣробоя оттолкнулась за его голову, и потомъ вернулась въ такое положеніе, которое было самое лучшее для отвѣта на это нападеніе.

Досада и злость пересилили терпѣніе и благоразуміе Звѣробоя при такомъ коварствѣ индѣйскаго начальника; глаза его сверкали, и маленькія красныя пятна выступили на щекахъ; онъ собралъ всѣ свои силы, и съ сильнымъ напряженіемъ бросилъ оружіе назадъ въ своего противника. Барсъ, не ожидая такого смѣлаго поступка и потому не поднималъ руки и не нагнулся, чтобъ избѣгнуть и отворотить опасность. Маленькій острый топоръ ударилъ его прямо между глазъ и буквально пробилъ ему лобъ. Онъ ринулся впередъ, растяннулся на землѣ, и перевернулся въ борьбѣ со смертію. Всѣ остальные бросились ему на помощь, и такъ какъ Звѣробой такимъ образомъ увидѣлъ себя освобожденнымъ отъ всей толпы, то и рѣшился сдѣлать попытку къ спасенію своей жизни и помчался оттуда съ быстротою лани.

Невыразимое удивленіе дикихъ этому смѣлому началу продолжалось недолго, и вся толпа, старый и малый, женщины и дѣти, подняли шумные крики,

оставили трупъ Барса лежащимъ на землѣ и поспѣшно бросились за убѣгавшимъ.

Уже Звѣробой былъ нѣсколько приготовленъ къ страшной игрѣ на жизнь и смерть, и поэтому выбралъ лучшую дорогу, которую только могли указать ему благоразуміе и размышленіе. Невредимый пролетѣлъ онъ черезъ цѣпь часовыхъ, бросился въ кусты и затѣмъ поспѣшно ринулся въ открытый лѣсъ. Нѣсколько выстрѣловъ пущено было ему въ слѣдъ, но поспѣшность, съ которою цѣлили, и царствовавшее повсюду замѣшательство спасли его отъ пуль. Нѣкоторые просвистѣли около него и оторвали вблизи вѣтки и листья, но ни одна не коснулась даже его одежды. Между тѣмъ онъ достигъ того, что имѣлъ впереди по крайней мѣрѣ сто шаговъ, и потому не могло быть и рѣчи преслѣдовать его съ ружьями въ рукахъ. Дикіе побросали всѣ ружья, крикнули женщинамъ и дѣтямъ, чтобъ они снова зарядили ихъ, и затѣмъ ринулись, какъ на крыльяхъ вѣтра, вслѣдъ за убѣгавшимъ.

Звѣробой слишкомъ хорошо понималъ свое затруднительное положеніе, чтобъ потерять хоть одну драгоценную минуту; онъ зналъ, что вся его надежда на успѣхъ основывалась лишь на томъ, что онъ бѣжалъ все по прямому направленію, ибо какъ только онъ уклонился бы всторону или описалъ дугу, то превосходящее число его преслѣдователей сдѣлало бы спасеніе невозможнымъ. Поэтому онъ направилъ путь свой въ косомъ направленіи къ одному возвышенію, ко-

торое, хотя не было очень длинно и круто, но достаточно было, чтобъ страшно утомить его. — Скоро онъ побѣждалъ нѣсколько медленнѣе, чтобы вздохнуть, и миновалъ самыя крутыя мѣста скорымъ шагомъ вли мелкою рысью. Гуроны прыгали и скакали вслѣдъ за нимъ, но онъ не обращалъ на это вниманія, ибо зналъ, что имъ также придется преодолевать оставленные имъ назади трудности, прежде чѣмъ они достигнутъ той высоты, куда онъ уже добѣжалъ. Онъ теперь уже совсѣмъ приблизился къ вершинѣ перваго холма и увидѣлъ, что ему нужно пробѣжать по глубокому оврагу, прежде чѣмъ достигнуть подножія втораго холма. Осторожно подымаясь къ вершинѣ, онъ осматривался во всѣ направленія и испытующимъ взоромъ искалъ удобнаго мѣста, чтобы спрятаться, но нигдѣ такого не оказывалось, а недалеко отъ него лежалъ поваленный стволъ дерева и его исключительное положеніе требовало особенныхъ средствъ помощи. Онъ подскочилъ къ стволу, съежился подъ нимъ какъ только могъ и остался недвижимымъ. Но прежде, чѣмъ исчезнуть такимъ образомъ изъ глазъ своихъ преслѣдователей, онъ сталъ на высотѣ и издавъ смѣлый кликъ торжества, какъ будто видъ лежавшаго предъ нимъ спуска наполнялъ его радостью. Вслѣдъ за тѣмъ легъ онъ, растянувшись подъ деревомъ.

Теперь только замѣтилъ Звѣробой, по силѣ, съ которою все билось въ немъ, какъ страшны должны были быть его напряженія. Онъ слышалъ бѣненіе сердца

и грудь его судорожно подымалась при сильномъ и прерывистомъ дыханіи. Скоро однако онъ отдохнулъ отъ своего изнуренія, и сердце не билось уже такъ сильно, какъ будто хотѣло выскочить изъ груди. Но теперь онъ услышалъ шаги индѣйцевъ, подымавшихся на холмъ съ другой стороны, и различалъ голоса, которые доказывали приближеніе его преслѣдователей. Передніе вскрикнули, когда достигли вершины, потомъ одинъ за другимъ вскочили на дерево, подѣ которымъ лежалъ Звѣробой, и всѣ бросились въ оврагъ, въ надеждѣ настигнуть бѣглеца прежде, чѣмъ онъ добѣжитъ до самой глубины лощины. Такъ слѣдовали одинъ за другимъ, пока Звѣробой могъ надѣяться, что уже пробѣжали всѣ, но все-таки вскакивали новые, такъ что онъ насчиталъ уже ихъ до сорока. Скоро они всѣ уже находились въ оврагѣ, шаговъ на сто ниже его, а нѣкоторые взобрались уже на вершину противулежащаго холма, когда онъ замѣтилъ, что началось розыскиваніе того направленія, которое онъ, по всей вѣроятности, долженъ былъ принять. Это была ужасная минута, и всякій другой съ болѣе слабыми нервами или съ меньшею заботливою строгостью и опытностью воспользовался бы этимъ временемъ, чтобъ подняться и снова начать бѣгство. Но не такъ поступилъ Звѣробой; онъ остался смирно лежать и съ горячею бдительностію наблюдалъ за всѣми движеніями индѣйцевъ, до тѣхъ поръ, пока совершенно отдохнулъ.

Между тѣмъ, Гуроны походили на свору собакъ,

попавшихъ на фальшивый слѣдъ; они обмѣнивались лишь немногими словами и ринулись во всѣ стороны, осматривая всѣ кругомъ лежавшія гнившія деревья.

Наконецъ, въ надеждѣ, что сзади не остается ни одного противника, Звѣробой внезапно вскочилъ на дерево и перевалился на другую сторону его. Сердце его застучало отъ новой надежды; онъ поднялся на четвереньки, прислушался нѣсколько къ звукамъ въ воздухѣ, чтобъ убѣдиться, что его не видали, и началъ ползти немного въ сторону, чтобы опуститься съ холма и такимъ образомъ скрыться предъ глазами враговъ. Это удалось ему, и онъ поднялся во весь ростъ и быстро побѣжалъ по склону горы, слѣдуя противоположному противъ прежняго направленію. Но скоро достигли до него изъ оврага громкіе крики, которые озабочивали его, и онъ вскочилъ на верхушку горы, чтобъ сдѣлать рекогносцировку. Это была ошибка, ибо какъ только онъ достигъ самой верхушки, то его увидели и охота возобновилась. Теперь Звѣробой уклонился отъ высокой стороны горы, такъ какъ на ровномъ мѣстѣ ему легче было бѣжать, и мчался вдоль по склону холма, между тѣмъ какъ Гуроны, увидя, что склонъ этотъ теряется въ оврагѣ, поспѣшили къ нему, чтобы такимъ легкимъ маневромъ предупредить бѣглеца. Немедленно нѣкоторые направились къ югу, а другіе къ озеру, чтобы этимъ отрѣзать бѣглецу путь во всѣ стороны.

Положеніе Звѣробоя было теперь затруднительнѣе чѣмъ когда-либо; съ трехъ сторонъ отъ видѣлъ себя

окруженнымъ, а съ четвертой было озеро. Тѣмъ не менѣе, даже при поспѣшномъ бѣгѣ онъ хладнокровно обдумывалъ свои мѣры. Онъ зналъ, что можетъ пересилить каждаго индѣйца въ одиночномъ бѣгѣ, и потому его преслѣдователи опасны были ему только по числу ихъ и по благопріятному ихъ положенію. Онъ бы и не задумался опять пуститься бѣжать по прямому направленію, еслибы имѣлъ за собою, по-прежнему, всю толпу, собранную въ одну кучку. Но теперь этого не было, и потому онъ вдругъ повернулъ къ своему направленію подъ прямымъ угломъ и съ необычайною быстротою помчался опять по склону къ берегу озера. Нѣкоторые изъ его противниковъ побѣжали ему вслѣдъ, но имъ пришлось сперва взобраться на холмъ, другіе же поспѣшили вдоль оврага, въ обманчивой надеждѣ поспѣть раньше Звѣробоя къ выходу изъ него.

Смѣлый молодой охотникъ слѣдовалъ между тѣмъ новому, менѣе сомнительному плану. Бросивъ всякую мысль о бѣгствѣ черезъ лѣса, онъ быстро мчался къ челноку. Зная, гдѣ онъ находился, онъ старался только достигнуть его, ибо тогда былъ въ безопасности, рискуя лишь выдержать нѣсколько выстрѣловъ. Все казалось благопріятствовало этому плану, и такъ какъ путь его лежалъ теперь подъ гору, то онъ бѣжалъ съ такою поспѣшностію, которая давала ему надежду на скорый конецъ его страданій.

Когда онъ приблизился къ мысу, то пробѣжалъ мимо нѣсколькихъ женщинъ и дѣтей, которыя про-

бовали бросать ему подъ ноги палки и сучья, но не рисковали приблизиться къ нему на столько, чтобъ на самомъ дѣлѣ воспрепятствовать его бѣгу. Торжествуя миновалъ онъ ихъ, протиснувшись черезъ рядъ кустовъ, окаймлявшихъ озеро, и увидалъ себя у воды, въ разстояніи пятидесяти шаговъ отъ челнока. Здѣсь онъ остановился, ибо видѣлъ, что ему прежде всего необходимо вздохнуть. При дальнѣйшемъ пути онъ нѣсколько разъ нагивался, зачерпывалъ рукою воды и освѣжалъ ею высохнувшій ротъ. Но минута была дорога, и онъ не могъ долго медлить и останавливаться. Черезъ нѣсколько минутъ достигъ онъ челнока, но съ перваго же взгляда замѣтилъ, что весла изъ него были убраны.

Это былъ тяжкій ударъ для его надеждъ, которыя онъ поддерживалъ съ такими страшными усиліями, и онъ даже одну минуту думалъ обернуться и подставить лобъ врагамъ своимъ, воротясь въ средину лагера. Но адскій крикъ, подобный которому способенъ испустить только американскій индѣецъ, обнаружилъ скорое приближеніе непріятеля, и инстинктъ жизни взялъ верхъ. Давъ носу челнока надлежащее направленіе, вскочилъ онъ въ воду, погнавъ предъ собою челнокъ, употребляя всѣ свои силы, чтобъ дать ему сильный толчокъ, и затѣмъ такъ ловко прыгнулъ на дно легкаго судна, что не сдѣлалъ никакого существеннаго препятствія дальнѣйшему его движенію. Затѣмъ онъ остался смиренно лежать на спинѣ, чтобы

съ одной стороны вздохнуть, а съ другой спрятаться отъ смертоснаго оружія индѣйцевъ.

Между тѣмъ легкость судна, столь выгодная при греблѣ, послужила къ большой невыгодѣ для бѣглеца. Если бы у челнока не было недостатка въ тяжести, то толчокъ Звѣробоя на спокойной и гладкой поверхности воды погналъ бы его на такое разстояніе отъ берега, гдѣ онъ навѣрно могъ бы грести руками. Достигнувъ этого, онъ надѣялся отплыть довольно далеко, чтобъ возбудить вниманіе Юдиен и Чингахгока. Еслибъ они выѣхали къ нему на встрѣчу съ другимъ челнокомъ, то онъ былъ бы спасенъ и осмѣялъ бы дикарей.

Пока Звѣробой лежалъ такимъ образомъ на днѣ челнока, онъ наблюдалъ за движеніями его, по верхушкамъ деревьевъ, мимо которыхъ плылъ. Голоса на берегу дѣлались многочисленнѣе и онъ услышалъ разговоръ о томъ, чтобъ сварядить плоть, который, впрочемъ, къ его счастью, находился на другой сторонѣ мыса въ порядочномъ разстояніи.

При всемъ томъ, положеніе молодого человѣка во весь день не было такъ затруднительно, какъ теперь. Двѣ или три минуты лежалъ онъ совершенно спокойно, полагаясь только на свой острый слухъ, надѣясь услышать шумъ въ водѣ, если кто нибудь вплавъ захочетъ къ нему приблизиться. Нѣсколько разъ казалось ему, что онъ слышитъ движенія руки, разсѣкающей волны, но скоро онъ убѣдился, что шумъ этотъ происходилъ лишь отъ плеска волнъ о песчаный

берегъ. Наконецъ и это смолкло, и наступила мертвая тишина.

Между тѣмъ челнокъ отплылъ такъ далеко, что Звѣробой, лежа на спинѣ, не могъ ничего видѣть, кромѣ голубаго неба; при всемъ томъ онъ былъ весьма неспокоенъ, такъ какъ очень хорошо зналъ, что столь глубокая тишина не къ добру, ибо индѣйцы никогда не были молчаливѣе, какъ когда собирались произвести нападеніе. Онъ вынулъ ножъ, и хотѣлъ начать сверлить отверстіе въ боку челнока, но ему вдругъ пришло въ голову, что онъ при исполненіи этого намѣренія покажется врагамъ и выставитъ тѣло свое цѣлью ихъ выстрѣламъ. Въ эту минуту даже раздался выстрѣлъ, и пуля пробила дерево челнока такъ близко отъ его головы, что онъ даже слышалъ ея свистъ. Это, конечно, была непріятная шутка, но Звѣробой не задолго предъ тѣмъ подвергался еще большимъ опасностямъ, такъ что онъ ни на минуту не потерялъ присутствія духа. Онъ остался спокойно лежать еще полминуты, когда вдругъ глазамъ его представилась вершина огромнаго дуба. Это обстоятельство онъ ни какъ не могъ объяснить себѣ, и потому неспособенъ былъ сдержать долге свое нетерпѣніе. Осторожно передвинулся онъ по дну челнока, пока достигъ пробилаго пулею отверстія, чрезъ которое могъ обозрѣть довольно большое пространство. Челнокъ направлялся къ югу и плылъ внизъ по озеру; по счастью, толчокъ, данный ему Звѣробоемъ, былъ довольно силенъ, чтобы гнать его мимо оконечности мыса, въ противномъ слу-

чаѣ, прежде перемѣны направленія онъ непремѣнно присталъ бы къ берегу. Но, при всемъ благопріятномъ положеніи дѣла, онъ плылъ такъ близко отъ него, что Звѣробой могъ видѣть надъ собою вершины нѣкоторыхъ деревьевъ, и наконецъ до того приблизился къ концу мыса, что уже не могъ считать себя болѣе въ безопасности. Разстояніе отъ берега уже было немного болѣе ста футовъ, но все-таки легкой юго-западный вѣтеръ сталъ гнать его далѣе въ озеро.

Теперь Звѣробой понялъ крайнюю необходимость найти средство, чтобы съ одной стороны удалиться отъ своихъ враговъ, а съ другой извѣстить пріятелей о своемъ положеніи. Послѣднее весьма затруднилось разстояніемъ, тогда какъ первое дѣлалось предметомъ несомнѣнной необходимости по случаю близости челнока отъ берега.

Въ этомъ челнокѣ, какъ и во всякомъ, на обоихъ концахъ находились по большому гладкому и круглому камню, который частью служилъ для сидѣнья, а отчасти и для балласта, и одинъ изъ этихъ камней Звѣробой могъ достать. Онъ такъ долго возился съ нимъ ногами, пока докатилъ его до рукъ и тогда уже ему не трудно было перекатить камень къ переднему концу челнока, гдѣ оба камня должны были уравновѣшивать тяжесть судна, такъ какъ онъ самъ переползъ къ задней оконечности его. На водѣ плавалъ кусокъ гнившей вѣтки, которую онъ могъ достать рукою; схвативъ ее, онъ посадилъ на нее свою шапку и поднялъ надъ челнокомъ какъ только могъ

высоко. Не успѣлъ онъ исполнить эту хитрость, какъ убѣдился, что не цѣнилъ въ надлежащей степени предусмотрительность своихъ враговъ. Для доказательства, что маневръ его былъ легко понятъ, раздался выстрѣлъ въ другую часть челнока, и пуля даже задѣла кожу охотника. Тогда онъ тотчасъ спустилъ шапку и опять надѣлъ ее на голову; быть можетъ, это послѣднее дѣйствіе его осталось не замѣчено, но, по всемъ вѣроятіямъ, Гуроны потому только берегли своего плѣнника, что надѣялись овладѣть имъ живымъ.

Затѣмъ нѣсколько минутъ Звѣробой оставался неподвиженъ, но все-таки держалъ глазъ свой у отверстія и немало радовался, видя, что челнокъ постепенно все болѣе и болѣе удалялся отъ берега. Когда онъ взглянулъ на верхъ, то вершины деревьевъ уже исчезли, но скоро онъ замѣтилъ, что челнокъ слегка поворачивался такъ, что чрезъ свое окошечко онъ могъ видѣть только одинъ край озера. Теперь онъ вспомнилъ о палкѣ, которая при согнутомъ его положеніи могла довольно хорошо служить весломъ безъ того, чтобъ ему нужно было подыматься на ноги; это удалось ему лучше даже, чѣмъ онъ самъ ожидалъ, хотя при этомъ представилось весьма затруднительнымъ держать челнокъ въ одномъ направленіи. Что новая вѣтра Звѣробоя замѣчена была съ берега, обнаружилось изъ громкихъ криковъ, и вслѣдъ затѣмъ новая пуля ударила въ заднюю часть челнока, пролетѣла между руками Звѣробоя и вышла вонъ въ переднюю часть. Это убѣдило его, что онъ быстро удаляется

отъ берега, и проснувшіяся надежды побудили его удвоить свои усилія. Сильнѣе и чѣмъ прежде, сталъ онъ грести, какъ вдругъ новый выстрѣлъ раздробилъ палку, и такимъ образомъ лишилъ его весла. Теперь онъ рѣшился предоставить все теченію воды, до тѣхъ поръ, пока онъ могъ надѣяться, что находится вѣ выстрѣловъ. Конечно, это было тяжелое испытаніе для нервовъ, но молодой человѣкъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, ибо чувствовалъ на лицѣ дуновеніе легкаго вѣтра, который, какъ онъ надѣялся, будетъ гнать его все далѣе отъ враговъ.

Около двадцати минутъ уже находился Звѣробой въ челнокѣ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ помощи отъ своихъ друзей; тѣмъ не менѣе онъ остерегался глядѣть въ ихъ сторону, ибо долженъ бы былъ для этого подвяться и открыть себя выстрѣламъ дикарей. Онъ легъ во всю длину на спину, закрылъ глаза и сталъ ожидать дальнѣйшаго съ твердымъ спокойствіемъ и христіанскимъ смиреніемъ.

Прошло около десяти минутъ въ такомъ положеніи, когда Звѣробойю вдругъ слышалось, какъ будто что-то трется о дно челнока. Онъ, конечно, открылъ тотчасъ глаза въ ожиданіи увидать вражескую личность индѣйца, но увидалъ нѣчто еще худшее—именно сводъ листьевъ, нависшій надъ его головой. Онъ вскочилъ и первый ему представившійся предметъ былъ Ривеноакъ, который помогалъ тихому обратному движенію челнока, и притянулъ его къ мысу. Соприкасаніе къ берегу было звукъ, который такъ испугалъ Звѣ-

робой, а измѣненіе направленія произошло отъ нѣкоторой переменны вѣтра и измѣнчивости теченія.

— Пожалуйте, сказалъ Гуронъ, приглашая плѣнника спокойнымъ, но повелительнымъ тономъ. Мой молодой другъ такъ долго прогуливался по водѣ, что утомился.

— Ну, Гуронъ, теперь выгода на вашей сторонѣ, возразилъ Звѣробой, выходя изъ челнока безъ сопротивленія и слѣдуя за своимъ противникомъ:—небо вамъ помогло, и я опять сдѣлался вашимъ плѣнникомъ; при всемъ томъ, конечно, согласитесь, что я такъ же хорошо умѣю обращаться въ бѣгство, какъ и держать данное слово.

— Братъ мой—лось, отвѣчалъ Ривеноакъ:—его длинныя ноги задали много труда моимъ молодымъ воинамъ; но онъ не рыба и не умѣетъ найти дорогу въ водѣ.

— Вамъ хорошо поддразнивать, когда судьба снова предала меня въ ваши руки; но все равно, дѣлайте со мной что хотите.

— Братъ мой сдѣлалъ большое путешествіе, продолжалъ Ривеноакъ, усмѣхаясь съ видомъ, обещающимъ самыя мирныя намѣренія. Братъ мой видѣлъ лѣса и воду; гдѣ ему больше нравится? Можетъ быть, онъ ужъ достаточно видѣлъ, чтобъ переимѣнить мысли и послушать голосъ разсудка?

— Что вы этимъ хотите сказать? спросилъ Звѣробой. — У васъ что-то есть на сердцѣ и чѣмъ скорѣе вы это выскажете, тѣмъ скорѣе узнаете и мой отвѣтъ.

— Это откровенно сказано! Да, въ рѣчахъ моего блага брата нѣтъ кривыхъ оборотовъ, хотя онъ бѣжитъ какъ лисица. Я буду ему говорить, и пусть онъ слушаетъ. Сумахъ бѣднѣе, чѣмъ прежде; у нея былъ братъ и мужъ, были и дѣти: Рысь отправился къ предкамъ и многіе думали, что братъ теперь не оставитъ сестру и позаботится, чтобы хижина ея зимой не оставалась пуста. Но, увя! Барсъ зарычалъ и долженъ былъ послѣдовать за Рысью. Кто же теперь долженъ кормить дѣтей Сумахъ? не тотъ ли, который отправилъ въ лучший міръ ея мужа и брата? Онъ извѣстный охотникъ, и никогда не будетъ недостатка у его жены.

— Эге, Гуронъ, по вашимъ понятіямъ это скоро дѣлается, только не по моимъ. Я, съ своей стороны, не ищу смерти, но старую Сумахъ еще менѣе.

— Братъ мой обдумаетъ мои слова, пока мои воины соберутся для совѣщанія. Идите! мы кликнемъ васъ по имени Звѣробоя, когда пожелаемъ васъ видѣть.

Этотъ разговоръ происходилъ безъ свидѣтелей. Никого не было видно изъ всей толпы дикихъ, кромѣ Ривеноака, и, казалось, что остальные покинули это мѣсто. Даже посуда, одежда, оружіе и прочія принадлежности лагеря исчезли безъ слѣда, и это мѣсто не представляло никакихъ слѣдовъ происшедшаго на немъ замѣшательства, кромѣ только что потухшаго костра и обтопанной земли, на которой виднѣлись слѣды ногъ. Такая внезапная и совершенная перемѣна не мало беспокоила Звѣробоя, такъ какъ ему во всю жизнь не встрѣчалось ничего подобнаго у Делабаровъ. Ему

пришло въ голову только одно предположеніе и, случайно, самое правильное. Именно, онъ полагалъ, что предназначена была перемѣна лагеря, и что хотѣли возбудить въ душѣ его страхъ скрытностію этого передвиженія.

Ривеноакъ пошелъ между деревьями, и оставилъ Звѣробоя совершенно одного, такъ что новичекъ могъ бы подумать, что плѣнный совѣтъ одинокъ и предоставленъ теченію своихъ мыслей. Но Звѣробой слишкомъ хорошо зналъ своихъ враговъ, чтобы считать себя свободнымъ и вольнымъ въ своихъ движеніяхъ. При всемъ томъ, онъ не зналъ, какъ далеко Гуроны намѣрены повести свои хитрости, и потому рѣшился какъ можно скорѣе привести этотъ вопросъ въ ясность. Принявъ только видъ полнаго равнодушія, онъ бродилъ по этому мѣсту, неоднократно приближался къ тому пункту, гдѣ вышелъ на берегъ, вдругъ ускорилъ свои шаги и, раздвинувъ кусты, вступилъ на песчаный берегъ. Челнокъ исчезъ и вгдѣ не было видно слѣдовъ его; онъ вѣроятно, отведенъ былъ на неизвѣстное ему и недоступное мѣсто, и тогда Звѣробой лучше прежняго уразумѣлъ свое положеніе.

Онъ былъ заботливо оберегаемый плѣнникъ на мысу. и ему не представлялось никакого средства къ бѣгству, кромѣ его искусства плавать. Онъ подумалъ было объ этомъ средствѣ; но увѣренность, что за нимъ пошлютъ въ погоню челнокъ и настигнуть его, остановила всякую подобную попытку.

Идя вдоль берега, онъ наткнулся на кучку срубленныхъ кустовъ, и, поднявъ нѣсколько вѣтокъ, увидѣлъ вверху трупъ Барса, который долженъ былъ сохраняться здѣсь до того времени, пока дикіе найдутъ мѣсто для погребенія его, такъ, чтобы скальпъ былъ внѣ прилива воды. Онъ опять надвинулъ вѣтви на безжизненный трупъ и, полный мыслей, выглянулъ на замокъ, гдѣ однако все казалось тихо, пустынно и спокойно. Онъ вздохнулъ и тяжелое чувство одиночества и покинутости овладѣло его сердцемъ, которое чрезъ это получило серьезное и грустное настроеніе.

— Ну, да будетъ воля Божія, пробормоталъ онъ наконецъ, озабоченный покидая берегъ и направляясь опять подъ сводъ лѣса:—да будетъ воля Божія, какъ на небеси, такъ и на землѣ! Я не думалъ, что мнѣ оставалось такъ мало жить, но все-таки было бы и не весьма много. Еще пару зимъ и лѣтъ, и я бы покончилъ съ жизнію по волѣ природы. Но, увы! молодые и сильные рѣдко думаютъ о смерти, пока она не посмотритъ имъ близко въ лицо, какъ бы извѣщая, что ихъ часъ пришелъ.

Говоря тихимъ шопотомъ эти слова, Звѣробой снова очутился на открытомъ мѣстѣ и увидѣлъ стоящею одну Гетти, которая, казалось, ожидала его возвращенія. Она держала подъ мышкою библію, и ея грустное, кроткое лицо имѣло выраженіе печали и упадка духа. Звѣробой подошелъ къ ней, и сказалъ:

— Бѣдная Гетти! послѣднее время было такъ без-

покойно, что я совершенно забылъ васъ. Не знаете ли вы, какъ поживаютъ Чингахгокъ и Ватава?

— Звѣробой! зачѣмъ вы умертвили Гурона, съ упрекомъ спросила Гетти. Развѣ не знаете заповѣди, которая гласитъ: не убей!

— О да, моя добрая Гетти, я знаю эту заповѣдь; но на войнѣ многое позволено и даже необходимо, что было бы грѣхомъ въ мирное время. Барсъ самъ натолкнулся на смерть, бросивъ томагавкъ въ безоружнаго плѣнника. Развѣ вы присутствовали при томъ?

— Да, Звѣробой, и я видѣла, какъ вы отвѣтили ударомъ за ударъ, вмѣсто того, чтобъ платить добромъ за зло, какъ требуетъ отъ насъ Богъ Иисусъ Христосъ.

— Дитя, вы этого не понимаете, возразилъ Звѣробой съ нетерпѣніемъ. Было бы противуестественно, еслибы я не поднялъ руку при такомъ поступкѣ, и это послужило бы навсегда безчестіемъ моимъ правдамъ и моему воспитанію. Нѣтъ, нѣтъ, Гетти, моя милая дѣвушка, вы этого не понимаете.

Разговоръ былъ теперь прерванъ шелестомъ листьевъ и трескомъ сухихъ вѣтвей, что обнаружило внимательному Звѣробойю приближеніе непріятелей. Гуроны собрались, составили около плѣннаго большой кругъ и стали такимъ образомъ, что нигдѣ не оставалось ни малѣйшаго отверстія, гдѣ бы онъ могъ прорваться и бѣжать. Впрочемъ, Звѣробой и не думалъ о бѣгствѣ, такъ какъ послѣдняя попытка достаточно убѣдила его въ невозможности убѣжать. Онъ болѣе

всего старался укрѣпить свою душу, чтобы встрѣтить ожидавшую его страшную участь съ спокойствіемъ и твердостію, которыя могли принести славу его цвѣту кожи и мужеству. Онъ рѣшился равно избѣгать какъ жалкаго и презрѣннаго страха, такъ и обыкновенной хвастливости дикихъ.

Теперь показался и Ривеноакъ, который занялъ почетнѣйшее мѣсто въ кругу Гуроновъ. Нѣсколько старыхъ воиновъ стояли близъ него, но ни одинъ не могъ помѣряться съ нимъ во вліаніи и уваженіи, послѣ того, какъ Барсъ палъ отъ руки Звѣробоя. Онъ желалъ спасти плѣннаго и завербовать его въ свое племя, такъ какъ онъ научился уважать его. Но, хотя онъ умѣлъ чрезъ свое краснорѣчіе управлять до извѣстной степени настроеніемъ своего народа и умѣрять дикія и лютыя наклонности кровожадныхъ воиновъ, но все-таки онъ не былъ неограниченнымъ властелиномъ, и власть его не имѣла столько силы, чтобы подарить жизнь по своему личному усмотрѣнію. Сумахъ была сильно озлоблена за то, что ею презрѣли, и безъ ея прощенія не было надежды согласить племя на освобожденіе Звѣробоя безъ всякаго наказанія.

Серьезное молчаніе царствовало во всемъ собраніи. Звѣробой замѣтилъ, что женщины и дѣти приготовили изъ окаменѣлыхъ сосновыхъ корней щепки, которыя, какъ ему было извѣстно, должны были быть воткнуты въ его тѣло и зажжены, и что въ это время нѣсколько молодыхъ людей держали въ рукахъ канаты,

чтобы ими скрутить ему руки. Дымъ нѣсколько отдаленнаго огня извѣщалъ, что костры, которые должны были служить для питанія его, уже приготовлялись, и нѣкоторые изъ старыхъ воиновъ провели пальцемъ по лезвіямъ своихъ томагавговъ, чтобы испытать ихъ остроту и тонкость. Даже ножи казались привлекательными; всѣ какъ будто съ нетерпѣніемъ жаждали кровавой и ужасной работы, которая должна была начаться въ скоромъ времени.

— Звѣробой! началъ наконецъ Ривеноакъ спокойно и съ достоинствомъ: настало время, когда вы узнаете рѣшеніе моихъ воиновъ. Они должны воротиться въ свои селенія, чтобы заняться хозяйствомъ; всѣ хижины наши наполнятся радостью, когда услышатъ наши крики изъ лѣсу, но горе послѣдуетъ за радостію, когда поймутъ значеніе этого крика. Только одинъ скальпъ окажется налицо, скальпъ Выхокола, и Звѣробойю остается рѣшить, долженъ ли быть еще скальпъ на нашихъ козлахъ. Двѣ наши хижины пусты, для каждой двери необходимъ скальпъ, живой или мертвый.

— Ну, такъ возьмите его мертвымъ, Гуронъ, отвѣчалъ плѣнникъ твердо, но безъ хвастливости. Я думаю, что мой часъ пришелъ, а потому что будетъ, то будетъ. Если вы не хотите избавить меня отъ вашихъ пытокъ, то я сдѣлаю все возможное, чтобы мужественно перенести ихъ, хотя и не могу сказать, въ какой степени смогу перенести мученія, такъ какъ еще никогда ихъ не испытывалъ.

— Ага, бѣлый уже развѣшиваетъ уши! вскринулъ молодой, болтливый инаѣць, который за свою говорливость носилъ прозвище Красный Воронъ.—И это воинъ! Теперь ужъ онъ хрюкаетъ какъ свинья, а когда женщины начнутъ его мучить, то начнетъ выть какъ молодая барсовая кошка.

— Болтай ты тамъ, молокососъ, хладнокровно возразилъ Звѣробой; ты этимъ не сдѣлаешь ни ножи острѣе, ни огонь жарче, ни ружья вѣрнѣе.

Воронъ хотѣлъ отвѣчать, но Ривеноакъ остановилъ его бесполезную болтовню и приказалъ нѣсколькимъ молодымъ воинамъ связать плѣнника. Это дѣлалось не изъ опасенія попытки къ бѣгству—которая была невозможна,—но единственно съ остроумнымъ намѣреніемъ сдѣлать ему сколь возможно чувствительнѣе его беззащитность, и чрезъ это ослабить его рѣшимость, удручая ее шагъ за шагомъ.

Звѣробой не оказывалъ никакого сопротивленія, но протянулъ руки и ноги свои канатамъ, которыми, по приказанію Ривеноака, стянули ихъ такимъ образомъ, чтобъ не сдѣлать ему никакой боли, потому что начальникъ все еще не оставилъ надежды, что плѣнный наконецъ согласится взять презрѣнную Сумахъ женою, и тѣмъ избавится отъ смерти и мученій.

Когда Звѣробой былъ достаточно крѣпко связанъ, то его проволокли по землѣ къ молодому деревцу и прикрѣпили къ нему такимъ образомъ, что онъ не

могъ ни двинуться, ни упасть. Потомъ сняли съ него шапку и онъ остался въ такомъ положеніи частію стоя, частію придерживаемый канатами, лицомъ къ своимъ врагамъ.

Прежде, чѣмъ индѣйцы приступили къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, Ривеноакъ пожелалъ еще разъ испытать рѣшимость плѣнника чрезъ возобновленіе попытки склонить его къ лучшимъ дѣйствіямъ.

Это могло произойти только однимъ способомъ, потому что согласіе Сумахъ было необходимо, когда рѣшеніе касалось ея правъ на мѣсть. Старухѣ приказано было выступить, чтобъ защищать свои интересы, и она вышла изъ толпы женщинъ, которыя, по совѣтамъ Ривеноака, старались укротить злобу ея противъ Звѣробоя и уговорить ее лучше принять молодого охотника въ свой домъ, чѣмъ отправить его въ царство мертвыхъ. Ривеноакъ твердо рѣшился испытать всѣ средства, чтобы пріобрѣсть въ свое племя охотника, который, по общему указанію, былъ извѣстнѣйшій во всей странѣ.

Сумахъ дѣйствительно отбросила нѣкоторыя изъ своихъ мыслей, и выступила съ намѣреніемъ еще разъ предложить себя въ жены плѣннику. Дѣти, которыхъ она вела за руки, извиняли и узаконивали въ глазахъ дикихъ все, что она могла сдѣлать въ этомъ случаѣ.

— Лютый блѣднолицый, вы меня видите предъ собой и легко угадаете мои виды, начала старуха. Мои глаза видятъ васъ, но не видятъ ни мужа моего, ни

Барса, хотя я искала ихъ на землѣ, въ водѣ и облакахъ. Я не знаю и не могу сказать, куда они исчезли.

— Да, никто этого не знаетъ, рѣшительно никто; но, вѣроятно, они переселились въ лучшей мѣрѣ, гдѣ вы когда нибудь увидите ихъ въ лучшемъ положеніи, чѣмъ на землѣ.

— Но что же сдѣлали вамъ мои воины, что вы умертвили ихъ? Они были лучшіе охотники и храбрѣйшіе воины изъ всего племени, и по волѣ судьбы должны были жить до тѣхъ поръ, пока погибли бы какъ вѣтви ели, падающія лишь отъ старости или собственной тяжести.

— Нѣтъ, нѣтъ, Сумахъ, въ этомъ вы ошибаетесь! Ваши друзья, конечно, не сдѣлали мнѣ никакого вреда, но они жаждали этого, и я только употребилъ мою руку для того, чтобы не пасть отъ ихъ рукъ.

— Это такъ. У Сумахъ только одинъ языкъ, и она можетъ рассказывать только одну исторію. Блѣднолицый убилъ Гуроновъ, чтобы не быть убитымъ ими. Поэтому Гуроны забудутъ то, что сдѣлалъ бѣлый, если онъ захочетъ жить съ ними и кормить дѣтей Сумахъ.

— Это невозможно ни въ какомъ случаѣ, возразилъ Звѣробой. Добывать вамъ дичь было бы еще не большой задачей, еслибы мы жили довольно близко другъ отъ друга, но быть вашимъ мужемъ и отцомъ вашихъ дѣтей — нѣтъ, къ этому я не чувствую въ себѣ никакого призванія. Идите своей дорогой, Су-

махъ, и предоставьте меня рукамъ вашихъ начальниковъ; цвѣтъ моей кожи, моя природа, мои понятія — все противится намѣренію взять васъ женою.

Это простое объясненіе тотчасъ снова пробудило всю жажду мести, всю свирѣпость и всю гордость Сумахъ, и преобразило ее мгновенно въ полуумную. Она издала ужасный вой, бросилась на свою жертву, схватила ее за волосы и, казалось, рѣшилась вырвать ихъ съ корнями. Только тогда удалось оторвать взбѣшенную отъ Звѣробоя, когда она вырвала ему два большихъ клочка волосъ.

Презрѣніе, оказанное старухѣ, принято было за оскорбленіе всего племени, и потому сдѣлалось вопросомъ чести наказать бѣлаго, который желалъ лучше умереть, чѣмъ взять въ жены женщину изъ Гуроновъ. Молодые выказывали нетерпѣніе начать пытки, слишкомъ хорошо понятые Ривеноакомъ, который потому и далъ сигналъ приступить къ дѣлу.

Въ подобныхъ случаяхъ индѣйцы всегда имѣли обыкновеніе подвергать нервы своихъ жертвъ сильнѣйшимъ испытаніямъ; но обязанность жертвы была не обнаруживать никакихъ признаковъ страха и боли. На волю ея предоставлено было возбуждать ругательства враговъ своихъ къ такимъ дѣйствіямъ, которыя должны были имѣть послѣдствіемъ мгновенную смерть. Но Звѣробойю это средство запрещалось особенными понятіями его о долгѣ бѣлаго человѣка, и онъ твердо рѣшился лучше вытерпѣть все, даже самое ужасное, чѣмъ нанести стыдъ своему цвѣту.

Какъ только молодые воины увидѣли, что они могутъ начать пытку, тотчасъ нѣсколько изъ нихъ поспѣше подскочили съ томагавками въ рукахъ, и старались бросать это опасное оружіе въ плѣнника, но не съ намѣреніемъ убить, а для возбужденія въ немъ боязни и страха. Они именно старались попасть въ дерево сколь возможно близко отъ головы ихъ жертвы, не причиняя ему однако никакой раны. Это была столь опасная игра, что только опытѣйшіе воины могли участвовать въ ней, чтобы не положить скорый конецъ развлеченію раннею смертью жертвы. Однако, при этомъ опасномъ испытаніи рѣдкій плѣнный избѣгалъ ранъ, и для Звѣробоя эта пытка была тѣмъ болѣе серьезна, что онъ незадолго предъ тѣмъ убилъ томагавкомъ лучшаго воина изъ племени, и потому испытаніе могло повести къ тому, чтобы тѣмъ же оружіемъ отомстить счастливому побѣдителю за его смѣлый поступокъ.

Однако всѣ, которые вступили въ кругъ, думали, казалось, только о томъ, чтобы выказать свою ловкость въ бросаніи, и начали дѣло скорѣе съ чувствами состязанія, чѣмъ съ жаждою мести. Молодые люди были скорѣе живы и веселы, чѣмъ раздражены, и еще разъ возникла у Ривеноака надежда спасти жизнь своему плѣннику, какъ только удовлетворится рвеніе молодежи.

Красный Воронъ былъ первый юноша, вышедшій на состязаніе. Онъ вообще отличался болѣе хвастовствомъ и самохвальствомъ, чѣмъ доблестными дѣви-

ями и ловкостью, и потому всѣ считали плѣннаго въ немалой опасности, когда выступившій занялъ свое мѣсто и съ угрозою поднялъ томагавкъ надъ головой. При всемъ томъ, онъ былъ добраго сердца, и въ его душѣ не было другой мысли, какъ сильное желаніе сдѣлать лучшей ударъ, чѣмъ его товарищи.

Звѣробой, между тѣмъ, сохранялъ видъ совершеннаго хладнокровія. Онъ уже свыкся съ мыслию, что его часъ насталъ, и потому считалъ не несчастіемъ, а благодѣніемъ пасть съ самаго начала отъ нетвердости первой поднявшейся на него руки.

Въ это время Красный Воронъ сдѣлалъ безчисленное множество размаховъ и тѣлодвиженій, которыя всячески обѣщали больше, чѣмъ онъ могъ исполнить, и во многихъ изъ свидѣтелей вызвали насмѣшливыя улыбки. Наконецъ, онъ выпустилъ томагавкъ изъ руки, оружіе, свистя, пролетѣло по воздуху, оторвало щепку отъ дерева въ разстояніи нѣсколькихъ ливій отъ головы плѣнника, и затѣмъ вонзилось въ большой дубъ, стоявшій на нѣсколько шаговъ назадъ. Это былъ рѣшительно дурной ударъ, и возбудилъ общій смѣхъ, къ немалому огорченію молодаго человѣка. Но, съ другой стороны, поднялся также общій, хотя сдержанный шопоть удивленія къ стойкости, съ которою плѣнный выдержалъ испытаніе. Голова его нарочно оставлена была свободною для всякаго движенія, для того чтобы, въ случаѣ если онъ наклонится или захочетъ избѣгнуть оружія, пытавшіе имѣли удовольствіе видѣть его слабость, которая пристыдила бы его самого.

Но Звѣробой обманывалъ всѣ надежды дикихъ, потому что стоялъ такъ же неподвижно, какъ самое дерево за его спиной, и даже не закрылъ глаза, хотя такое средство облегченія не было бы осуждено въ его положеніи даже смѣлѣйшимъ и самымъ стойкимъ индѣйцемъ.

За неудачной попыткой Краснаго Ворона послѣдовалъ воинъ среднихъ лѣтъ, прозванный Оленемъ; и при его выступленіи зрители общали себѣ большое удовольствіе, такъ какъ онъ былъ извѣстенъ какъ особенно ловкій въ бросаніи томагавка. Этотъ воинъ не имѣлъ и слѣдовъ добраго сердца своего предшественника, и онъ бы не долго думая принесъ плѣнника въ жертву своей злобѣ, еслибъ не хотѣлъ поддержать своей славы искуснаго метателя. Спокойно, но съ внимательнымъ видомъ занялъ онъ свое мѣсто, сдѣлалъ шагъ впередъ, и выпустилъ изъ рукъ оружіе. Звѣробой увидалъ, что его послѣдній часъ пробилъ; но онъ не былъ задѣтъ хотя томагавкъ рванулъ его голову къ дереву, попавъ въ kloкъ его волосъ, съ которымъ и вонзился глубоко въ дерево. Раздался всеобщій громкій крикъ радости и похвалы, и Олень почувствовалъ въ сердцѣ своемъ болѣе мягкости къ плѣннику, котораго желѣзное спокойствіе и стойкость одни сдѣлали возможнымъ исполнить столь блестящее дѣйствіе усовершенствованной ловкости.

За Оленемъ послѣдовалъ «Попрыгунчикъ», который, прыгая, плясалъ среди круга, какъ собаченка или

играющій козленокъ. Впрочемъ, не смотря на смѣшныя манеры его, онъ былъ храбрый, ловкій воинъ, и приобрѣлъ уваженіе своего племени многими мужественными дѣяніями на войнѣ и охотѣ. Онъ сталъ плясать кругомъ плѣнника и угрожалъ ему томагавкомъ то съ той, то съ другой стороны, съ позволительной надеждой вызвать у него признакъ страха. Это посмѣшище продолжалось такъ долго, что наконецъ терпѣніе Звѣробоя истоцилось.

— Бросайте, Гуронъ, сказалъ онъ:—бросайте, а то вашъ томагавкъ забудетъ, что ему дѣлать. Чего вы плясаете кругомъ, какъ оленій теленокъ, когда вы такой вѣрный воинъ? Бросайте же, говорю вамъ, или дѣвушки ваши осмѣютъ васъ въ лицо.

Слова Звѣробоя разожгли злобу прыгавшаго воина, и едва онъ успѣлъ кончить рѣчь, какъ томагавкъ брошенъ былъ съ намѣреніемъ однимъ ударомъ кончить жизнь плѣнника. Но, при менѣе смертоносномъ намѣреніи, опасность вѣроятно была бы больше, а теперь оружіе пролетѣло мимо щеки связаннаго, легко ранило его въ плечо, и затѣмъ вонзилось въ стволъ дерева. Необдуманная горячность Попрыгунчика не осталась однако безнаказанною, такъ какъ она разрушила бы почти всѣ надежды толпы. Старшіе начальники прочли ему строгое наставленіе, и потомъ, не взирая на его барахтанье, онъ былъ уведенъ съ мѣста дѣйствія въ толпу другихъ.

Затѣмъ послѣдовали еще другіе молодые воины, которые съ относительнымъ равнодушіемъ бросали

свои томагавки и ножи—еще болѣе опасное оружіе— въ Звѣробоя, не причинивъ ему однако никакой серьезной раны. Правда, нѣсколько разъ его оцарапали, но настоящей раны онъ не получилъ.

Его невозмутимая и непоколебимая твердость возбуждала между тѣмъ въ зрителяхъ глубочайшее уваженіе, и когда наконецъ начальники объявили, что плѣнникъ съ честію выдержалъ испытаніе ножемъ и томагавкомъ, то во всемъ племени, кромѣ Сумахъ и Попрыгунчика, не нашлось никого, кто бы еще питалъ къ Звѣробою враждебныя чувства.

Теперь Ривеноакъ объяснилъ, что бѣлый выказалъ себя мужчиной, а не сдѣлался бабой, хотя жилъ между племенемъ Делаваровъ. Онъ хотѣлъ знать, желаютъ ли Гуроны продолжать пытки или нѣтъ?

Не взирая на располагающія чувства въ отношеніи къ Звѣробою, было единогласно потребовано, чтобъ пытки продолжались; произведенныя испытанія доставили Гуронамъ слишкомъ много удовольствія, чтобъ они добровольно отказались отъ надежды на новое развлеченіе. Ривеноакъ, между тѣмъ, все-таки старался во время остановить дѣло, такъ какъ онъ горѣлъ желаніемъ привлечь доблестнаго охотника въ свое племя. Поэтому онъ призывалъ къ себѣ четырехъ или пятерыхъ лучшихъ стрѣлковъ и предложилъ имъ подвергнуть плѣнника пыткамъ стрѣлбы; но при этомъ обратилъ вниманіе ихъ на необходимость подержать извѣстность при показываніи своей ловкости.

Звѣробой почувствовалъ настоящее сердечное об-

легченіе, когда увидѣлъ помянутыхъ воиновъ, выступавшихъ въ кругъ съ заряженными ружьями. Ему сдѣлалось легче, какъ иному больному, который, перенеся долгія страданія, встрѣчаетъ наконецъ приближающуюся смерть, какъ освободительницу и друга. При употребленіи ружья, самое легкое уклоненіе могло быть смертельно, и легкое дрожаніе руки при спускѣ курка могло однимъ разомъ порѣшить страшный вопросъ жизни или смерти. Очень часто случалось, что жертва была прострѣливаема въ голову, если стрѣлявшая рука была слишкомъ горяча и неосторожна, и Звѣробой зналъ это. Потому онъ теперь съ увѣренностію ожидалъ конца своей жизни, и ощутилъ родъ тягостной радости при мысли, что окончатъ жизнь чрезъ свое любимое ружье. Но прежде, чѣмъ началось испытаніе, произошелъ перерывъ, возбужденный Гетти, которая вмѣстѣ со всѣми была свидѣтельницею предшествовавшего зрѣлища.

Медленно выступила дѣвушка впередъ, и говорила къ дикимъ съ такимъ серьезнымъ видомъ, какъ будто она на самомъ дѣлѣ находилась подъ защитою всемогущества и силы Бога, и Имъ была поддержана.

— Зачѣмъ вы мучите бѣднаго Звѣробоя, вы краснокожіе? спросила она яснымъ, свѣтлымъ голосомъ. Что онъ вамъ сдѣлалъ, что вы такъ играете съ его жизнью? Кто далъ вамъ право производить надъ нимъ судъ? Развѣ вы могли бы исцѣлить рану, которую сдѣлаете, или возвратитъ жизнь, которую отнимете? Развѣ вы не знаете, что Звѣробой дружески расположенъ

къ вамъ? Когда Гуттеръ и Гурри отправлялись за вашими скальпами, то онъ уклонялся отъ участія въ этомъ дѣлѣ; онъ одинъ остался въ челнокѣ, не дѣлая вамъ никакого вреда, и въ награду за его великодушіе вы теперь хотите его мучить!

Гуроны спокойно выслушали упреки Гетти, которые переведены были имъ толмачемъ. Затѣмъ Ривеноакъ отвѣчалъ ей, и толмачъ перевелъ дѣвушкѣ этотъ отвѣтъ на англійскій языкъ.

— Дочь моя можетъ говорить свободно, сказала начальникъ кротко и съ такой дружеской улыбкой, какъ будто говорилъ съ ребенкомъ. Гуроны слушаютъ ея голосъ и прислушиваются къ ея словамъ. Но глаза ея не были открыты и не видѣли всего того, что происходило. Звѣробой не являлся, чтобы добыть наши скальпы, но зачѣмъ онъ не являлся? Потому, что боялся! Два моихъ лучшихъ воина умерщвлены имъ, и теперь Гуроны хотятъ видѣть, убилъ ли онъ ихъ съ силою мужественной души или же предательскимъ образомъ, какъ крадущаяся лисица, или же какъ прыгающій барсъ.

— Но вѣдь вы знаете, какъ палъ одинъ изъ воиновъ, возразила Гетти. Онъ искалъ смерти Звѣробоя, а этотъ защищался, какъ вы всѣ видѣли. Другой же палъ отъ ружья Звѣробоя, и если вамъ хочется узнать, кто изъ васъ лучше стрѣляетъ, то дайте плѣннику ружье. Онъ покажетъ вамъ, что онъ ловчѣе и опытнѣе, чѣмъ всѣ вы вмѣстѣ.

— Моя дочь говоритъ не какъ умный глава, иначе

она бы этого не сказала, кротко отвѣчалъ Ривеноакъ. Два Гурона пали и одинъ бѣлый долженъ пойти имъ въ слѣдъ. Идите, дочь моя, и сядьте около Сумахъ, которая вся въ горѣ; Гуроны покажутъ, какъ они хорошо стрѣляютъ; бѣлый же можетъ доказать, какъ мало заботится онъ объ ихъ пуляхъ.

Грустно качая головой, Гетти отошла назадъ, съда огорченная около Сумахъ на древесномъ стволѣ, и отвернула глаза отъ страшнаго зрѣлища, которое началось посреди круга.

Воины старались блеснуть своею ловкостію, и при этомъ преслѣдовали двоякую цѣль: во первыхъ, испытать стойкость плѣнника, а во вторыхъ — показать, какъ тверда и вѣрна ихъ рука даже при раздражающихъ обстоятельствахъ.

Разстояніе стрѣлковъ отъ ихъ жертвы было весьма невелико, и потому обѣцало нѣкоторую вѣрность; но, съ другой стороны, чрезъ это самое испытаніе было весьма чувствительно для нервовъ плѣнника. Лицо было отдалено отъ дула ружья лишь на столько, чтобъ не могло быть обожжено вспышкой пороха, и потому ему приходилось смотрѣть прямо въ отверстіе дула и рассчитывать впередъ, въ какой именно пунктъ должна попасть пуля, когда спущенъ будетъ курокъ. Коварные Гуроны, конечно, знали это, и потому никто не подымалъ своего ружья, не прицѣлившись сперва прямо въ лобъ плѣнника, въ надеждѣ, что твердость духа оставитъ его, и что шайка вкуситъ торжество увидѣть, что жертва ихъ оборачивается и падаетъ

подъ гнетомъ расчитанной жестокости. Но при выстрѣлахъ, многіе стрѣлки заботливо остерегались попасть въ него, такъ какъ желаніе убить его уступало желанію вовсе не попасть въ цѣль.

Выстрѣлъ слѣдовалъ за выстрѣломъ, и пули удаляли всѣ близь головы Звѣробоя, не дѣлая ему однако ни одной царапины. При всемъ томъ, никто не могъ замѣтить ни вздрагиванія плѣннаго, ни морганія его глазъ—такъ тверда и непреодолима была неприступная рѣшимость его. Онъ былъ такъ хладнокровенъ, что могъ безошибочно указать точку, куда должна была попасть каждая пуля, такъ онъ, смотря прямо въ дуло, вѣрно расчитывалъ прицѣлъ. До того вѣренъ былъ его расчетъ, что наконецъ гордость превозмогла его смиреніе, и онъ открыто высказалъ свое презрѣніе къ Гуронамъ за ихъ недостатки въ вѣрности глаза и твердости руки.

— Вы, можетъ быть, называете это стрѣльбой, Гуроны! вскричалъ онъ:—да я знаю дѣвушекъ изъ Делаваровъ и голландокъ изъ Могавка, которыя сумѣютъ показать лучшія штуки. Развяжите мои руки, дайте мнѣ ружье и будьте увѣрены, что я самую тонкую кудрю изъ всей вашей шайки пригвозжу къ любому дереву, которое вы укажете, и это на разстояніи ста, даже, пожалуй, двухсотъ шаговъ; девятнадцать выстрѣловъ изъ двадцати должны попасть, если цѣль видима, и даже двадцать изъ двадцати, если ружье хорошо и вѣрно.

Угрожающій ропотъ слѣдовалъ за этой холодной

вызывающей насмѣшкой, и злоба волковъ воспылала, когда они услышали такіе упреки изъ устъ человѣка, не моргнувшаго даже, когда стрѣляли изъ ружья прямо ему въ глаза. Ривеноакъ замѣтилъ приближавшуюся грозу, и такъ какъ онъ все-таки еще надѣялся переманить доблестнаго охотника въ свое племя, то и принялъ мѣры, чтобы во время воспрепятствовать мгновенному умерщвленію плѣнника. Онъ подошелъ къ горячившимся дикарямъ, заговорилъ съ ними съ свойственнымъ ему каварствомъ и убѣдительною, и тотчасъ затушилъ разгоравшійся огонь злобы, грозившей разразиться сильнымъ пламенемъ.

— Я уже вижу въ чемъ дѣло, сказалъ онъ:—Звѣробой слишкомъ крѣпко привязанъ; веревки препятствуютъ дрожанію его членовъ; сдѣлайте ихъ свободнѣе и тогда мы увидимъ, изъ чего создано его тѣло.

Предложеніе умаго стараго начальника тотчасъ было принято общимъ одобреніемъ, и нѣсколько рукъ занялись тѣмъ, что стали срывать веревки съ живота плѣнника. Черезъ нѣсколько секундъ Звѣробой стоялъ совсѣмъ несвязанный, какъ и за часъ передъ тѣмъ, когда предпринялъ свое бѣгство черезъ горы. Впрочемъ, ему нужно было нѣкоторое время, пока онъ могъ снова приобрести свободное движеніе своими членами, и Ривеноакъ предоставилъ ему этотъ срокъ въ предположеніи, что когда тѣло его снова придетъ въ правильное настроеніе, то сдѣлается болѣе воспримчивымъ для чувствъ страха и боязни. Настоя-

шее же намѣреніе хитраго главы заключалось въ томъ, чтобы дать время успокоиться возбужденнымъ въ груди молодежи свирѣпымъ чувствамъ. Хитрость эта удалась. Звѣробой, потирая свои члены, топая ногами и дѣлая разныя движенія, скоро возстановилъ правильное обращеніе крови и до того вполне возвратилъ себѣ свои силы, какъ будто онѣ ничѣмъ не были удручены или ослаблены.

Человѣкъ, находясь въ гордомъ сознаніи здоровья и силы, рѣдко помышляетъ о смерти; такъ и Звѣробой: хотя онъ не задолго предъ тѣмъ считалъ себя совершенно и безвозвратно погибшимъ, но теперь, получивъ снова свободное употребленіе своихъ членовъ, опять онъ возымѣлъ нѣкоторую надежду. Онъ сталъ помышлять о средствахъ избавиться отъ насилій своихъ враговъ, и снова сдѣлался умнымъ, осторожнымъ и рѣшительнымъ охотникомъ, который, сознавая разнообразіе вспомогательныхъ средствъ, умѣетъ пользоваться ими.

Какъ только Звѣробоя развязали, вся толпа стала густо вокругъ него. Желаніе обуздать его твердость и мужество дѣлалось тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе встречало на пути своемъ затрудненій. Племя опасалось, что честь его пострадаетъ, и чрезъ это даже кроткія женщины потеряютъ всякое состраданіе къ человѣческому существу. Онѣ примѣшивали свои угрозы къ голосамъ мужчинъ, и такъ сильно протискивались впередъ, что послѣдніе вынуждены были нѣсколько отступить. Они исполнили это, замѣтивъ женщинамъ,

что хотятъ плѣннаго на нѣкоторое время оставить въ ихъ рукахъ, дабы онѣ насмѣшками и ругательствами, могли довести его до изступленія и самозабвенія и потомъ возвратить мужчинамъ въ такомъ состоянїи духа, который именно не былъ подходящимъ къ тому, чтобы оказать сопротивленіе тѣлеснымъ болямъ и пыткамъ. Женщины, а въ особенности Сумахъ, не пожалѣли своихъ легкихъ: онѣ стали упрекать плѣнника во всевозможныхъ порокахъ, и бранили его именами грязнѣйшихъ и наиболѣе презрѣнныхъ животныхъ, которыя когда-либо существовали.

Звѣробой перенесъ все это совершенно спокойно, такъ какъ его умъ былъ слишкомъ занятъ, чтобы развлекаться бравью озлобленныхъ старыхъ вѣдьмъ; и чѣмъ сильнѣе становилась ихъ злоба и изступленіе, тѣмъ равнодушнѣе казался онъ, пока, наконецъ, фуріи, переполнивъ мѣру своей злобы, сдѣлались неспособными къ продолженію. Вонны же, увидѣвъ, что ихъ попытка совершенно не удалась, вмѣшались въ дѣло и приступили къ серьезнымъ приготовленіямъ къ начатію настоящихъ пытокъ, которыя должны были подвергнуть твердость плѣннаго испытанію сильнѣйшихъ и мучительныхъ тѣлесныхъ болей. Впрочемъ, неожиданное извѣстіе, принесенное двѣнадцатилѣтнимъ индѣйскимъ мальчикомъ, прїостановило на минуту начало дѣла и возбудило между женщинами большое безпокойство, между тѣмъ какъ мужчины стояли въ полномъ достоинства ожиданїи, опираясь на свои ружья. Ривеноакъ внушилъ всему кругу, чтобы онъ

остался въ прежнемъ видѣ и чтобъ каждый спокойно ожидалъ исхода; вслѣдъ затѣмъ, за рядами Гуроновъ, показалась Юдиень и была тотчасъ впущена въ середину круга.

Самъ Звѣробой немало изумленъ былъ какъ появленіемъ, такъ и костюмомъ ея. Она была одѣта въ золотистое парчевое платье, которое достала изъ шкафа Тома Гуттера, и при красотѣ своей казалась въ немъ такъ привлекательна и мила, что ея появленіе должно было произвести на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. Лютые старые войны вперили въ нее взоры, смотря, какъ на явленіе изъ лучшаго міра, и въ знакъ изумленія издали свое любимое восклицаніе «хугъ». Молодые люди выказали еще большее любопытство, и даже женщины въ лестныхъ выраженіяхъ обнаружили благоприятное впечатлѣніе, произведенное на нихъ наружностью Юдиень, а главное, тѣмъ равнодушіемъ, съ которымъ она шла навстрѣчу опасностямъ, грозившимъ ей во время нахождения у дикихъ.

Нѣсколько минутъ царствовала на всемъ пространствѣ глубочайшая тишина. Наконецъ, Юдиень прервала ее и спросила Звѣробоя:

— Кто изъ этихъ воиновъ знатнѣйшій начальникъ? Мнѣ необходимо знать это, потому что мое порученіе слишкомъ важно, и не можетъ быть обращено къ воину низшаго разряда. Объясните это Гуронамъ и передайте мнѣ ихъ отвѣтъ.

Звѣробой спокойно исполнилъ выраженное требованіе, и Гуроны жадно слушали переводъ словъ. про-

изнесенныхъ столь необыкновеннымъ явленіемъ, какъ Юдиень. Едва успѣлъ понять ихъ, Ривеноакъ выступилъ, представляя себя Юдиень, какъ старшій изъ Гуроновъ.

— Лѣсной цвѣтокъ можетъ говорить, вѣжливо сказалъ хитрый начальникъ. Если слова ея такъ же любезны, какъ ея наружность, то они всегда будутъ звучать въ моихъ ушахъ.

Эта лесть удвоила мужество и рѣшимость Юдиень, и она улыбнулась.

— Выслушайте мои слова, Гуронъ, сказала она:— Глаза ваши должны сказать вамъ, что вы имѣете предъ собою женщину необыкновенную. Если я и не царица этой страны, то тѣмъ не менѣе занимаю высокое мѣсто между бѣлыми, и думаю, что, смотря на меня и слушая мои слова, вы вполнѣ чувствуете, что я такая женщина, которая можетъ принести вамъ пользу или вредъ, смотря по вашему съ ней обращенію.

Слова Юдиень просто и хорошо переведены были Звѣробоемъ на индѣйскій языкъ, и выслушаны съ такимъ вниманіемъ и серьезностью, которыя давали поводъ надѣяться и ожидать только хорошаго исхода смѣлаго плана дѣвушки. Но сокровенныя мысли индѣйцевъ трудно угадывались, и потому Звѣробой выказывалъ менѣе увѣренности, чѣмъ Юдиень. Ривеноакъ, между тѣмъ, послѣ довольно длинной паузы, продолжалъ:

— Дочь моя прекраснѣе, чѣмъ розы на Онтарио,
20*

и голосъ ея звучить пріятно, какъ пѣніе крапивника. Но великій духъ часто даетъ самымъ маленькимъ звѣркамъ блистательныя одежды, покрывая лося только грубыми волосами. Быть можетъ, у моей дочери большой домъ по близости озера? Гуронамъ, по ихъ невѣдѣнію, не удалось отыскать его.

— Гуронъ! отвѣчала Юдиень:— было бы бесполезно объяснять вамъ мое званіе и мѣсто жительства, потому что вы все-таки ничего бы изъ этого не поняли. Вы должны вѣрить вашимъ глазамъ. Надѣтая на мнѣ одежда не есть платье обыкновенной женщины, и въ украшеніяхъ, подобныхъ мнѣ, появляются только жены и дочери начальниковъ. Слушайте и узнайте, для чего я явилась между вами. Вы знаете, что Янгезы имѣютъ молодыхъ людей, такъ же какъ и Гуроны, и что число ихъ не малое.

— Ихъ столько же, сколько листьевъ на деревьяхъ; это знаетъ каждый изъ насъ.

— Хорошо! Еслибъ я взяла съ собою цѣлую толпу ихъ, то это причинило бы вамъ безпокойство, и моя молодежь съ вашею смотрѣли бы другъ на друга со злобою, въ особенности когда мои увидали бы этого блѣднотлицаго, осужденнаго вами на мученіе. Онъ извѣстный охотникъ, и Янгезы любятъ его; загорѣлся бы бой, и путь Гуроновъ въ Канаду обогрѣлся бы кровью.

— Уже онъ довольно кровавый, чтобъ затемнить наши глаза, мрачно возразилъ Ривеноакъ. — Мои молодые войны видятъ, что это кровь Гуроновъ.

— Да, но еще болѣе этой крови потекло бы, еслибъ

я пришла съ моими бѣлыми войнами. Я слышала о Ривеноакѣ и думала, что хорошо было бы разойтись съ нимъ мирно. Онъ любитъ звѣрей и изображенія, сдѣланныя изъ слоновой кости, и вотъ я захватила нѣкоторыя съ собой, чтобъ показать ихъ ему. Я ему другъ, и готова подарить ихъ, если онъ мнѣ выдастъ знаменитаго охотника, который нуженъ мнѣ дома.

Звѣрбой перевелъ эти слова, и предложеніе еще двухъ слоновъ и нѣкоторыхъ другихъ вещей, въ томъ числѣ и упомянутыхъ уже однажды пистолетовъ, возбудило живое движеніе между Гуронами. Ривеноакъ одинъ остался хладнокровенъ и отклонилъ подарки, такъ какъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія исполнить требованія Юдиен.

— Дочь моя можетъ оставить при себѣ свои подарки, сухо сказалъ онъ:—этотъ охотникъ не можетъ насъ покинуть; мои молодые люди желаютъ удосто- вѣриться, дѣйствительно ли онъ такъ храбръ, какъ хвастаетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Гуронъ, это вы лжете! прервалъ его Звѣрбой. — Никогда еще я не хвастался, и никто не услышитъ отъ меня хвастовства, даже если вы сожжете меня живаго и напустите на меня все ваши адскія муки и жестокости. Я несчастливъ и въ плѣну, но не хвастунъ, такъ какъ держусь правилъ и понятій бѣлыхъ.

— Молодой блѣднотлицый хвастаетъ тѣмъ, что онъ не хвастунъ, возразилъ хитрый начальникъ. — Хорошо, онъ долженъ быть правъ; но я слышу пѣніе рѣдкой

птицы съ перьями рѣдкой красоты. Ни одинъ Гуронъ не видалъ подобныхъ перьевъ, и мы стыдились бы, еслибъ отпустили плѣнника за пѣніе этой прекрасной птицы, которой имя намъ неизвѣстно. Мы не знаемъ, крапивникъ ли это, или что нибудь болѣе обыкновенное?

— Спросите о моемъ имени вашего плѣнника, сказала дѣвушка. Имя это—Юдиень, и о немъ много написано въ лучшей книгѣ бѣлыхъ, въ Библіи. Если я птица съ красивыми перьями, то у меня есть и имя.

— Нѣтъ, возразилъ Ривеноакъ на англійскомъ языкѣ, обнаруживая этимъ свою долго примѣненную хитрость и притворство:—нѣтъ, я не спрошу плѣнника; онъ усталъ и нуждается въ спокойствіи; я спрошу слабоумную дѣвушку; она скажетъ правду. Подойдите, дочь моя, васъ совуетъ Гетта?

— Да, это мое имя, просто отвѣчала она.

— А она, какъ ее зовутъ?

— Юдиень! Да, это сестра моя Юдиень, которая жила со мною въ домѣ надъ водою.

Улыбка торжества блеснула при этихъ словахъ на лицѣ Ривеноака, а Юдиень увидѣла, что все погибло. Поэтому она направила свой взоръ на Звѣробол, какъ будто возлагая на него обязанность принять это дѣло на себя, и выручить ихъ обоихъ изъ опаснаго положенія.

— Это будетъ весьма трудно, отвѣчалъ Звѣробой на понятый имъ нѣмой вопросъ:—ваша хитрость была

хороша, но Ривеноакъ также хитеръ и провести его нелегко.

— При всемъ томъ я хоть что-нибудь да выиграла, другъ мой, возразила Юдиень:—Я прервала ваши муки и продлила на нѣсколько времени вашу жизнь; едва ли они будутъ мучить васъ въ моихъ глазахъ.

— А почему же нѣтъ? Они не будутъ обходиться съ бѣлой дѣвушкой нѣжнѣе, чѣмъ съ своими. Мнѣ бы пріятнѣе было, еслибъ вы не приходили; пользы мнѣ нѣтъ никакой, а вамъ это можетъ принести большой вредъ.

— Хорошо, тогда я раздѣлю вашу участь, великодушно вскричала Юдиень:—Пока я здѣсь, вамъ не должно быть причинено никакого вреда, такъ какъ я могу этому воспрепятствовать, и кромѣ того...

— Ну, и кромѣ того? Зачѣмъ вы не говорите откровенно?

— Нѣтъ, этого я не могу сказать, васъ могутъ подслушать, поспѣшно отвѣчала дѣвушка, и шопотомъ прибавила, проходя мимо Звѣробоя;—въ полчаса многое можетъ переѣниться, всѣ друзья ваши дѣйствуютъ. Старайтесь выиграть время!

На эти слова утѣшенія Звѣробой отвѣчалъ лишь взглядомъ признательности; потомъ снова обернулся къ своимъ врагамъ и показалъ готовность вновь подвергнуться испытаніямъ.

Между тѣмъ старѣйшины толпы имѣли совѣщаніе и постановили рѣшеніе. Доброе настроеніе Ривеноака было немало ослаблено хитростію Юдиень, и уже онъ

не склонялся болѣе къ мысли спасти жизнь молодого человѣка или отложить на время болѣе серьезныя пытки. Когда онъ снова взглянулъ на плѣнника, то выраженіе лица его значительно измѣнилось, и въ немъ не проглядывало и тѣни состраданія. Онъ сдѣлалъ знакъ, и молодые воины тотчасъ приступили къ приготовленіямъ для назначенной пытки. Они собрали куски сухаго дерева вокругъ молодого деревца, къ которому прежде привязанъ былъ Звѣробой, сносили туда щепки, которыя должны были быть воткнуты ему въ тѣло и зажжены, и снова приготовили веревки, чтобъ привязать его къ дереву.

Все это дѣлалось въ глубокомъ молчаніи. Юдиень между тѣмъ наблюдала за всѣми движеніями съ напряженнымъ вниманіемъ, а Звѣробой казался столь невозмутимымъ, какъ будто всѣ эти приготовленія нимало его не касались. Только когда подошли къ нему воины, чтобъ связать его, бросилъ онъ на Юдиень взглядъ, какъ будто спрашивая ее: что благоразумнѣе—оказывать сопротивленіе или покорность? Юдиень знакомъ совѣтовала послѣднее. И чрезъ минуту Звѣробой былъ снова привязанъ къ дереву и выставленъ беззащитный на всякое поношеніе и поруганіе, которыя хотѣли бы обратить на него. Вслѣдъ за тѣмъ куча хвороста была зажжена, и всѣ присутствующіе въ напряженномъ ожиданіи смотрѣли на послѣдствія этой страшной картины.

Однако Гуроны не имѣли намѣренія огнемъ лишить Звѣробоя жизни; они только хотѣли подверг-

нуть мужество и крѣпость духа его сильнѣйшему испытанію, какое онъ только могъ вытерпѣть. Прежде, чѣмъ убить его и взять его скальпъ, они хотѣли сломить его рѣшимость и унизить его до степени плачущаго и разслабленнаго. Поэтому, сначала дрова и сухіе кусты должны были быть зажжены въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дерева пытки, но это не было вѣрно рассчитано, и пламя начало достигать такъ близко къ лицу плѣнника, что слѣдующая минута могла быть для него смертельна, если бы не Гетти, которая внезапно, вооруженная палкою, пробилась сквозь ряды Гуроновъ и разбросала во всѣ стороны горѣвшія головни. Поднялось нѣсколько рукъ, жаждавшихъ мести, чтобъ наказать смѣлую дѣвушку за ея вмѣшательство, но начальники тотчасъ же вступились, напомнивъ молодому, горячему народу о слабости Гетти. Она, между тѣмъ, не сознавая никакой опасности, остановилась спокойно около плѣнника и съ мрачнымъ неудовольствіемъ посмотрѣла вокругъ себя, какъ будто хотѣла упрекнуть дикихъ въ ихъ страшной жестокости.

— Да благословить тебя Богъ за этотъ поступокъ, милая Гетти! тихо сказала Юдиень.—Само небо навело тебя на эту мысль!

— Да, да, Юдиень! Гетти считала это хорошимъ дѣломъ, хотя, быть можетъ, было бы лучше, еслибъ она не вмѣшивалась, сказалъ Звѣробой, съ любовію взглянувъ на Гетти.—Она считала это хорошимъ и поспѣла вовремя. Еслибъ я только проглотилъ одинъ

глотокъ пламени, то никакая человѣческая сила не могла бы спасти меня; а это было довольно близко. Потому что, какъ вы видите, эти собаки на этотъ разъ такъ крѣпко привязали голову мою къ дереву, что мнѣ невозможно двгаться. Во всякомъ случаѣ, если должна придти помощь, то ей надо придти скоро, а то со мною уже все будетъ кончено.

— Жестокіе, злые, неумолимые Гуроны! закричала между тѣмъ Гетти внѣ себя:— Неужели вы хотите сжечь мирнаго христіанина, какъ кусокъ дерева? Стыдитесь и подумайте, что Богъ никогда не забудетъ такого безчеловѣчія.

Ривеноакъ ничего не отвѣчалъ, но сдѣлалъ дикарямъ знакъ снова собрать разбросанныя головни; принести свѣжихъ дровъ, и даже женщины и дѣти помогали таскать полѣнья.

Во второй разъ поднялось пламя, какъ вдругъ индѣянка ринулась въ средину круга, быстро направилась къ костру и отбросила ногой въ сторону горящія прутья, предупредивъ этимъ воспламенение всей массы дерева. Ужасный крикъ послѣдовалъ за этимъ вторичнымъ перерывомъ; но когда исполнившая это обернулась къ зрителямъ лицомъ, и всѣ узнали Ватаву, то раздалось общее восклицаніе радости и удивленія. Нѣсколько времени начатое дѣло было забыто, и старъ, и младъ толпились около дѣвушки, чтобъ услышать отъ нея объясненіе ея внезапнаго и неожиданнаго возвращенія. Предъ самой этой минутой Ватава прошептала Юдиенъ нѣсколько словъ, незамѣтно

дала ей въ руку маленькую вещь, а потомъ обернулась къ дѣвушкамъ, чтобъ дружески отвѣтить на ихъ привѣтствія.

Между тѣмъ, Юдиенъ снова пришла въ полное сознание и дѣйствовала быстро. Маленькій, острый ножикъ, полученный ею изъ руки Ватавы, передала она Гетти, которая и приблизилась къ Звѣробою, чтобъ освободить его отъ веревокъ; но ея слабый разумъ не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на ея посредство. Въстало того, чтобы прежде всего освободить руки Звѣробою и потомъ скрытно передать ему ножикъ, она приступила сперва къ тому, чтобы перерѣзать веревку, державшую его голову, дабы онъ снова не подвергся опасности вдыхать удушливое пламя. Конечно, это начало было тотчасъ замѣчено, и руки Гетти удержаны прежде, чѣмъ ей удалось сдѣлать что-нибудь, кромѣ освобожденія верхней части тѣла плѣнника, не включая рукъ и локтей. Съ этой минуты стали недоувѣрчивы и къ Ватавѣ, и когда ее допрашивали, то она, къ немалому удивленію Юдиенъ, не выказала ни малѣйшей склонности скрыть участие свое въ случившемся.

— Почему же мнѣ не помочь Звѣробою? твердымъ голосомъ спросила она.— Онъ братъ начальника Делаваровъ, и мое сердце также принадлежитъ этому племени. Сюда, жалкій предатель Бріаргорнъ! Смойте съ лица ваши проказскія малеванья и покажитесь Гуронамъ вороной, каковы вы есть. Начальники и воины

поставьте его противъ Звѣробоя; я покажу вамъ, какого негодяя вы терпѣли между вами.

Предательство всегда влечетъ за собою недоувѣрiе; Ватава очень хорошо это знала и не имѣла другой цѣли, кромѣ выигрыша времени. Бриаргорнъ былъ, впрочемъ, тотъ Делаваръ, который предалъ ее въ руки Гуроноу. Они терпѣли его въ своемъ лагерѣ, но не болѣе какъ терпѣли, и онъ до сего времени нарочно держался вдали отъ Звѣробоя, ибо опасался его упрековъ. Теперь же такъ рѣшительно вызванный, онъ не могъ долѣе скрываться за другими, и, принявъ грозный и важный видъ, выступилъ впередъ и рѣзко спросилъ: кто имѣетъ сказать что-нибудь противъ Бриаргорна?

— Спросите самихъ себя, живо отвѣчала Ватава, хотя ея образъ дѣйствiй уже не казался такъ рѣшителенъ какъ прежде, что Звѣробой и Юдионъ тотчасъ замѣтили:—Спросите самихъ себя, ползающiй червь и выкидышь Делаваровъ!

— Кто хочетъ чего-нибудь отъ Бриаргорна? возразилъ индѣецъ:—Если блѣднолицему жизнь надоѣла и онъ боится пытокъ, то рѣшайте, Ривеноакъ, и я отправлю его вследъ тѣмъ воинамъ, которыхъ мы потеряли.

— Нѣтъ, Ривеноакъ, нѣтъ! Не въ томъ дѣло! горячо вскричала Ватава. Звѣробой не боится ничего, а всего менѣе этой каркающей вороны. Развяжите его, поставьте его лицомъ къ лицу съ этимъ преда-

телемъ, и тогда мы увидимъ, кто изъ нихъ обоихъ больше боится смерти.

Ватава быстро кинулась впередъ и хотѣла взять ножъ изъ рукъ одного молодаго воина, чтобы самой оказать услугу плѣннику, но, по данному Ривеноакомъ знаку, одинъ изъ начальниковъ остановилъ ее намѣренiе. Хитрый дикарь смотрѣлъ на Ватаву съ большимъ недоувѣрiемъ, которое, впрочемъ, оправдывалось ея образомъ дѣйствiй, ибо пока она произносила хвастливыя слова съ самымъ рѣшительнымъ видомъ, во всемъ ея существѣ выказывалось нѣкоторое безпокойство и ожиданiе чего-то, что не могло ускользнуть отъ зоркаго наблюдателя. Предложенiе развязать Звѣробоя поэтому и было оставлено, и Ватава увидѣла себя оттолкнутою отъ дерева, когда она считала уже свою попытку удавшеюся. По знаку Ривеноака, снова образовался прежнiй кругъ, и онъ объявилъ, что пытка можетъ возобновиться, потому что Бриаргорнъ вовсе не оказывается предателемъ.

— Стойте, Гуроны! Постоите вы, начальники! вскричала Юдионъ безсознательно и только съ цѣлюю выиграть время:—ради Бога подождите только одну минуту! одну единственную минуту....

Слова замерли на ея устахъ при новомъ и еще болѣе необыкновенномъ явленiи. Молодой индѣецъ однимъ прыжкомъ проникъ чрезъ ряды Гуроноу, вспрыгнулъ въ средину круга и выказалъ самоувѣренность, которая близко походила на безумiе. Такъ какъ еще пять или шесть часовыхъ разставлены были на раз-

личныхъ и довольно отдаленныхъ пунктахъ около озера, то Ривеноакъ подумалъ сперва, что одинъ изъ нихъ явился съ важными извѣстіями. Но движенія его были такъ торопливы, одежда такъ мало разукрашена, что съ перваго взгляда нельзя было опредѣлить, другъ онъ или врагъ.

Въ три прыжка онъ былъ уже воелъ Звѣробоя, и въ одну секунду перерѣзалъ связывавшія его веревки и притомъ съ такою увѣренностію и ловкостію, что плѣнникъ сразу сдѣлался свободенъ въ своихъ движеніяхъ. Затѣмъ пришлецъ бросилъ быстрый взглядъ на Ватаву, потомъ обернулся и показалъ наумленнымъ Гуронамъ благородное лицо, красивую наружность и зоркій глазъ молодого воина въ украшеніяхъ и вооруженіи Делаваара. Въ каждой рукѣ держалъ онъ, дулами вверхъ, по ружью, и у одного изъ нихъ висѣли его мѣшокъ и пороховница. Это ружье было кильдерь, которое онъ и передалъ въ руки Звѣробоя, гордо и съ угрозою посмотрѣвъ вокругъ себя.

Присутствіе двухъ вооруженныхъ среди круга поразило Гуроновъ. Они сами не имѣли подъ рукою другаго оружія, кромѣ ножей и томагавковъ; ружья же ихъ стояли внѣ круга, разбросанныя около деревьевъ; тѣмъ не менѣе они такъ хорошо владѣли собою, что не показали и тѣни страха. Впрочемъ, было невѣроятно, что столь малочисленная сила могла атаковать такую сильную толпу, и каждый ожидалъ, что этотъ необыкновенный и рѣшительный шагъ принесетъ столь же необыкновенные резуль-

таты. Пришелецъ, казалось, повнѣлъ ихъ ожиданія и приготовился говорить:

— Гуроны, сказалъ онъ: земля велика и озера въ Канадѣ обширны; съ той стороны довольно мѣста для Прокезовъ, съ этой для Делавааровъ. Я Чингахгокъ, сынъ Ункаса и родственникъ Тамелунда; это моя невѣста, а бѣлый—мой другъ. У меня было тяжело на сердцѣ, когда его со мной не было, и я послѣдовалъ за нимъ въ вашъ лагерь, чтобы ему не было сдѣлано зла. Дѣвушки Делавааровъ ожидаютъ Ватаву и удивляются ея долгому отсутствію. И потому идите и оставьте насъ идти своей дорогой.

— Гуроны! вскричалъ предатель Бріаргорнъ.— Это вашъ смертельный врагъ, Большой Змѣй Делавааровъ! Если вы его упустите, то слѣды ваши будутъ кровавые до самой Канады. Слушайте меня, ибо я другъ Гуроновъ.

Говоря эти слова, злобный предатель поднялъ руку и швырнулъ свой острый ножъ въ голую грудь Делаваара. Быстрое движеніе Ватавы отклонило однако ножъ, и онъ вонзился въ сосну; вслѣдъ за тѣмъ полетѣлъ ножъ изъ руки Чингахгока и попалъ лучше: онъ вонзился въ сердце зачинщика, который тотчасъ съ ужаснымъ крикомъ палъ мертвымъ.

Со времени появленія Чингахгока въ кругу до паденія Бріаргорна прошло не болѣе минуты. До сихъ поръ быстрое теченіе обстоятельствъ не давало Гуронамъ возможности дѣйствовать; но теперь, когда случилась стычка, они очнулись отъ своего бездѣй-

ствія: раздался всеобщій крикъ, и вся толпа пришла въ движеніе. Но въ ту самую минуту въ дѣсу послышался совершенно необыкновенный шумъ, и всѣ Гуроны, какъ мужчины, такъ и женщины, остановились, прислушиваясь, съ лицами полными ожиданія. Шумъ этотъ былъ глухой, но правильно одинъ за другимъ слѣдующій звукъ, почти подобный тому, какъ будто въ землю ударили тяжелыми сваями. Вдругъ заблестѣло между деревьями, и показался отрядъ солдатъ, приближавшихся мѣрнымъ шагомъ. Они шли впередъ, готовые къ бою, и красные мундиры ихъ ярко отдѣлялись отъ вѣжной зелени листьевъ.

Только-что узнали приближавшихся, какъ у окруженныхъ Гуроновъ вырвался всеобщій, раздрающій крикъ ужаса, слившійся съ задумчивымъ и радостнымъ воинскимъ кликомъ англичанъ. Но еще не слѣзано было ни одного выстрѣла, хотя солдаты приближались своимъ твердымъ и ровнымъ шагомъ, и уже видны были блестящіе штыки около шестидесяти человекъ.

Гуроны были поставлены въ исключительно неблагоприятное положеніе. Съ трехъ сторонъ они были окружены водою, между тѣмъ какъ съ четвертой ихъ страшные и храбрые враги отрѣзывали имъ путь къ отступленію. Каждый воинъ бросился за своимъ оружіемъ, и затѣмъ всѣ, мужчины, женщины и дѣти кинулись искать скрытаго убѣжища.

При видѣ такого замѣшательства и суеты, Звѣро-

бой сохранилъ все свое спокойствіе, хладнокровіе и размышленіе. Прежде всего онъ поставилъ Юдней, Гетти и Ватаву въ безопасное мѣсто за деревьями; потомъ бросился за бѣжавшими Гуронами, и когда увидѣлъ двухъ изъ своихъ противниковъ и недавнихъ мучителей на разстояніи выстрѣла, то его ружье первое нарушило тишину страшнаго зрѣлища. Оба непріятеля пали. Это возбудило общую пальбу со стороны Гуроновъ, и въ этомъ шумѣ можно было слышать выстрѣлы ружья Чингахгока и его дикій, громкій военный крикъ. Солдаты все еще не стрѣляли, но теперь уже слышались восклицанія и выстрѣлы Гурри, который шелъ рядомъ съ ними, короткая, быстрая команда офицера и тяжелые, ровные шаги.

Но скоро послышались проклятія, крики и стоны, которые почти всегда бываютъ послѣдствіемъ атаки въ штыки, ибо это страшное смертоносное оружіе пушено было въ дѣло, и началась безчеловѣчная рѣзня, въ которой ни старій, ни малой, ни мужчина, ни женщина не находили ни состраданія, ни спасенія. Ни одинъ Гуронъ не избѣгнулъ смерти: не осталось въ живыхъ никого, кто бы могъ принести въ племя извѣстіе о страшной, смертельной битвѣ.

Скорое прибытіе войска столь кстати объяснялось очень просто тѣмъ, что Гурри встрѣтилъ ихъ на пути своемъ къ форту, въ недалекомъ разстояніи отъ озера; онъ тотчасъ воротился съ ними назадъ, оказалъ имъ большія услуги какъ проводникъ, и, по указаніямъ Чингахгока, котораго нашелъ въ замкѣ, довольно скоро

приблизился къ мѣсту, которое немедленно и сдѣлалось полемъ описанной кровавой битвы.

Еще вечеромъ того дня надо было похоронить множество убитыхъ, и затѣмъ солдаты, кромѣ нѣсколькихъ часовыхъ, пошли на отдыхъ, такъ, какъ по плану командовавшаго офицера, необходимо было, на разсвѣтъ слѣдующаго дня, пуститься въ обратный путь къ форту. Звѣробой, Юднѣ, Гетти, Ватава, Чингахгокъ и Гурри воротились однако въ замокъ, гдѣ и провели вечеръ въ разговорахъ о приключившемся.

На другое утро, когда Юднѣ и Гетти объявили, что желаютъ отправиться съ солдатами въ фортъ, чтобъ оттуда ѣхать къ теткѣ въ Бостонъ, всѣ цѣнные вещи обѣихъ дѣвушекъ были уложены и переданы подъ надзоръ офицера. Потомъ онѣ сами простились съ своими вѣрными товарищами, поблагодаривъ ихъ за помощь, и наконецъ съ полными слезъ глазами оставили Звѣробоя, Чингахгова и Ватаву. Гурри провожалъ ихъ, а Звѣробой смотрѣлъ имъ вслѣдъ, полный участія, пока могъ еще видѣть ихъ. Когда они оставили за собою озеро, то исчезли въ тѣни лѣсовъ, и благородный охотникъ никогда болѣе не видѣлъ ихъ; но какъ-то впоследствии слышалъ, что обѣ дѣвушки были очень любезно приняты теткой, что Юднѣ вступила въ выгодный бракъ съ дѣльнымъ кораблестроителемъ, что Гетти жила у ней въ домѣ, чтобы никогда не разставаться, и наконецъ, что обѣ жили такъ счастливо, какъ только возможно на землѣ для человѣческаго существа.

О Гурри Звѣробой ничего болѣе не слышалъ. Но мы знаемъ, что векорѣ послѣ разлуки съ сестрами онъ палъ въ битвѣ съ дикими, на которыхъ напалъ съ неудобнымъ увлеченіемъ, полагаясь на свою необыкновенную тѣлесную силу. Онъ выполнилъ свою участь тѣмъ способомъ, какой предсказалъ бы ему Звѣробой, еслибъ онъ ранѣе спросилъ его о томъ.

Когда уже по близости озера никого не было, и сестры уже давно скрылись въ чащѣ лѣса, Звѣробой и Чингахгокъ собрали челноки и укрѣпили ихъ въ докахъ замка. Потомъ заперли двери и окна, оставили домъ вмѣстѣ съ Ватавой, чрезъ опускающую дверь, сѣли въ челнокъ, задвинули входъ въ доки, и направились къ лѣсамъ, чтобъ вернуться въ свое отечество, селеніе Делаваровъ, куда и прибыли вечеромъ слѣдующаго дня.

Война, которой начало мы описали, была жаркая и кровавая. Чингахгокъ достигъ между своимъ такой славы, что имя его никогда не было произнесимо ~~иначе~~ похвалѣ. Жена его, Ватава, наградила его крикомъ сыномъ, котораго судьбу мы скоро узнаемъ, и Чингахгокъ далъ ему имя Ункэсъ. Онъ былъ послѣдній изъ племени, который носилъ это имя.

Звѣробой, въ свою очередь, извѣстный болѣе подвигами Соколиного Глаза, достигъ также большой извѣстности, и трескъ его ружья скоро сдѣлался для Мингосовъ такъ же страшенъ, какъ перебаты грома. Онъ скоро примкнулъ къ англійскому войску.

гдѣ выдержалъ неоднократныя испытанія въ мужествѣ, храбрости и проникательности.

Прошло пятнадцать лѣтъ, прежде чѣмъ Звѣробой нашелъ случай посѣтить озеро. Предстояла новая война, и онъ, вмѣстѣ съ вѣрнымъ другомъ Чингахгокомъ, спѣшилъ къ форту, чтобъ присоединиться къ своимъ союзникамъ. Ункасъ сопровождалъ ихъ, и они достигли озера въ ту самую минуту, когда закатывалось солнце.

Все въ этой прекрасной странѣ осталось по-прежнему. Рѣка текла, какъ и прежде, подъ густымъ сводомъ лѣса; небольшая скала, на которой Звѣробой нашелъ своего друга Чингахгока и съ которой привалъ его на пловучій домъ, стояла еще крѣпко, хотя постепенно разрушалась отъ дѣйствія воды, омывавшей ее тысячи лѣтъ; горы воздымались въ своихъ прекрасныхъ, полныхъ тайнъ, лѣсныхъ украшеніяхъ, а озеро колыхалось въ своемъ дорогомъ одиночествѣ, какъ прекрасный благородный камень, украшающій безконечные лѣса.

На другое утро Ункасъ увидалъ челнокъ, прибитый къ берегу волнами и вѣтромъ. Онъ былъ въ нѣсколько минутъ сдѣланъ годнымъ къ употребленію, и всѣ сѣли въ него, чтобъ осмотрѣть разныя мѣста озера, дорогія имъ по воспоминаніямъ. Они плыли мимо всѣхъ выступовъ земли, и Чингахгокъ показалъ своему сыну, гдѣ былъ первый лагерь Гуроновъ, и потомъ то мѣсто, откуда ему удалось похитить Ватаву. Здѣсь они на минуту вышли на берегъ, но потомъ

тотчасъ направились къ полю битвы, слѣды которой еще не совсѣмъ изгладились: дикіе звѣри вырыли похороненныя трупы, и кости ихъ бѣлѣлись при лучахъ солнца, покрытыя каплями дождя.

Съ мыса они поплыли къ замку, обратившемуся въ живописныя развалины. Зимнія бури сорвали съ него крышу, а гниль уничтожила столбы; челноки изъ доковъ исчезли, такъ какъ сгнившій заборъ далъ имъ свободный выходъ, но всѣ закрѣпы и задвижки были еще цѣлы. Свап, на которыхъ построенъ былъ замокъ, сгнили, и по всему было видно, что двухъ зимъ да нѣсколькихъ бурь и непогодъ будетъ достаточно, чтобы погрузить все строеніе въ озеро и изгладить на поверхности этой картинной пустыни всякіе слѣды человѣческаго жилья.

Пловучій домъ друзья наши нашли прибитымъ къ восточному берегу, куда онъ давно былъ отогнанъ сѣверозападными вѣтрами. Онъ оказался наполненнымъ водою, безъ крыши, дерево сгнило, и только немалое количество валялось въ его грубой постройки. На одномъ изъ разбитыхъ кусковъ дерева висѣла ленточка Юдней. Звѣробой снялъ ее частію съ тягостнымъ, а частію съ пріятнымъ чувствомъ и украсилъ ею свое ружье кильдеръ въ воспоминаніе той, которую оно было подарено.

По всѣмъ признакамъ можно было заключить, что озеро не посѣщалось съ тѣхъ поръ, какъ друзья наши его покинули, и Чингахгокъ съ Звѣробоемъ разстались съ нимъ въ глубокихъ и серьезныхъ размышленіяхъ,

ибо эта прекрасная мѣстность была свидѣтельницею ихъ первыхъ подвиговъ, и возбудила въ сердцахъ обоихъ воспоминаніе о трогательныхъ сценахъ и часахъ полнѣйшаго торжества. Молча продолжали они путь въ Могавкъ, чтобы кинуться въ новыя приключенія, быть можетъ, не менѣе замѣчательныя и достойныя удивленія, какъ тѣ, которыя мы попытались передать нашихъ юнымъ читателямъ въ вышеназложенномъ разсказѣ.

КОНЕЦЪ ЗВѢРБОЯ.

Издавая въ свѣтъ сочиненія Фенимора Кунера въ русскомъ переводѣ, считаю обязанностію своею предварить читателей, что творенія англійскаго писателя нѣсколько сокращены и передѣланы, въ тѣхъ собственно видахъ, чтобъ сдѣлать чтеніе повѣстей его доступнымъ и для юношества, но при этомъ конечно сохранена главная нить разсказа. Эти же передѣлки и сокращенія, уменьшивъ объемъ томовъ, дали возможность назначить продажную цѣну цмъ болѣе умѣренную.

Издатель.